

РУСИСТИКА

Том 17 № 2 2019

БЕЛОРУССКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-2

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Научный журнал

Издается с 2003 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72956 от 25.05.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Шаклеин В.М., академик РАН, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), член Совета по русскому языку при президенте РФ, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Ответственный секретарь

Стрельчук Е.И., доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов

Члены редакционной коллегии

Алефиренко Н.Ф. — действительный член Российской академии социальных наук, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Белгородского государственного университета (Россия, Белгород)

Бальхина Т.М. — академик МАНПО, вице-президент РОПРЯЛ, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Вальтер Харри — член президиума Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), доктор филологических наук, профессор, профессор Института славистики Университета имени Эрнста Морица Арндта, заместитель председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов (Германия, Грайсвальд)

Гаврилина М.А. — доктор педагогики, профессор, профессор Латвийского университета (Латвия, Рига)

Гусман Тирадо Рафаэль — член президиума МАПРЯЛ, доктор филологических наук, профессор кафедры греческой и славянской филологии Гранадского университета (Испания, Гранада)

Дейкина А.Д. — заслуженный деятель науки и образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Дэвидсон Дэн — почетный президент Американских советов по международному образованию АСПРЯЛ и АКСЕЛС, старший академический советник и директор научно-исследовательского центра Американских советов по международному образованию, директор Института русского языка, иностранный член Российской академии образования, PhD по филологии, профессор по русскому языку и изучению иностранного языка Брин-Мор колледжа (США, Вашингтон)

Загоровская О.В. — председатель Совета по русскому языку при администрации Воронежской области, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы Воронежского государственного педагогического университета (Россия, Воронеж)

Маслова В.А. — член президиума ВАК Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь, Витебск)

Мокиенко В.М. — действительный член Европейского общества фразеологов «ЕВРОФРАЗа», доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета (Россия, Санкт-Петербург)

Перотто Моника — PhD по педагогике, профессор, научный сотрудник кафедры русского языка факультета иностранных языков и литературы Болонского университета (Италия, Болонья)

Протасова Е.Ю. — доктор педагогических наук, профессор, профессор-адъюнкт отделения языков гуманитарного факультета Хельсинкского университета (Финляндия, Хельсинки)

Рацибурская Л.В. — действительный член комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Рязанова-Кларк Лара — член Королевского лингвистического общества, PhD по филологии, заведующая русским отделением Эдинбургского университета, академический директор Российского центра книжки Дашковой при Эдинбургском университете, директор научного центра «Русский язык в контексте» (Великобритания, Эдинбург)

РУСИСТИКА

ISSN 2618-8171 (online); ISSN 2618-8163 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Cyberleninka, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeliev.

Цель и тематика

Научный журнал «Русистика» имеет 15-летнюю историю. Созданный в 2003 году «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания» публиковал статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований в области лингвистики, анализа текста, лингвокультурологии и методики преподавания русского и иностранных языков.

В настоящее время журнал специализируется на рассмотрении актуальных вопросов русского языка и методики его преподавания как родного, неродного и иностранного в условиях русской, близкородственной и неродственной языковых сред.

Журнал является площадкой для научного сообщества в области отечественной и зарубежной русистики, освещает спектр проблем как собственно лингвистических, так и связанных с культурно-историческими и социальными аспектами изучения и преподавания русского языка.

Миссия журнала заключается в предоставлении возможностей русистам из различных стран и регионов объективно информировать международное научное сообщество о состоянии исследований русского языка, проблемах его функционирования в многополярном мире, вызывать дополнительный интерес ученых к этим проблемам.

Цель журнала: создание научного-исследовательского, образовательного и информационного пространства для взаимного обмена достижениями российских и зарубежных ученых, специализирующихся в области русского языка и методики его преподавания.

Задачи:

1. Обмен научными достижениями российских и зарубежных коллег в области русистики, публикации результатов научных центров по проблемам развития и сохранения русского языка в многополярном мире.

2. Освещение государственной политики Российской Федерации в области русского языка и методики его преподавания.

3. Рассмотрение теоретических исследований по проблемам функционирования русского языка в Российской Федерации и за рубежом.

4. Актуализация проблем методики преподавания русского языка как родного, неродного, иностранного.

5. Анализ современных тенденций в развитии школьной и вузовской русистики.

6. Отражение вопросов изучения и преподавания русского языка как иностранного и проблем сохранения русского языка в диалоге.

7. Презентация медиадидактических и электронных средств обучения русскому языку и методике его преподавания.

Материалы могут быть представлены в виде научных статей (теоретических, научно-практических, научно-методических), обзорных научных материалов, рецензий, аннотаций, научных сообщений, посвященных деятелям российской и зарубежной науки.

К публикации принимаются только оригинальные статьи, ранее не опубликованные. Самоплагат не допускается.

Журнал входит в Перечень рецензируемых периодических изданий, публикации которых принимаются к рассмотрению ВАК РФ при защите диссертационных исследований. Приоритет отдается научным разработкам докторантов и докторов наук. Для начинающих ученых предназначена рубрика «Страничка молодого исследователя».

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ:

10.02.00 — Языкознание;

10.02.01 — Русский язык;

10.02.19 — Теория языка;

13.00.00 — Педагогические науки;

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования).

Журнал имеет международный статус, который определен составом редколлегии и рецензентами (известные ученые иностранных академий и университетов из России, США, Беларуси, Испании, Италии, Латвии, Финляндии, Германии, Великобритании).

Журнал выходит один раз в квартал (4 номера в год). Подписка на печатную версию журнала оформляется в почтовых отделениях РФ. Индекс журнала в каталоге подписных изданий Агентства «Роспечать» — 36433.

Редактор *Ю.А. Заикина*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.university

Подписано в печать 16.04.2019. Выход в свет 30.04.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 9,99. Тираж 500 экз. Заказ № 632. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES

VOLUME 17 NUMBER 2 2019

BELARUSIAN SCHOOL OF CULTURAL LINGUISTICS

DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-2

<http://journals.rudn.ru/russian-language-studies>

Founded in 2003

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Shaklein V.M. Member of the Academy of Natural Sciences, Doctor of Philology, Professor, Honoured Employee of Higher Education of the Russian Federation, Honoured Higher and Professional Education Employee of the Russian Federation, Member of Executive Board of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Member of Presidential Russian Language Council, Head of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University))

EXECUTIVE SECRETARY

Strelchuk E.N. Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching (Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University))

EDITORIAL BOARD

Alefirenko N.F. — full member of the Academy of Social Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Russian Language, Belgorod State University (Russia, Belgorod)

Batykhina T.M. — member of the International Teacher's Training Academy of Science (MANPO), Vice-President of Russian Association of Teachers of the Russian Language and Literature (ROPRYAL), Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russia, Moscow)

Davidson Dan — President Emeritus and Director of American Councils Research Center (ARC), American Councils for International Education, Director of Russian Language Centre, Foreign Member of Russian Academy of Education, PhD in Philology, Professor of the Russian Language and Foreign Language Studies, Bryn Mawr College (USA, Washington)

Deikina A.D. — Honoured Worker of Science and Education, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Chair of Methods of Teaching Russian, Institute of Philology, Moscow Pedagogic State University (Russia, Moscow)

Gavrilina M.A. — Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Lithuanian University (Lithuania, Riga)

Gusman Tirado Rafael — member of Executive Board of International Association of Teachers of the Russian Language and Literature (MAPRYAL), Doctor of Philology, Professor of the Chair of Greek and Slavonic Philology, Granada University (Spain, Granada)

Maslova V.A. — member of the Presidential Board of Higher Attestation Commission of Belarus, Doctor of Philology, Professor of the Chair of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus, Vitebsk)

Mokienko V.M. — full member of European Society of Phraseologists "EUROPHRAS", Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Slavonic Philology, Saint Petersburg University (Russia, Saint Petersburg)

Perotto Monica — PhD in Pedagogy, Professor, research assistant and Associate Professor of the Chair of the Russian Language Foreign Languages Faculty, Bologna University (Italy, Bologna)

Protasova E.Yu. — Doctor of Pedagogy, Professor, Associate Professor of Language Department, Humanitarian Faculty, Helsinki University (Finland, Helsinki)

Ratsiburskaya L.V. — full member of Slavonic Education Commission under International Committee of Slavistics, Doctor of Philology, Professor, Chairperson of the Chair of Modern Russian Language and General Linguistics, National Research Nizhegorodskiy State University (Russia, Nizhny Novgorod)

Ryazanova-Clarke Lara — member of Royal Linguistic Society, PhD in Philology, Chairperson of Russian Department of Edinburgh University, Academic Director of Russian Centre of Princess Dashkova in Edinburgh University, Director of Scientific Centre "Russian Language in Context" (Great Britain, Edinburgh)

Walter Harry — member of the Presidium of International Association of Teachers of Russian Language and Literature, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Ernst Moritz Arndt University, Institute of Slavistics, Deputy of Chairperson of Phraseological Commission under International Committee of Slavists (Germany, Greifswald)

Zagorovskaya O.V. — Chairperson of Russian Language Council of Voronezhskaya oblast Administration, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature, Voronezh State Pedagogic University (Russia, Voronezh)

RUSSIAN LANGUAGE STUDIES**Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow**

ISSN 2618-8171 (online); ISSN 2618-8163 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed by DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Mendeley.

Aims and Scope

The scientific journal "Russian Language Studies" has been published for 15 years. "RUDN Journal of Russian and foreign languages research and teaching" first appeared in 2003 and published articles on fundamental and applied linguistics, text analysis, cultural linguistics, methods of teaching Russian and foreign languages.

Nowadays, the journal is focused on methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language in Russian, closely related and unrelated linguistic environment.

The journal presents a platform for Russian and foreign scientists, reflects not only linguistic, but also cultural, historical, social aspects of learning and teaching Russian.

The journal aims at giving actual information on the position of the Russian language in the multipolar world.

The aim of the journal is to create a scientific, research, educational and information space for presenting the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language.

The targets of the journal are:

- delivering the achievements of Russian and foreign scientists in Russian language studies and methods of teaching Russian as a foreign language, the results of scientific centres in developing and keeping Russian language in the multipolar world;

- presenting Russian national policy in Russian language and methods of its teaching;

- characterizing scientific articles on Russian language functioning in Russia and abroad;

- pointing out essential problems in methods of teaching Russian as a foreign, non-native, and native language;

- analyzing modern trends in school and university Russian language studies;

- reflecting problems of learning and teaching Russian as a foreign language and keeping Russian language in diasporas;
- assessing media-didactic and electronic means of teaching Russian.

The journal publishes scientific articles (theoretical, academic and research, methodical), review articles, book reviews, annotations, scientific reports about Russian and foreign scientists.

The journal is reviewed by Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The preference is given to articles written by doctoral postgraduates and doctors of science. Starting investigators are published on the "Page of a young scientist".

The journal has an international status proved by editorial board and reviewers including outstanding scientists from Russia, the United States, Belarus, Spain, Italy, Latvia, Finland, Germany, Great Britain.

The journal is published every three months with 4 issues a year. Readers can subscribe in post-offices of the Russian Federation. The index of the journal in subscription editions catalogue "Rospechat" is 36433.

Copy Editor *Iu.A. Zaikina*
Layout Designer *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board journal "Russian Language Studies":
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-07-45; e-mail: rflj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛОРУССКАЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Слово редактора 131

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Лавицкий А.А. (Беларусь, Витебск) С любовью к слову: к юбилею профессора В.А. Масловой 133

ОБЗОРНАЯ СТАТЬЯ

Мамонтов А.С. (Россия, Москва) Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации 143

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Иванов Е.Е. (Беларусь, Могилев) О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке 157

Кураш С.Б. (Беларусь, Мозырь) Феномен метафоры в русистике: от прошлого к будущему 171

Маслова В.А. (Беларусь, Витебск) Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект 184

Николаенко С.В. (Беларусь, Витебск) Русский язык — через национальные реалии и культуру 198

Поплавская Т.В. (Беларусь, Минск) Поликультурная идентичность в контексте городского пейзажа 213

СТРАНИЧКА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Бартош Ю.В. (Беларусь, Витебск) Специфика языка русской сетевой поэзии .. 229

Пивовар Е.С. (Беларусь, Витебск) Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских 243

ХРОНИКА

Поплавская Т.В. (Беларусь, Минск) Рецензия на учебное пособие В.А. Масловой «Концептуальные основы современной лингвистики» (Москва: Флинта, 2019. 332 с.) 255

CONTENTS

BELARUSIAN SCHOOL OF CULTURAL LINGUISTICS

From the editor	132
OUR ANNIVERSARIES	
Lavitski A.A. (Belarus, Vitebsk) To the word with love: dedicated to the anniversary of professor V.A. Maslova.....	133
REVIEW ARTICLE	
Mamontov A.S. (Russia, Moscow) Cultural linguistics in the aspect of teaching the Russian language as a means of intercultural communication	143
CULTURAL LINGUISTICS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS	
Ivanov E.E. (Belarus, Mogilev) Aphoristic units recurrence in modern Russian language	157
Kurash S.B. (Belarus, Mozyr) The phenomenon of metaphor in Russian language studies: from the past to the future.....	171
Maslova V.A. (Belarus, Vitebsk) The role of a language in the world’s conceptualization: the aspect of cultural linguistics.....	184
Nikalayenko S.V. (Belarus, Vitebsk) Russian language through the prism of national culture and realities.....	198
Poplavskaja T.V. (Belarus, Minsk) Multicultural identity in the context of urban landscape	213
THE PAGE OF A YOUNG SCIENTIST	
Bartosh Ju.V. (Belarus, Vitebsk) Specific language of Russian Internet poetry	229
Pivovar Ye.S. (Belarus, Vitebsk) The key concept as a structuring base of Russian and Belarusian linguistic worldview	243
CHRONICLE	
Poplavskaja T.V. (Belarus, Minsk) Review of the textbook of V.A. Maslova “Conceptual Bases of Modern Linguistics” (Moscow: Flinta Publ., 2019. 332 p.)	255

Слово редактора

Уважаемые читатели!

Этот номер посвящается профессору Валентине Авраамовне Масловой — талантливому белорусскому ученому, основателю белорусской лингвокультурологической школы. Представлены статьи ее коллег, учеников, молодых исследователей.

Работы Валентины Авраамовны известны не только в родной Беларуси, но и в международном научном сообществе. Она — автор более 40 монографий и учебных пособий. Под ее руководством защищаются кандидатские и докторские диссертации.

Валентина Авраамовна всегда бодра, иронична, иногда саркастична, полна идей, настойчива в их реализации, легка на подъем, открыта в общении, способна понять и принять другую точку зрения и в то же время тверда, если уверена в своей правоте.

Сочетание легкости и упорства, необыкновенная работоспособность, яркий талант приносят свои плоды — можно без преувеличения сказать: доктор филологических наук, профессор Валентина Авраамовна Маслова — один из крупнейших современных ученых в области лингвокультурологии и теории языка.

Новых Вам творческих успехов, дорогая Валентина Авраамовна!

С уважением,
В.М. Шаклеин,
главный редактор
журнала «Русистика»

From the editor

Dear readers!

This issue is dedicated to Professor Valentina Avraamovna Maslova, the talented Belarusian scientist, the founder of Belarusian school of cultural linguistics. It contains articles of her colleagues, apprentices, young scientists.

Valentina Avraamovna's scientific works are well-known not only in her native country Belarus, but also abroad. She is the author of more than 40 monographs, textbooks and manuals. She is the academic adviser of postgraduate and doctoral students.

Valentina Avraamovna is always vigorous, ironical, sometimes sarcastic, full of new ideas, persistent in their realization, outgoing, open, can understand and accept a different point of view and at the same time firm when she feels certain about something.

The combination of flexibility and persistency, outstanding capacity to work, bright talent bring great results: Doctor of Philology, Professor V.A. Maslova is a brilliant modern scientist working in the sphere of cultural and cognitive linguistics.

We wish you further creative success, dear Valentina Avraamovna!

Yours sincerely,
V.M. Shaklein,
Editor-in-Chief

Научное сообщение

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-133-142

УДК 811.161.1'276.6

С любовью к слову: к юбилею профессора В.А. Масловой**А.А. Лавицкий**

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

В научном сообщении представлен краткий очерк о научной биографии и научной деятельности доктора филологических наук, профессора кафедры германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова В.А. Масловой. Валентина Авраамовна является одним из самых известных современных русскоязычных ученых-лингвистов. Ее авторству принадлежит более 700 трудов, в том числе целый ряд учебных изданий, получивших статус «классических». В сферу научных интересов профессора В.А. Масловой входит несколько лингвистических направлений, таких как лингвокультурология, когнитивная лингвистика, филологический анализ текста, философия языка и др. Валентина Авраамовна более 20 лет является руководителем лингвокультурологической научной школы, в рамках работы которой реализовано значительное количество финансируемых научно-исследовательских работ, защищены кандидатские и докторская диссертации.

Ключевые слова: Валентина Авраамовна Маслова, ученый, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, анализ текста, научная школа

В начале 2019 года доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова празднует свой очередной юбилей. На просторах славянского мира сложно себе представить исследователя-гуманитария или современного студента-филолога, которому было бы незнакомо имя **Валентины Авраамовны Масловой** — выдающегося ученого, одного из основоположников ряда направлений в языкознании (лингвокультурологии, лингвокультурологического анализа поэтического текста). Быть лично знакомым с Валентиной Авраамовной — большая честь, стать ее учеником — великая гордость, войти в круг друзей — бесценное благо. В своей жизни она состоялась как один из величайших ученых нашего времени, успешный педагог и наставник, преданный и честный друг.

Кроме того, профессор В.А. Маслова нашла себя и в семейной жизни: вырастила сына, имеет чудесную внучку, поддерживает тесные и теплые связи с много-

© Лавицкий А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

численной родней. Всего в жизни она достигла сама, благодаря своему трудолюбию, целеустремленности, честности, принципиальности и, конечно же, огромному таланту.

Валентина Авраамовна родилась 2 января в г. Климовичи — небольшом райцентре на Могилевщине. Ее детство пришлось на тяжелые послевоенные годы. Быт семьи не отличался большим достатком: родители (отец — Авраам Дмитриевич и мать — Татьяна Васильевна) трудились на скромных должностях сельскохозяйственных служащих (агроном и землемер). Однако в семье никогда не стремились к материальным благам, что передалось и Валентине Авраамовне. Настоящими ценностями считали духовность, основанную на традициях православной веры, любовь к родной земле, трудолюбие, уважение к старшим.

В школьные годы будущий профессор проявила склонность к учебе: на «отлично» успевала по всем дисциплинам, посещала всевозможные предметные кружки. Но любовь к слову взяла верх над увлеченностью биологией и математикой, и после получения аттестата зрелости, оказавшись волею судьбы в Средней Азии у родственников, Валентина Авраамовна поступает на филологический факультет Киргизского государственного университета. Последующие полтора десятка лет жизни В.А. Масловой связаны именно с Киргизией, где она блестяще окончила учебу в вузе и начала трудовую деятельность на кафедре русского языка Ошского государственного университета. За это время прошло не только ее профессиональное становление как педагога, но сложилась личная жизнь: она вышла замуж, родила сына. Только самыми добрыми словами до сих пор Валентина Авраамовна вспоминает этот период ее жизни и своих киргизских коллег (Суюнбека Ибрагимова, Мамеда Тагаева, Тамару Увалканову, Людмилу Иванову) и наставников (Арона Абрамовича Брудного, Михаила Александровича Рудова).

За год до возвращения на Родину в 1981 году в Институте языкознания Академии наук СССР Валентина Авраамовна успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему «Принцип противопоставления и его реализация в семантике языка».

Переехав в Беларусь, своим новым местом работы молодой и амбициозный доцент В.А. Маслова выбирает Витебский педагогический институт имени С.М. Кирова, где ей предлагают место на кафедре русского и белорусского языков, которая затем преобразовалась в кафедру общего и русского языкознания. Достаточно быстро завоевав среди коллег и студентов заслуженный авторитет как неординарный преподаватель, талантливый исследователь и успешный педагог, Валентина Авраамовна продолжает свою научную карьеру в докторантуре при Белорусском государственном университете, после окончания которой в 1992 году под руководством профессора А.Е. Супруна блестяще защищает диссертацию на тему «Онтологический и психолингвистический аспекты экспрессивности текста».

Спустя несколько лет, уже в родном для нее Витебске, доктор филологических наук В.А. Маслова основывает новаторскую для того времени по своим идеям лингвокультурологическую научную школу (Научные школы..., 2014: 44—59). Концепция развития школы базировалась на работах профессора, где показано, что язык одновременно является и орудием создания, развития, хранения куль-

туры и ее неотъемлемой частью, так как именно язык позволяет созидать, создавая не только нематериальные, но и реально существующие во времени и пространстве элементы культуры. Язык являет собой особый архив, отражающий историю становления и развития духовной составляющей бытия всего человечества. Этот факт определяет объективную необходимость особого внимания к языку со стороны как лингвистов, так и носителей языка. В качестве инструмента культуры язык участвует в организации мышления, формировании концептуальных понятий в языковом сознании личности. Именно профессор В.А. Маслова одной из первых дала новую жизнь идее о необходимости изучения культуры через язык, заложенной еще в трудах В. фон Гумбольдта, и по праву вписала свое имя в историю становления лингвокультурологии. Новое лингвистическое направление поставило важную цель: постичь тайны слова в культуре и объяснить, каким образом реализуется одна из фундаментальных функций языка — быть хранителем и ретранслятором культурных кодов. Прикладное назначение лингвокультурологического направления заключается в изучении культуры посредством овладения языком.

Современная лингвокультурология самым тесным образом связана с когнитивной лингвистикой, в рамках которой принято выделять два направления: философское (философско-логическое) и собственно лингвокультурологическое, которое ориентируется на изучение языковых средств объективизации концептов и их национально-культурного фона. Таким образом, лингвокультурологию можно рассматривать и как одну из составляющих когнитивистики — основу развития теории концептуальной лингвистики, в которую заложена идея о том, что язык не только способен отражать концептуальные явления, но и сам маркирован спецификой формирования концептуальных представлений в сознании языковой личности. Такой подход обнаруживается не только у В. фон Гумбольдта, но и в трудах А.А. Потебни, однако стать одним из наиболее значимых для современной лингвистики он смог только в конце прошлого века — начале нового. При этом речь идет не только об описании отдельных концептов, а о реконструкции целостной картины мира. Такое понимание перспектив исследовательской деятельности для своей научной школы позволили Валентине Авраамовне воспитать целую плеяду молодых ученых и значительно продвинуться в вопросах изучения языкового сознания и коммуникативного пространства региона, описания ряда концептов, выявления лингвокультурологических особенностей восприятия картины мира.

В настоящее время в рамках школы активно разрабатываются три направления, по каждому из которых опубликован целый ряд учебных изданий, монографий, статей, тезисов и материалов конференций:

1. Филологический анализ художественного текста.
2. Современные лингвокультурологические исследования.
3. Современная когнитивистика.

Валентина Авраамовна и ее ученики за время существования школы реализовали более десяти финансируемых грантовых исследовательских тем, опубликовали более 1000 научных трудов, защитили 10 кандидатских и 1 докторскую диссертацию.

На своевременность и значимость научной школы указывает тот факт, что лингвокультурологию как одно из наиболее значимых направлений языкознания сегодня изучают практически на всех лингвистических специальностях в вузах Беларуси, России, Украины, Казахстана, Киргизии и других стран, в том числе по учебным пособиям Валентины Авраамовны. Первое «Введение в лингвокультурологию» вышло в свет в 1997 году (Маслова, 1997а). Следующий учебник «Лингвокультурология» (Маслова, 2001) был переиздан четыре раза (2001, 2004, 2007, 2010), а пособие «Коды лингвокультуры» (в соавторстве с М.В. Пименовой) (Маслова, Пименова, 2016) настолько популярно в последние годы, что печатается издательством ежегодно (2016, 2017, 2018), впрочем, как и «Лингвокультурология. Введение» (2017, 2018) (Маслова, 2018б).

Не менее значимыми следует признать и ее учебные издания по когнитивной лингвистике (Маслова, 2004б; Маслова, 2004в), филологическому анализу текста (Маслова, 1997; Маслова, 1999; Маслова, 2000). Цитируемыми являются и учебные издания «Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой» (Маслова, 2004г), «Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд» (Маслова, 2006). Кроме того, в русле лингвокультурологического направления профессором В.А. Масловой написан ряд монографий «Homo lingualis в культуре» (2004, 2007) (Маслова, 2004а), «Национальный характер сквозь призму языка» (Маслова, 2011). И наконец, признанием ее заслуг в области изучения вопросов, находящихся на стыке интересов языка и культуры, стала публикация в 2018 году в США работы “Linguistic-culture: a Russian Picture of the World” (Maslova, 2018). В настоящее время к изданию готовится еще одна ее книга на английском языке.

За последние 5 лет В.А. Маслова написала и переиздала целый ряд книг: «Филологический анализ художественного текста» (Маслова, 2018г), «Поэтический текст: новые подходы и решения» (Маслова, 2016б), «Лингвистический анализ текста. Экспрессивность» (в соавторстве с У.М. Бахтикиреевой) (Маслова, 2016а), «Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста» (Маслова, 2014).

Проявляя широчайшую эрудицию и научную дальновидность, Валентина Авраамовна внесла значительный вклад и в развитие региональной лингвистики и лингвоаксиологии. В рамках последнего направления в 2017 году в Минске под ее редакцией, а также под редакцией М.В. Пименовой была издана коллективная монография «Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов» (Славянские ценности..., 2017).

В последние несколько лет под ее авторством подготовлено несколько учебных изданий по современным направлениям лингвистики (Маслова, 2008; Маслова, 2018а; Маслова, 2018в).

В пособиях предлагается изучать человека на пересечении таких фундаментальных областей, как язык, культура, сознание, коммуникативная деятельность. Исследование человека сквозь призму языка чрезвычайно актуально, потому что человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, эмоции и интеллект, поступки и характер.

Обращая внимание на весь спектр научных и учебных публикаций профессора В.А. Масловой (всего около 700 работ), следует отметить, что они опублико-

ваны более чем в 20 странах мира (Беларуси, Болгарии, Германии, Казахстане, Киргизии, Латвии, Польше, России, Сербии, США, Узбекистане, Украине и др.) на 6 языках.

Как один из крупных ученых с международным именем Валентина Авраамовна читала лекции в качестве приглашенного лектора в ряде ведущих вузов России (Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Московском государственном лингвистическом университете, Государственном институте русского языка имени А.С. Пушкина и др.), Украине (Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, Крымском федеральном университете имени В.И. Вернадского, Каменец-Подольском государственном университете и др.), Польше (Гданьском университете, Зелёногурском университете, Слупском университете, Ольштынском университете), Казахстане (Павлодарском государственном университете, Кокчетавском университете и др.), Кыргызском славянском государственном университете и др.

Валентина Авраамовна Маслова по праву является одним из самых крупных ученых-гуманитариев нашей страны. Она — первый в истории суверенной Беларуси лингвист, которого президент включил в состав Президиума Высшей аттестационной комиссии. Это неслучайно: профессор Маслова носит звание самого цитируемого белорусского лингвиста. Ее научные труды, размещенные на платформе РИНЦ, были процитированы более 11 000 (!) раз. При этом среди чаще всего упоминаемых трудов не только отмеченные выше учебники и монографии ставшие классическими, но и многочисленные статьи, имеющие от 10 до 120 цитирований. Например: «Политический дискурс: языковые игры или игры в слова?» (Маслова, 2008); «К построению психолингвистической модели коннотации» (Маслова, 1989); «Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация» (Маслова, 2011); «Значение и смысл в поэтическом тексте» (Маслова, 2011), «Лингвокультурология как наука о наиболее культураносных языковых сущностях» (Маслова, 2014); «Внешность женщины в русском языковом сознании: гендерный аспект» (Маслова, 2013); «Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю.С. Степанов) (Маслова, 2012); «Концепт как способ изучения культуры через язык» (Маслова, 2012); «Национальные ценности и язык: духовный код культуры» (Маслова, 2010) и многие другие.

Подводя итог научной деятельности Валентины Авраамовны Масловой, будет неправильным отметить только ее профессиональные заслуги и не упомянуть о ее личностных качествах. Те, кто хорошо ее знают, отмечают жизнерадостный характер, заражающий оптимизм и здоровый авантюризм. Интеллигентная и воспитанная, она умеет, когда нужно, быть экспрессивной и настойчивой, но всегда остается доброй и честной по отношению к окружающим и самой себе. Отзывчивая и доброжелательная Валентина Авраамовна умеет дружить, помогать и заботиться.

Дорогая Валентина Авраамовна, от имени Ваших учеников примите самые добрые поздравления с очередным юбилеем! Спасибо Вам за наше профессиональное становление и небезучастность в личной жизни, за успешное руководство

и мудрые советы, за искреннее отношение, честность и доброту! Желаем Вам крепкого здоровья, новых успехов и благополучия! Пусть очередная юбилейная дата станет для Вас стартом очередных побед!

Список литературы

- Маслова В.А.* К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 108—120.
- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию: учебное пособие. М.: Наследие, 1997а. 207 с.
- Маслова В.А.* Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: учебное пособие для студентов вузов. Минск: Вышэйшая школа, 1997б. 156 с.
- Маслова В.А.* Филологический анализ поэтического текста: монография. Минск: Вышэйшая школа, 1999. 208 с.
- Маслова В.А.* Филологический анализ художественного текста: пособие для студентов филологических специальностей вузов. Минск: Універсітэцкае, 2000. 173 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Маслова В.А.* Homo lingualis в культуре: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2004а. 214 с.
- Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Флинта, 2004б. 295 с.
- Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учебное пособие. Минск: ТетраСистемс, 2004в. 256 с.
- Маслова В.А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учебное пособие. М.: Флинта, 2004г. 256 с.
- Маслова В.А.* Русская поэзия XX века. Лингвокультурологический взгляд: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 256 с.
- Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике: учебное пособие. Москва: Академия, 2008. 266 с.
- Маслова В.А.* Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 43—47.
- Маслова В.А.* Национальные ценности и язык: духовный код культуры // Лінгвістыка. 2010. № 2 (20). С. 19—30.
- Маслова В.А.* Значение и смысл в поэтическом тексте // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2011. № 1. С. 162—166.
- Маслова В.А.* Национальный характер сквозь призму языка: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2011. 76 с.
- Маслова В.А.* Концепты и ценности: содержание понятий, языковая репрезентация // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. 2011. Т. 24. № 2—3 (63). С. 383—387.
- Маслова В.А.* Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю.С. Степанов) // Критика и семиотика. 2012. № 17. С. 138—148.
- Маслова В.А.* Концепт как способ изучения культуры через язык // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 20—25.
- Маслова В.А.* Внешность женщины в русском языковом сознании: гендерный аспект // Гендерная лингвистика. Павлодар, 2013. С. 130—145.

- Маслова В.А.* Лингвокультурология как наука о наиболее культуросносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 78—90.
- Маслова В.А.* Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. 104 с.
- Маслова В.А.* Лингвистический анализ текста. Экспрессивность: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. У.М. Бахтикиреевой. М.: Юрайт, 2016а. 200 с.
- Маслова В.А.* Поэтический текст: новые подходы и решения: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2016б. 316 с.
- Маслова В.А., Пименова М.В.* Коды лингвокультуры: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2016. 177 с.
- Маслова В.А.* Концептуальные основы современной лингвистики. М.: Флинта; Наука, 2018а. 296 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / отв. ред. У.М. Бахтикиреева. М.: Юрайт, 2018б. 206 с.
- Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018в. 184 с.
- Маслова В.А.* Филологический анализ художественного текста: учебное пособие для академического бакалавриата / под ред. У.М. Бахтикиреевой. М.: Юрайт, 2018г. 145 с.
- Научные школы учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»: монография / сост. В.Н. Виноградов [и др.]; под общ. ред. И.М. Прищепы. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. 146 с.
- Славянские ценности в коммуникативном пространстве регионов: коллективная монография / гл. ред. В.А. Маслова [и др.]. Минск: Энциклопедикс, 2017. 268 с.
- Maslova V.* Linguistic-Culture: a Russian Picture of the World // translated by Alfred Santos. Russian Academic Translations, 2018. 236 p.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 22.11.18

Дата принятия к печати: 12.12.18

Для цитирования:

Лавицкий А.А. С любовью к слову: к юбилею профессора В.А. Масловой // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 133—142. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-133-142

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов:* юрислингвистика, психоллингвистика, медиалингвистика, лингвокультурология. Автор более 70 научных работ. *Контактная информация:* anton_lavitski@mail.ru

To the word with love: dedicated to the anniversary of professor V.A. Maslova

Anton A. Lavitski

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovsky Ave., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The article presents a brief essay on the scientific biography and academic career of V.A. Maslova, Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology of Vitebsk State University named after P.M. Masherov. Valentina Maslova is one of the best-known modern Russian linguists. She is the author of more than 700 works including classic textbooks. The sphere of V.A. Maslova's scientific interests includes cultural linguistics, cognitive linguistics, linguistic text analysis, language philosophy, etc. Valentina Maslova has been the leader of Vitebsk school of cultural linguistics for more than 20 years. Within this period there have been implemented several funded scientific projects, PhD theses and a doctoral thesis.

Keywords: V.A. Maslova, scientist, cultural linguistics, cognitive linguistics, linguistic text analysis, scientific school

References

- Maslova, V.A. (1989). K postroeniyu psiholingvisticheskoy modeli konnotatsii [On constructing a psycholinguistic model of connotation]. *Voprosy yazykoznanija*, (1), 108—120. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (1997). *Lingvisticheskii analiz ekspressivnosti khudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Linguistic analysis of expressiveness in a literary text: manual for university students]. Minsk: Vysheishaya shkola Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (1997a). *Vvedenie v lingvokul'turologiyu: uchebnoe posobie* [Introduction to cultural linguistics: manual]. Moscow: Nasledie Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (1999). *Filologicheskii analiz poeticheskogo teksta* [Philological analysis of a poetic text]. Minsk: Vysheishaya shkola Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2000). *Filologicheskii analiz khudozhestvennogo teksta: posobie dlya studentov filologicheskikh spetsial'nostei vuzov* [Philological analysis of a literary text: manual for students-philologists]. Minsk: Universitetskoe Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Cultural linguistics: manual for university students]. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2004a). *Homo lingualis v culture* [Homo lingualis in the culture]. Vitebsk: VSU Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2004b). *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnoe posobie* [Introduction to cognitive linguistics: manual]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2004v). *Kognitivnaya lingvistika: uchebnoe posobie* [Cognitive linguistics: manual]. Minsk: TetraSistems Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2004g). *Poet i kul'tura: kontseptosfera Mariny Tsvetaevoi: uchebnoe posobie* [The poet and the Culture: the concept sphere of Marina Tsvetaeva: manual]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)

- Maslova, V.A. (2006). *Russkaya poeziya XX veka. Lingvokul'turologicheskii vzglyad: uchebnoe posobie* [*The 20th century Russian poetry. Cultural linguistic view: manual*]. Minsk: Vysheishaya shkola Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2008). Politicheskij diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? [Political discourse: language games or word games?]. *Politicheskaya lingvistika* [*Political linguistics*], 1 (24), 43—47 (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2008). *Sovremennye napravleniya v lingvistike: uchebnoe posobie* [*Modern directions in linguistics: manual*]. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2010). Nacional'nye cennosti i yazyk: duhovnyj kod kul'tury [National values and the language: spiritual code of culture]. *Lingvistyka* [*Linguistics*], 2 (20), 19—30. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2011). Koncepty i cennosti: sodержanie ponyatij, yazykovaya reprezentaciya [Concepts and values: the content of concepts, language representation]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo*, 24 (2—3), 383—387. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2011). *Natsional'nyi kharakter skvoz' prizmu yazyka* [*National character through the prism of language*]. Vitebsk: VSU Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2011). Znachenie i smysl v pochticheskom tekste [Meaning and sense in the poetic text]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Kosta Levanovicha Hetagurova* [*Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*], 1, 162—166. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2012). Koncept kak sposob izucheniya kul'tury cherez yazyk [Concept as a means of studying culture through language]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [*Actual problems of philology and pedagogical linguistics*], 14, 20—25. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2012). Poeticheskaya lingvistika kak “stiranje granic mezhdu naukoy i iskusstvom” (Yu.S. Stepanov) [Poetic linguistics “erasing the boundaries between science and art” (Yu.S. Stepanov)]. *Kritika i semiotika* [*Criticism and semiotics*], 17, 138—148. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2013). Vneshnost' zhenshchiny v russkom yazykovom soznanii: gendernyj aspekt [Woman appearance in Russian linguistic consciousness: gender aspect]. *Gendernaya lingvistika* [*Gender linguistics*]. Pavlodar, 130—145. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2014). Lingvokul'turologiya kak nauka o naibolee kul'turonosnyh yazykovyh sushchnostyah [Cultural linguistics as the science of the most culture-bearing linguistic entities]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [*Actual problems of philology and pedagogical linguistics*]. 16, 78—90. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2014). *Kognitivnyi i kommunikativnyi aspekty khudozhestvennogo teksta* [*Cognitive and communicative aspects of a literary text*]. Vitebsk: VSU Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2016a). *Lingvisticheskii analiz teksta. Ekspressivnost': uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury* [*Linguistic text analysis. Expressiveness: manual for bachelors and masters*]. Moscow: Jurajt Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2016b). *Poeticheskii tekst: novye podkhody i resheniya: uchebnoe posobie* [*A poetic text: new approaches and solutions: manual*]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A., & Pimenova, M.V. (2016). *Kody lingvokul'tury: uchebnoe posobie* [*Codes of linguistic culture: manual*]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2017). *Slavyanskije tsennosti v kommunikativnom prostranstve regionov* [*Slavic values in the regional communicative space*]. Minsk: Entsiklopediks Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018). *Filologicheskii analiz khudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata* [*Philological analysis of a literary text: manual for bachelors*]. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018a). *Kontseptual'nye osnovy sovremennoi lingvistiki* [*Conceptual bases of modern linguistics*]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)

- Maslova, V. (2018). *Linguistic-Culture: a Russian Picture of the World*. Russian Academic Translations Publ.
- Maslova, V.A. (2018b). *Lingvokul'turologiya. Vvedenie: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury* [Cultural linguistics. Introduction: manual for bachelors and masters]. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018v). *Sovremennye napravleniya v lingvistike* [Modern directions in linguistics]. Vitebsk: VSU Publ. (In Russ.)
- Prishchepa I.M. (ed.) (2014). *Nauchnye shkoly uchrezhdeniya obrazovaniya "Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P.M. Masherova"* [Scientific schools of the educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov"]. Vitebsk: VSU Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 22.11.2018

Accepted: 12.12.2018

For citation:

Lavitski A.A. (2019). To the word with love: dedicated to the anniversary of professor V.A. Maslova. *Russian Language Studies*, 17(2), 133—142. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-133-142

Bio Note:

Anton Alekseevich Lavitski, PhD (Philology), Associate Professor, Head of Germanic Department of Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Republic of Belarus). *Research interests*: legal linguistics, psycholinguistics, media linguistics, cultural linguistics. The author of more than 70 scientific works. *Contact information*: anton_lavitski@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-143-156

УДК 811.161

Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации

А.С. Мамонтов

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6

Статья посвящена актуальному направлению в области лингвистики — лингвокультурологии в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации. Опираясь на научные труды ученых, свой многолетний научно-педагогический опыт и исходя из потребностей лингводидактики, автор предлагает рассматривать настоящую дисциплину в широком значении применительно к обучению представителей разных лингвокультур, носителей самых разных традиций, обычаев, систем ценностей. В ней значительное место занимают вопросы, связанные с пониманием сущности культуры как специфического способа человеческой жизни и деятельности, получившего вербальное воплощение. Особое место отводится проблеме учета специфики родной культуры адресата и построению наиболее адекватной модели обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации в образовательном пространстве. Обзорный характер статьи позволяет рассматривать лингвокультурологию с позиций прикладного аспекта, актуального в методике преподавания языка, в частности русского языка как иностранного.

Ключевые слова: лингвокультурология, межкультурная коммуникация, средство обучения, русский язык, культура, иностранные студенты, лингводидактика

Введение

На сегодняшний день нет единого определения лингвокультурологии, хотя имеет место общее понимание того, что речь идет о дисциплине, в которой «утвердилась идея о синкретическом единстве языка и культуры» (Шаклеин, Микова, 2015: 4). В.В. Воробьев рассматривает лингвокультурологию как «комплексную научную дисциплину синтезирующего типа, изучающую взаимосвязь культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установки (система норм и общечеловеческих ценностей)» (Воробьев,

© Мамонтов А.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

1997: 37). В свою очередь В.В. Красных предлагает следующее определение: «Лингвокультурология — это дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» (Красных, 2002: 43). В.А. Маслова дает формулировку, в которой лингвокультурология — это наука, воплощающая в себе «интегративную область знания, вбирающая в себя результаты исследования в культурологии и языкознании, этнолингвистике и культурной антропологии» или «отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живом национальном языке и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» (Маслова, 2001: 9, 30, 32).

Говоря о лингвокультурологии, следует отметить, что данный термин в стенах Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, где вот уже без малого сорок пять лет трудится автор настоящей статьи, с некоторых пор используется в двух значениях: широко и узко. Ибо нельзя не вспомнить, что лингвокультурология в узком смысле, хотя ни в одном из определений это не отражено, во многом «вышла» из идей традиционного лингвострановедения Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, подобно тому, как вся классическая литература XIX века, по меткому выражению Ф.М. Достоевского, «вышла из гоголевской «Шинели»». Стоит заметить, что в своих трудах В.В. Воробьёв говорит о лингвокультурологии как «преемнице лингвострановедения», но, к сожалению, тем самым несколько запутывая вопрос. Напомним, что «“преемник” имеет три значения: 1) тот, кто получил или приобрел от кого-нибудь какие-нибудь права и т.п.; 2) тот, кто занял чье-то место; 3) чей-то продолжатель» (Ушаков, 2019). Как бы там ни было, в конце 1990-х — начале 2000-х годов буквально стихийно возобладало представление о том, что новое направление пришло на смену старому, названному одним из исследователей «советским аналогом межкультурной коммуникации» (Донец, 2001: 98).

«Согласно первому значению, лингвокультурологией предлагается считать всю область изучения связи, существующей между языком и культурой как в прикладном — лингвострановедении, сопоставительное лингвострановедение, так и в теоретическом аспектах, куда относят» другие направления когнитивной лингвистики, в частности логоэпистемологию, концептологию, теорию сапиентемы и в том числе собственно лингвокультурологию, дисциплину лингвофилософского плана, рассматриваемую во втором, узком значении (Ван Чунься, Линь Ли, 2010). В настоящей статье речь пойдет о лингвокультурологии именно в первом, широком значении.

Итак, активно развивающееся направление — лингвокультурология, находящаяся на стыке ряда научных дисциплин, к настоящему времени накопила достаточные запасы верифицированной информации, представляющей несомненный интерес для лингводидактики, которая ставит перед собой цель всесторонней оптимизации обучения языку именно как средству межкультурной коммуникации. Необходимо отметить, что многие из научных идей, связанных с лингвокультурологической проблематикой в аспекте обучения русскому языку как иностранному (РКИ), возникли в свое время в недрах научной школы Государствен-

ного института русского языка имени А.С. Пушкина. Бесспорно, сведения о культуре страны изучаемого языка всегда включались в программу подготовки специалиста соответствующего профиля, поэтому особенно важно показать, какие тенденции именно на современном этапе определяют вектор развития лингвокультурологии.

В настоящее время основной из целей лингводидактики должно являться построение эффективной модели обучения иностранному языку, в том числе и русскому «как средству межкультурной коммуникации» (Мамонтов, 2010а). От уровня сформированности межкультурной коммуникативной компетенции зависит «успех функционирования межкультурного иноязычного общения» (Куклина, Черемисинова, 2018: 256). Вследствие этого такая модель «рассматривается как “процесс взаимодействия коммуникативных партнеров, которые являются представителями стран, входящих в разные геополитические сообщества, и которые принадлежат к различным этническим и национальным культурам и социальным субкультурам” (5, с. 92)» (Подчалимова, 2016: 61).

От языка — к культуре

Не секрет, что сегодня возникает необходимость более детального изучения феномена культуры с точки зрения современных достижений этнографии, социологии, культурологии и ряда других смежных наук. Говоря о культуре с позиции известного немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера: «Некультурных народов не бывает», мы должны помнить, что культура представляет собой основной отличительный признак, который разделяет человека и животный мир. Как считают специалисты по теории культуры, к которым относит себя и автор этих строк, существует множество определений данного понятия. Мы предпочитаем опираться на формулировку, «согласно которой культура рассматривается как специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного мира, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе» (Философский энциклопедический словарь, 1989: 292).

Поскольку материальная культура находится в «ведении» этнографии, необходимо остановиться на некоторых сугубо этнографических проблемах.

Изучающий иностранный язык является носителем ряда особенностей: бытовых и культурных, по поводу которых выдающийся французский этнограф и социолог Клод Леви-Стросс писал: «Оригинальность каждой из культур заключается прежде всего в ее собственном способе решения проблем — перспективном размещении ценностей, которые общи всем людям» (Касьянова, 1994: 30).

Как правило, при характеристике этнических общностей внимание уделяется дифференцирующей функции и, соответственно, «этнодифференцирующим признакам, то есть тем самым параметрам, которые определяют “оригинальность” и “самобытность” культуры как одного из объектов этнографического исследования» (Мамонтов, 2010а: 41). Для современных лингвокультурологических исследований крайне важно помнить, что каждый значительный компонент этно-

са по-своему выражает этническую специфику, притом далеко неодинаково в разных конкретно-исторических ситуациях. Данная специфика находит свое отражение в первую очередь в номинативных единицах соответствующего языка.

Отсюда в соответствии с задачами, стоящими перед этнографией «при изучении этнодифференцирующих свойств культуры этноса», необходимо «ее покомпонентное рассмотрение» (Мамонтов, 2010а: 41—42). Вместе с тем, по нашему мнению, «рассмотрение этнодифференцирующих признаков возможно лишь в системе, то есть совместно с этноинтегрирующими признаками, входящими с первыми в структурную оппозицию» (Мамонтов, 2010а: 42). В качестве иллюстрации предлагаем сопоставить дом (жилое помещение) как феномен культуры в ее материальном выражении в культурах двух стран: Вьетнама и России.

Нельзя не видеть, что этноинтегрирующим, общечеловеческим признаком выступает то, что абсолютно любое из жилых помещений, существующих или когда-либо существовавших в пространстве и во времени должно иметь: а) входное отверстие; б) стены; в) пол; г) крышу.

Говоря об этнодифференцирующих признаках, следует принять во внимание, что, поскольку основной функцией жилых помещений в зоне тропиков является предохранение их жильцов от жары в отличие от средних широт с прохладным климатом, все 4 этноинтегрирующих признака обретут этнодифференцирующие свойства, так как будут характеризоваться национально-культурной спецификой по отношению к русским аналогам. Например, пол во вьетнамском доме из камня, в окнах не предусмотрены стекла, наличествуют дверные форточки и др.

В процессе исследования культуры духовной необходимо ставить во главу угла такие ее составляющие, как этнический образ, компоненты обыденного сознания, символ, традицию, обряд, этикет, ритуал, ценностную ориентации, обычай. Это связано с ролью, которую они играют в процессе формирования национальной идентичности, что в свою очередь находит проявление в процессе овладения инолингвокультурой при изучении языка как средства межкультурной коммуникации.

Таким образом, если суммировать сказанное выше, то необходимо еще раз подчеркнуть огромную роль культуры в двух ее ипостасях — материальной и духовной, нередко идущих рука об руку. При этом именно культурная специфика должна рассматриваться в качестве важнейшего звена для процесса межкультурной коммуникации, равно как и обучения ей, но вместе с языком, который данную специфику выражает.

От культуры — к языку

Сегодняшнему видению реализации принципа «соизучения языка и культуры», заложенному в 60—70-е годы прошлого столетия Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым (Верещагин, Костомаров, 1973), и новым тенденциям, как уже отмечалось, способствовали, с одной стороны, объективные изменения в мире и, в частности, новая парадигма отношений преемницы СССР — России с иными странами и народами. С другой стороны, значительный рост кросс-культурных исследований, имевших и имеющих широкий выход в практику, прежде всего,

обучения языку как средству межкультурной коммуникации, «вдохновенных» желанием преодолеть некоторые якобы слабые места лингвострановедческого подхода.

Как отмечалось выше, «в настоящее время одной из основных целей языковой педагогики является построение эффективной модели обучения иностранному языку в условиях межкультурной коммуникации» (Подчалимова, 2016: 61). В условиях сегодняшнего дня оптимальной может считаться лишь такая модель обучения языку как средству межкультурной коммуникации, которая в состоянии успешно справиться с задачей формирования не только и не столько лингвистической и коммуникативной компетенций, сколько так называемой межкультурной компетенции. Под ней следует понимать «способность человека существовать в поликультурном обществе, достигать успешного понимания представителей других культур и представителей своей культуры» (Азимов, Шукин, 2009: 134).

«Данное понятие в области межкультурной коммуникации активно вытесняет понятие “культурологической” или “культурной” компетенции, основывающейся на выделении пресуппозиций, фоновых знаний, ценностных ориентиров и связанных с ним моделей поведения», иными словами, замыкающейся на культурной специфике одной лингвокультуры» (Кудрина, 2019).

Как известно, профессиональная (профильная) подготовка по иностранным языкам, например, английскому, французскому и другим, является неодноязычной (изучаются, как правило, два иностранных языка помимо родного). В связи с этим обучение должно быть «поликультурным», так как требования к содержанию «культурологической компетенции» не могут не повышаться, как и требования к подготовке будущего специалиста — преподавателя» и одновременно своеобразного посредника между родной культурой обучаемого и чужой, усваиваемой культурой (Кудрина, 2019). Таким образом, в программу подготовки будущего специалиста, в том числе в области преподавания русского языка как средства межкультурной коммуникации, вводится курс «Лингвокультурология», призванный восполнить недостаток знаний, необходимых для построения межкультурных параллелей изучаемого явления, экспликации универсальных принципов восприятия человеком окружающей действительности в сопоставлении с механизмами, обуславливающими «идиоэтнические и идиокультурные особенности представителей той или иной лингвокультуры и т.д.» (Кудрина, 2019).

В частности, подобный курс вот уже в течение многих лет читается учащимся магистратуры Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина — будущим преподавателям русского языка как иностранного, точнее — будущим преподавателям русского языка как средства межкультурной коммуникации. Программа подобного курса включает в себя историю становления и развития научной дисциплины, различные лингвокультурологические школы и направления, основные лингвокультурологические понятия и единицы, современные тенденции лингвокультурологических исследований. Так, студенты знакомятся с тем, что представляют собой понятия «языковая личность», «культурное пространство», «культурные установки», «код культуры», «языковая картина мира», «культурный концепт», «константы культуры», «культурная коннотация».

Особое внимание уделяется лингвокультурологическим единицам, в частности фразеологизмам. Несмотря на относительную изученность фразеологических

единиц (Телия, 1996), им в современных лингвокультурологических исследованиях также отводится одно из центральных мест, поскольку во всех известных языках и культурах фразеологизмы обладают ярко выраженной национальной спецификой, то есть самобытностью и неповторимостью.

Одновременно следует назвать ряд исследований в данной области сопоставительного характера, так как они дают ценный материал для дальнейшего развития лингвокультурологии. Это работы А.К. Ценковой (Ценкова, 2005), Т. Стояновой (Стоянова, 2005), Ли Аньфэн (Ли Аньфэн, 2009), Д.Г. Ишанкуловой (Ишанкулова, 2011), Л.Н. Гишкаевой (Гишкаева, 2012), Ф.А. Ахмедовой (Ахмедова, 2013) и др.

В этих и более поздних исследованиях в зеркале инолингвокультуры проводится анализ фразеологических единиц, которые ассоциируются с национально-культурными эталонами, стереотипами, характерными для людей с определенным менталитетом. Так, проведенное исследование представителем китайской лингвокультуры Ли Аньфэн подтвердило, что во фразеологии точно и ярко отражается национальный характер конкретного народа, его мудрость, жизненный опыт и обычаи. Представленный в кандидатской диссертации анализ, позволил «выявить следующую закономерность: различия между вариантными модификациями русских фразеологических единиц на фоне китайской лингвокультуры объясняются помимо строя рассматриваемых языков» — русского и китайского — различиями в менталитете двух народов (Ли Аньфэн, 2009: 16).

Подобную мысль развивает и исследование Л.Н. Гишкаевой на материале испанского языка и культуры. Проведенный в нем сопоставительный анализ фразеологических единиц в «национальных вариантах испанского языка позволил продемонстрировать неразрывную связь языка и культуры, способность языка посредством фразеологии отражать национально-культурную специфику материальной и духовной сторон жизни народов — носителей языка, их мировоззрение и психологию, особенности развития истории, характера природно-географической среды, фольклора и литературы» (Гишкаева, 2012: 16). Ученый убеждает в том, что национально-культурное своеобразие фразеологии является специфичным для каждого отдельного языка. Есть только один путь его познания: ознакомление с культурой носителей этого языка через сопоставление друг с другом. Результаты такого сопоставления могут повлиять на развитие лингвокультурологии в прикладном аспекте с позиций межкультурной коммуникации.

Необходимо отметить тот факт, что в сегодняшних научных изысканиях по линии «язык и культура» далеко не самое последнее место принадлежит так называемым прецедентным феноменам. При этом сложилась практика выделения нескольких видов прецедентных феноменов, среди которых помимо прочих следует назвать в первую очередь прецедентный текст и прецедентное имя. Напомним, что, обладая несомненным социокультурным потенциалом, национально-прецедентные феномены известны любому среднестатистическому носителю языка и культуры, представляющему то или иное лингвокультурное сообщество.

Чаще всего прецедентные феномены, как и фразеологические единицы, относят к лингвокультурам. Классификацию лингвокультурем, по мнению ис-

следователей, целесообразно проводить с точки зрения их функционирования (Ольшанский, 2000).

Есть в лингвокультурологии и понятие сапиентемы. Однако одной из наиболее интересных, теоретически и практически значимых проблем на сегодняшний день является теория сапиентемы. Ее авторы — основоположники лингвострановедения — Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров (Верещагин, Костомаров, 2005). Сапиентема — это прежде всего итог, своеобразный плод развития лингвострановедения. «Новая концепция такова, что сапиентема как некая обобщенная идея, содержащая в себе программу развертывания смыслов и этических оценок, способна к этому самому развертыванию и конкретизации. На разных стадиях или ступенях данной конкретизации идея все более кристаллизуется в сознании, вербализуется и становится “лингвосапиентемой”» (Кузнецова, 2005: 96). То есть допустимо говорить о некоторой схожести понятий сапиентема и логоэпистема — единиц языка, несущих в себе некое знание, благодаря своей тесной связи с культурой, в недрах которой они возникли и представляют трудность для восприятия иностранца (Костомаров, Бурвикова, 2000). «Нетрудно заметить определенное сходство и в толковании понятий сапиентема и концепт. Подчеркнем, что названные термины относятся к области социокультурной или межкультурной компетенции» (Кузнецова, 2005: 96). Однако сапиентема выступает в качестве единицы «более высокого уровня абстракции», как некий «сверхконцепт» (Верещагин, Костомаров, 2005: 15).

Следующая область лингвокультурологии, способная вызвать сегодня как теоретический, так и практический интерес с точки зрения обучения межкультурной коммуникации, хотя не столь интенсивно, но развивающаяся, — это паралингвистика, как известно, занимающаяся изучением жестов, мимики, поз и т.п. Действительно, если вдуматься, выглядит странно, когда человек, владея вербальным иностранным языком как средством межкультурной коммуникации, продолжает жестиковать на своем родном. А ведь, как известно, «50 % передаваемой и получаемой информации несут именно мимика и жесты» (Мамонтов, 2010: 90). Они специфичны, отражают состояния и отношения людей, являются наглядной манифестацией мысли, а самое главное с интересующей нас точки зрения отмечены столь значимой национально-культурной маркированностью.

Предлагаем рассмотреть ряд примеров, отражающих национально-культурную специфику жеста, учет которой весьма важен для всех форм межкультурной коммуникации, включая обучение иностранному языку, в частности русскому как иностранному. Возьмем рукопожатие. «Типично американское рукопожатие — это рукопожатие политика. Обычная его форма — взять руку собеседника правой и накрыть сверху левой рукой» (Мамонтов, 2010б: 94). Еще одна форма — «пожимая руку правой, хлопнуть по плечу левой рукой. Этот прием, однако, в первую очередь допустим между близкими друзьями, так как большинство людей чувствует себя при этом дискомфортно. Хотя, несмотря на это, многие политики поступают именно так» (Мамонтов, 2010а: 94). Если сравнивать попутно радиус движения английских и русских указательных жестов, то можно констатировать, по мнению исследователей, значительное превышение радиуса русских над радиусом английских (Смирнова, 1977: 245). Этот факт позволяет предположить

наличие определенной разницы в национальном темпераменте двух лингвокультур и их психическом складе. Последнее, однако, нуждается в дополнительном исследовании.

Если коснуться мимики, то ярким примером может служить, например, американская улыбка, за которой стоит ноль означаемого, некий условный знак, как и в этикетном диалоге *How do you do? — I'm fine!*

Выводы, которые можно сделать из сказанного выше, на наш взгляд, заключаются в целесообразности нахождения путей обучения данному аспекту межкультурного общения.

От языка и культуры — к лингводидактике

Переходя к вопросам собственно лингводидактического характера, следует подчеркнуть их исключительную релевантность сегодня в ситуации относительного дефицита учебных материалов, обучающих межкультурному общению. И здесь «первоочередной задачей является выделение принципов отбора и минимизации коммуникативно-значимого материала с позиции учёта родной культуры адресата, поскольку содержание обучения в аспекте формирования соответствующей компетенции будет различаться в зависимости от того, к какой именно культуре принадлежит тот или иной обучающийся» (Мамонтов, 2006: 156). Работавшие и работающие с представителями различных лингвокультурных общностей знают не понаслышке: «обучать иностранному языку корейца» (Быкова, 2011) или эфиопа — это не одно и то же, что обучать англичанина или русского, так как представители данных лингвокультур, как отмечалось выше, имеют собственное — «национальное» виденье мира, имплицитно содержащееся в системе ценностей.

Так, имея дело в частности со студентами из Вьетнама и Кореи, «в процессе работы над фразеологическим материалом следует принять во внимание, что, например, русский, достаточно часто употребляемый в разговорной речи фразеологизм “съесть собаку” следует предварять лингвокультурологическим комментарием на сопоставительной основе, эксплицирующим переносное значение данной языковой единицы, характеризующейся на сегодняшний день полным отсутствием связи с процессом поедания этого друга человека. В противном случае студенты радостно поведают вам, какое вкусное собачье мясо готовят у них на родине и т.д. и т.п.» (Мамонтов, 2006: 157). Подобная работа представляется не релевантной, если речь идет об учащихся из стран Европы, Центральной и Южной Америк и других стран мирового сообщества.

Таким образом, среди национально-окрашенных лексических единиц, предлагаемых в качестве учебных материалов, на которые следует обратить внимание в ходе занятий с представителями вьетнамской и корейской лингвокультур, «должно присутствовать слово “собака” и некоторые производные от него. Например, “погулять с собакой”, тогда как среди единиц русского языка с культурным компонентом для многих других инофонов оно будет отсутствовать по известной причине» (Мамонтов, 2006: 157). Не менее значимыми представляются предлагаемые специалистами критерии отбора с учетом родной культуры адресата, к рассмотрению которых мы переходим. При этом необходимо учитывать знания по рус-

скому языку у иностранных студентов, полученные ими в процессе межкультурной коммуникации. Рассмотрим критерии отбора более подробно.

1. Типичность. Так как учащийся-инофон способен смешивать понятия «редкое» и «распространенное», не рекомендуется перегружать его, к примеру, такого рода текстовым учебным материалом, который может отражать нетипичные ситуации, в которых в состоянии оказаться персонаж повествования.

2. Коммуникативная ценность. Отбор и минимизация лингвокультурологического материала должны подчиняться в первую очередь факту его значимости для межкультурной коммуникации и диалога культур. Так, мы не вправе игнорировать лексему «загорать» не только потому, что она представляет собой лингвокультуру, содержащую в своей семантике компоненты, отмеченные национально-культурным своеобразием по отношению к лингвокультурам стран тропического ареала, где по известным причинам нет привычки загорать. Данная языковая единица, прежде всего, является частотной и значимой для разных форм общения в пространстве русской лингвокультуры.

3. Страноведческая ценность обусловлена культурно-историческим потенциалом соответствующей единицы языка и речи, что напрямую связано с феноменом ее значимости для процесса обучения. При этом «принцип “общеизвестности” должен отодвигаться на второй план, если речь идет об обозначении явлений, обеспечивающих понимание истоков национальной культуры, ее специфики. Например, слова типа “кокошник”, “городки” и т.д.» (Мамонтов, 2006: 158).

4. Защищенность от стереотипа предполагает рекомендацию не перегружать учащихся лексикой, связанной с обозначением какой-либо одной национально-специфической черты образа жизни представителей лингвокультуры страны изучаемого языка, даже если она выступает как культурно значимая, например «банной» лексикой. Иначе учащиеся-иностранцы рискуют оказаться в ситуации, когда сама русская лингвокультура будет восприниматься ими исключительно как сугубо «банная».

Заключение

В заключение отметим, что в Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина уже более трех лет существует научно-исследовательский проект (НИП) под названием «Обучение русскому языку как средству межкультурной коммуникации с учетом национальной культуры адресата», руководимый автором настоящей статьи, в рамках которого реализуются вышеназванные идеи. Как уже упоминалось, в стенах института читаются учебные курсы «Лингвокультурология», «Лингвострановедение», «Основы межкультурной коммуникации» для магистрантов и аспирантов, где особый акцент делается на национально-ориентированном обучении РКИ. Настоящие курсы основываются на исследовательских трудах видных деятелей научно-методической школы Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, представленной такими именами, как В.Г. Костомаров, Ю.Е. Прохоров, Н.Д. Бурвикова и рядом других. В настоящее время здесь разрабатываются новые подходы к теории и практике обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации с учетом тех вызовов, которые бросает всему человеческому сообществу эпоха глобализации и высоких технологий.

Список литературы

- Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
- Ахмедова Ф.А.* Глагольные фразеологизмы, обозначающие чувства в русском, английском и таджикском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 25 с.
- Быкова О.П.* Обучение русскому языку как иностранному в иноязычной среде (на примере южнокорейских университетов): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2011. 44 с.
- Ван Чунься, Линь Ли.* Лингвокультурология в преподавании русского языка в Китае // Вопросы гуманитарных наук. М.: Спутник+, 2010. № 3 (47). С. 206—208.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: МГУ, 1973. 235 с.
- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
- Гишкаева Л.Н.* Фразеологизмы с компонентами-зоонимами и фитонимами в современном пиренейском и мексиканском национальных вариантах испанского языка: автореф. дис. ... канд. фил. наук. М., 2012. 18 с.
- Донец П.Н.* Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. Харьков: Штрих, 2001. 386 с.
- Ишанкулова Д.Г.* Коммуникативные ценности в лексико-фразеологической системе английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 23 с.
- Касьянова К.О.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Логоэпистема как категория лингвокультурологического поиска // Лингводидактический поиск на рубеже веков: юбилейный сборник. М.: Информационно-учебный центр Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2000. С. 88—96.
- Красных В.В.* Потяни за ниточку — клубок и размотается (к вопросу о предметном коде культуры) // Реальность, язык и сознание: международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Тамбов: Изд-во ТГУ имени Г.Р. Державина, 2002. С. 111—116.
- Кудрина Н.А.* Лингвокультурология как один из векторов профильного обучения иностранным языкам. URL: <http://referatwork.ru/articles/lingvokulturologiya.html/> (дата обращения: 31.01.2019).
- Кузнецова Л.В.* Умозрения и подступы к концепции сапиентемы // Мир Русского слова. 2005. № 1—2. С. 95—98.
- Куклина С.С., Черемисинова И.С.* Межкультурная иноязычная коммуникативная компетенция как основа обучения иноязычному общению в вузе // Язык и культура. 2018. № 41. С. 255—270.
- Ли Аньфэн.* Русские фразеологические единицы с цветовым компонентом на фоне китайской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 18 с.
- Мамонтов А.С.* Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2010а. 160 с.
- Мамонтов А.С.* Сопоставительное лингвострановедение и обучение иностранным языкам // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных трудов. М.: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина; Филоматис, 2006. С. 155—163.

- Мамонтов А.С.* Язык и культура на уроках в иностранной аудитории (на материале невербальных средств коммуникации): сборник научно-образовательных материалов для учителей русского языка московских школ / сост. Н.В. Кулибина. М.: Гос. ИРЯ имени А.С. Пушкина, 2010б. С. 89—98.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Ольшанский И.Г.* Лингвокультурология в конце XX века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX века. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 26—55.
- Подчалимова Н.А.* Лингвокультурология как одно из направлений обучения иностранным языкам // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1—4. С. 60—63.
- Смирнова Н.И.* Сопоставительное описание элементов русской и английской кинесической коммуникации // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 219—247.
- Стоянова Т.Я.* Учет национально-культурных особенностей русской фразеологии в болгарской аудитории на продвинутом этапе обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2005. 24 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/usakov/> (дата обращения: 31.01.2019).
- Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
- Ценкова А.К.* Лингвокультурологические особенности русского текста с позиции носителя болгарского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 40 с.
- Шаклеин В.М., Микова С.С.* Лингвокультурное содержание языка: монография. М.: РУДН, 2015. 176 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18.10.2018

Дата принятия к печати: 13.12.2018

Для цитирования:

Мамонтов А.С. Лингвокультурология в аспекте обучения русскому языку как средству межкультурной коммуникации // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 143—156. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-143-156

Сведения об авторе:

Мамонтов Александр Степанович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Российская Федерация). Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Член международного союза литераторов и журналистов. *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, культурология, русский язык и культура речи. Автор более 150 научных публикаций. *Контактная информация:* as-mamontov2@yandex.ru

Cultural linguistics in the aspect of teaching the Russian language as a means of intercultural communication

Aleksander S. Mamontov

A.S. Pushkin State Institute of Russian Language
6 Akademika Volgina St., Moscow, 117485, Russian Federation

The article is devoted to the modern direction in linguistics — cultural linguistics in the aspect of teaching Russian as a means of intercultural communication. Basing on scientific papers, his own extensive scientific and pedagogical experience and needs of linguodidactics, the author proposes to determine this discipline in a wide sense considering teaching the representatives of different linguistic cultures, different traditions, customs, systems of values. The essence of culture is understood as a specific way of human life and activity, having verbal representation. Cultural linguistics is focused on the specifics of the addressee's native culture and building the most adequate model of teaching Russian as a means of intercultural communication in modern educational space. The review article allows to consider cultural linguistics in an applied aspect relevant to the methods of teaching language, including Russian as a foreign language.

Keywords: cultural linguistics, intercultural communication, means of education, the Russian language, culture, foreign students, linguodidactics

References

- Akhmedova, F.A. (2013). *Glagol'nye frazeologizmy, oboznachayushchie chuvstva v russkom, angliiskom i tadzhikskom yazykakh* [Verbal phraseological units denoting feelings in the Russian, English and Tajik languages] (Author's abstr. cand. phil. diss.). Moscow. (In Russ.)
- Azimov, E.G., & Shchukin, A.N. (2009). *Novyi slovar' metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam)* [New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.)
- Bykova, O.P. (2011). *Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v inoyazychnoi srede (na primere yuzhnokoreiskikh universitetov)* [Teaching Russian as a foreign language in a foreign language environment (on the example of South Korean universities)] (Author's abstr. cand. ped. diss.). Moscow. (In Russ.)
- Donets, P.N. (2001). *Osnovy obshchei teorii mezhhul'turnoi kommunikatsii: nauchnyi status, ponyatiinyi apparat, yazykovoi i neyazykovoi aspekty, voprosy etiki i didaktiki* [Fundamentals of the general theory of intercultural communication: scientific status, conceptual apparatus, linguistic and non-linguistic aspects, ethics and didactics]. Khar'kov: Shtrikh Publ. (In Russ.)
- Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopaedic dictionary]. (1989). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)
- Gishkaeva, L.N. (2012). *Frazeologizmy s komponentami-zoonimami i fitonimami v sovremennom pireneiskom i meksikanskom natsional'nykh variantakh ispanskogo yazyka* [Idioms with zoonyms and phytonyms in modern Iberian and Mexican national variants of Spanish] (Author's abstr. cand. phil. diss.). Moscow. (In Russ.)

- Ishankulova, D.G. (2011). *Kommunikativnye tsennosti v leksiko-frazeologicheskoi sisteme angliiskogo yazyka* [Communicative values of lexical-phraseological system of the English language] (Author's abstr. cand. phil. diss.). Moscow. (In Russ.)
- Kas'yanova, K.O. (1994). *O russkom natsional'nom kharaktere* [About Russian national character]. Moscow: Institut natsional'noi modeli ekonomiki Publ. (In Russ.)
- Kostomarov, V.G. & Burvikova, N.D. (2000). Logoepistema kak kategoriya lingvokulturologicheskogo poiska [Logoepistema as a category of linguocultural search]. *Linguodidactic search at the turn of the century: anniversary collection* (pp. 88–96). Moscow: Information and training center of Pushkin State Institute of Russian Language Publ. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2002). Potyani za nitochku — klubok i razmotaetsya (k voprosu o predmetnom kode kul'tury) [Pull the thread-tangle and unwind (to the question of the subject code of culture)]. *Reality, language and consciousness: international interuniversity collection of scientific works* (2, pp. 111–116). Tambov: TSU imeni G.R. Derzhavina Publ. (In Russ.)
- Kudrina, N.A. *Lingvokul'turologiya kak odin iz vektorov profil'nogo obucheniya inostrannym yazykam* [Cultural linguistics as one of the vectors of specialized foreign language teaching]. Retrieved January 31, 2019 from: <http://referatwork.ru/articles/lingvokulturologiya.html/>
- Kuznetsova, L.V. (2005). Umozreniya i podstupy k kontseptsii sapientemy [Views and approaches to the concept of sapientem]. *Mir Russkogo slova* [World of Russian word], (1–2), 95–98. (In Russ.)
- Kuklina, S.S., & Cheremisinova, I.S. (2018). Mezhekulturnaya inoyazychnaya kommunikativnaya kompetentsiya kak osnova obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu v vuze [Intercultural foreign language communicative competence as the basis of teaching foreign language communication at universities]. *Yazyk i kultura* [Language and culture], (41), 255–270. (In Russ.)
- Li, An'fen. (2009). *Russkie frazeologicheskie edinitys s tsvetovym komponentom na fone kitaiskoi lingvokul'tury* [Russian phraseological units with color component on the background of Chinese linguistic culture] (Author's abstr. cand. phil. diss.). Moscow. (In Russ.)
- Mamontov, A.S. (2010a). *Lingvokul'turnye osnovy obucheniya yazyku kak sredstvu mezhekul'turnoi kommunikatsii: uchebnoe posobie* [Linguistic and cultural foundations of language learning as a means of intercultural communication: manual]. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ.)
- Mamontov, A.S. (2006). Sopostavitel'noe lingvostranovedenie i obuchenie inostrannym yazykam [Comparative country studying and foreign language teaching]. *Language and culture at the philological university. Actual problems of studying and teaching* (pp. 155–163). Moscow: Gos. IRYA imeni A.S. Pushkina; Filomatis Publ. (In Russ.)
- Mamontov, A.S. (2010b). *Yazyk i kul'tura na urokakh v inostrannoi auditorii (na materiale neverbal'nykh sredstv kommunikatsii)* [Language and culture at the lessons in a foreign audience (on the material of non-verbal means of communication)]: *Collection of scientific and educational materials for teachers of the Russian language in Moscow schools* (pp. 89–98). Moscow: Gos. IRYA imeni A.S. Pushkina Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Cultural Linguistics: manual for students of higher educational institutions]. Moscow: Academy Publ. (In Russ.)
- Oi'shanskii, I.G. (2000). Lingvokul'turologiya v kontse XX veka: itogi, tendentsii, perspektivy [Cultural linguistics in the late XXth century: results, trends, prospects]. *Linguistic research in the late twentieth century* (pp. 26–55). Moscow: INION RAN Publ. (In Russ.)
- Podchalimova, N.A. (2016). Lingvokul'turologiya kak odno iz napravlenii obucheniya inostrannym yazykam [Linguoculturology as one of the directions in teaching foreign languages]. *Actual problems of humanitarian and natural sciences*, 1–4, 60–63. (In Russ.)
- Shaklein, V.M., & Mikova, S.S. (2015). *Lingvokul'turnoe sodержanie yazyka: monografiya* [Linguistic and cultural content of the language: monograph]. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)

- Smirnova, N.I. (1977). Sopotavitel'noe opisanie elementov russkoi i angliiskoi kinesicheskoi kommunikatsii [Comparative description of elements of Russian and English kinesic communication]. *National-cultural specificity of speech behavior* (pp. 219—247). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Stoyanova, T.Ya. (2005). *Uchyot natsional'no-kul'turnykh osobennostei russkoi frazeologii v bolgarskoi auditorii na prodvnutom etape obucheniya* [Considering national and cultural features of Russian phraseology in the Bulgarian audience at the advanced stage of learning] (Author's abstr. cand. ped. diss.). Moscow. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskie, pragmaticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects]. Moscow: Shkola Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Tsenkova, A.K. (2005). *Lingvokul'turologicheskie osobennosti russkogo teksta s pozitsii nositelya bolgarskogo yazyka* [Linguistic and cultural features of the Russian text from the position of the Bulgarian language native speaker] (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russ.)
- Ushakov, D.N. *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Retrieved January 31, 2019 from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
- Van, Chun'sya, & Lin', Li. (2010). Lingvokul'turologiya v prepodavanii russkogo yazyka v Kitae [Cultural linguistics in teaching Russian in China]. *Questions of humanitarian Sciences*, 3(47), 206—208. Moscow: Sputnik+ Publ. (In Russ.)
- Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (2005). *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1973). *Yazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguistic country studying in teaching Russian as a foreign language]. Moscow: MGU Publ. (In Russ.)
- Vorob'yov, V.V. (1997). *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody): monografiya* [Cultural linguistics (theory and methods): monograph]. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 18.10.2018

Accepted: 13.12.2018

For citation:

Mamontov A.S. (2019). Cultural linguistics in the aspect of teaching the Russian language as a means of intercultural communication. *Russian Language Studies*, 17(2), 143—156. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-143-156

Bio Note:

Aleksander Stepanovich Mamontov, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Literature and Intercultural Communication of A.S. Pushkin State Institute of Russian Language (Moscow, Russian Federation). Honored worker of higher professional education of the Russian Federation. Member of the International Union of Writers and Journalists. *Research interests*: cultural linguistics, intercultural communication, teaching Russian as a foreign language, Russian language and speech culture. *Contact information*: as-mamontov2@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170

УДК 82-84

О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке

Е.Е. Иванов

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова
Республика Беларусь, 212022, Могилев, ул. Космонавтов, 1

В современной лингвистике все больше внимания уделяется изучению рекуррентности как свойства и как категории применительно к различным единицам языка и речи. В этой связи особенно актуальным является анализ рекуррентности в ее противопоставлении воспроизводимости на материале сверхсловных единиц. В статье представлена попытка дифференцировать рекуррентность и воспроизводимость на уровне фразы. Цель работы — установить и описать лингвистически значимые параметры рекуррентности афористических единиц. Материалом для исследования послужили около 1000 рекуррентных афористических единиц современного русского языка, зафиксированных в фразеологических и паремиологических словарях, а также выявленных автором в результате наблюдений за речью современных носителей русского языка (записи 2001—2018 гг.). В результате исследования определено понятие рекуррентности как регулярной повторяемости процедуры свободного порождения фразы в стереотипных контекстах, а не как повторяемости фразы в готовом виде в речи. Установлено, что рекуррентные афористические фразы не характеризуются устойчивостью, не обладают переносным значением (как общим, так и отдельных компонентов), не могут иметь номинативную семантику. Рекуррентные фразы не относятся к «стандартам» и «стереотипам» речи, которые функционируют в речи как «готовые формулы», что манифестирует устойчивый характер связи их компонентов. Рекуррентные фразы представляют собой особую разновидность свободных фраз. Среди всех свободных фраз рекуррентные фразы наиболее близки по структуре и способам функционирования к устойчивым фразам. Утверждается, что категориальное отличие рекуррентных и устойчивых сверхсловных единиц является критерием для определения объема фразеологии как части языка.

Ключевые слова: рекуррентность, воспроизводимость, рекуррентная фраза, устойчивая фраза, афористическая единица, русский язык

Введение

Понятие рекуррентности используется во многих отраслях научной мысли, в том числе и языкознании, будущее которого заключается в тесной методологической и метаязыковой интеграции с другими науками, о чем настойчиво повторяет один из выдающихся лингвистов сегодняшних дней — профессор Валентина

© Иванов Е.Е., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Авраамовна Маслова во всех своих метатеоретических работах: «Полидисциплинарность и интегративность как главные “приметы” лингвистики будущего» (Маслова, 2018б), «Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре» (Маслова, 2018в) и др. Языкознание «стремится к интеграции с целым рядом наук — психологией, антропологией, культурологией, социологией, микробиологией, генетикой, изучающими человека и его язык» (Маслова, 2018а: 174).

Явлению рекуррентности в современном языкознании уделяется все больше внимания. Рекуррентность изучается как свойство и как категория применительно к различным единицам языка, прежде всего в лингвистике текста и дискурса (Werner, 1988: 684—685; Bußmann, 1990: 640; Charaudeau, Maingueneau, 2002: 222 и др.). В последнее время понятие рекуррентности как явления и как лингвистической категории осложняется новыми дефинициями, которые основываются на понимании рекуррентности как повторяемости элементов языка в речи. Дифференциация различных видов рекуррентности зависит от уровня языка либо уровня анализа языка, в рамках которых рассматривается феномен повторяемости (Титкова, 2003, 2014; Каньшина, 2015 и др.). Следует отметить, что при этом отличие повторяемости от воспроизводимости, прецедентности, интертекстуальности всякий раз или специально оговаривается (часто *ad hoc*), или принимается по умолчанию. В этой связи представляется актуальным установление признаков рекуррентности в ее оппозиции к воспроизводимости на материале сверхсловных единиц, которые позволяют наиболее наглядно описывать структурные, семантические и функциональные различия рекуррентных и воспроизводимых элементов языка. Особенно актуальным видится обращение к афористическим фразам (единицам), рекуррентность которых практически не описана (Иванов, 2003).

Афоризм представляет собой сложный лингвистический объект, который в своих различных качествах обладает разными категориальными признаками (т.е. может образовывать с другими объектами более одного множества). При систематизации разнородных по своим качествам афористических единиц целесообразно использовать ряд иерархично упорядоченных гетерогенных критериев. Первоочередным критерием, с помощью которого все афоризмы можно дифференцировать на две существенные категории, следует считать прецедентный/непрецедентный характер их функционирования в речи. Прецедентные афоризмы актуализируются в речи вне авторского контекста, т.е. воспроизводятся в широком смысле, и как массовое, и как индивидуально-речевое цитирование чужой речи. Непрецедентные афоризмы производятся в конкретном речевом акте для выражения той или иной обобщенной и законченной мысли посредством свободного сочетания слов и их лексических значений по существующим в данном языке синтаксическим моделям. Все непрецедентные афористические фразы можно разграничить по регулярности/нерегулярности повторения в речи стандартной процедуры их конструирования из знаков низших уровней языка на рекуррентные (повторяющиеся с различной степенью частотности, но не воспроизводимые как уже готовые единицы в речи) и нерекуррентные (не повторяющиеся, т.е. производимые в речи) (Иванов, 2016: 93—114).

По этой причине требуется специальное определение взаимной связи и взаимообусловленности таких явлений, как «повторение» и «воспроизведение», «по-

вторяемость» и «воспроизводимость» в их отношении к понятиям «рекуррентность» и «рекуррентность». Это позволит не только выработать репрезентативные критерии дифференциации афористических фраз, но и более точно квалифицировать оппозицию свободные — несвободные (устойчивые) конструкции, что приобретает особую значимость в контексте до сих пор не решенной проблемы объема и границ фразеологии как подсистемы языка и как лингвистической дисциплины.

Цель

Цель исследования — установить и описать лингвистически значимые параметры рекуррентности афористических единиц на основе оппозиции рекуррентность — воспроизводимость.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили около 1000 рекуррентных афористических единиц современного русского языка, зафиксированных в фразеологических и паремиологических словарях, а также выявленных автором в результате многолетних наблюдений за устной и письменной речью носителей русского языка (записи 2001—2018 гг.).

Методы исследования: описательный, таксономический, обобщение, анализ и синтез.

Результаты

Рекуррентность определена как регулярная повторяемость свободного порождения фразы в стереотипных контекстах, а не как повторяемость фразы в готовом виде в речи. Установлено, что рекуррентные афористические единицы не характеризуются устойчивостью, не обладают переносным значением (как общим, так и отдельных компонентов), не могут иметь номинативную семантику. Рекуррентные фразы не относятся к «стандартам» и «стереотипам» речи, которые функционируют как «готовые формулы», что манифестирует устойчивый характер связи их компонентов. Рекуррентные фразы представляют собой разновидность свободных фраз. Среди свободных фраз рекуррентные фразы наиболее близки по структуре и способам функционирования к устойчивым фразам. Категориальное отличие рекуррентных и устойчивых сверхсловных единиц является критерием для определения объема фразеологии как части языка, а категориальное отличие рекуррентных и устойчивых афористических единиц — критерием для дифференциации объема языковых афоризмов как разновидности строевых единиц языка.

Обсуждение

Под рекуррентностью (англ. *recurrence* от лат. *recurro* «бежать назад, возвращаться, происходить вновь») как лингвистическим понятием следует понимать «фактическое» появление данной единицы более одного раза, ее многочисленную

реализацию в речи, в строгом смысле слова «повторяемость» (и, соответственно, «встречаемость») знака в некоторых стереотипных контекстах. Рекуррентность является «воспроизведением» (Ахманова, 1966: 86), не должна отождествляться с «воспроизводимостью» языкового знака и может рассматриваться в связи с его устойчивостью только по отношению к сверхсловным комплексам. Это объясняется тем, что рекуррентность на уровне слов (а тем более на уровне морфем) является значительно более типичной и, самое главное, никак не связанной со свободным или несвободным характером структурирования слов (морфем) из знаков низших уровней языка. Повторяемость же сверхсловных единиц становится все менее и менее типичной с увеличением сложности знака. Так, для предложений явление рекуррентности значительно менее продуктивно, чем для словосочетаний, но достаточно распространено. Однако по отношению к сверхфразовым единицам оно встречается чрезвычайно редко за исключением случаев их декламации. Кроме этого, повторяемость сверхсловных единиц в речи соотносится с ограничениями регулярности их образования по правилам кода. А ограничения регулярности образования той или иной языковой единицы по правилам кода, как известно, позволяют «предсказывать вероятность» ее появления в том или ином контексте относительно любой другой единицы языка (Мельчук, 1960: 73—75). Последнее является манифестацией такого качества языковых единиц, как устойчивость, под которой следует понимать ограничение узусом сочетаемости их элементов.

Весьма часто понятие рекуррентности (т.е. фактической повторяемости) имплицитно или эксплицитно отождествляется с понятием воспроизводимости (англ. *reproducibility*) как основной формы существования компонентов языка, и прежде всего сверхсловных единиц, «под воспроизводимостью, или устойчивостью», которых обычно «понимается их повторяемость в речи в одном и том же качестве (в одном и том же независимом от контекста значении)» (Супрун, 1995: 81). На этом основании делается вывод о том, что за основу выделения «готовых» сверхсловных единиц языка можно брать не параметры их моделирования из элементов низшего уровня языковой системы (что не оставляет таким сверхсловным единицам никаких шансов на возможность свободного образования по правилам кода), а исключительно фактическую частоту употребления определенной сверхсловной единицы в определенной речевой ситуации (Леонова, Шубин, 1970). В таком случае те фразы, повторяемость которых в речи имеет характер фактического воспроизведения (т.е. простой встречаемости), но не является результатом их устойчивости (и, соответственно, воспроизводимости как единственно возможной формы их существования), рассматриваются как собственно языковые (системные) образования. На практике это обычно находит свое отражение в ошибочной лексикографической кодификации рекуррентных афористических фраз в качестве языковых афоризмов с прямой мотивировкой общего значения. Например, в «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова (1966): *Все му свое время; Ждать да догонять — нет хуже; На всех не угодишь* и т.п. Более того, понимание высокой степени встречаемости в речи отдельных фраз в одних и тех же значениях и форме как проявление их устойчивости (а значит и воспроизво-

димости) обусловило практику включения такого рода единиц в состав нормативных фразеологических справочников с соответствующей «семантизацией». Например, во «Фразеологическом словаре русского литературного языка конца XVIII—XX века» А.И. Федорова (1991): *Что будет, то будет* (в значении «о действии, предпринимаемом наудачу»); *Что есть, то есть* (в значении «согласен; действительно так»); *Что правда, то правда* (в значении «действительно; в самом деле») и т.п.

Нетрудно заметить, что попытки «семантизации» рекуррентных фраз представляют собой преимущественно подмену их действительного (прямого) значения характеристикой некоторой типичной ситуации их употребления и/или возможных экспрессивных коннотаций в речи. Так, фраза *Что есть, то есть* говорится, как правило, в ситуации согласия, что и детерминировало упомянутое выше толкование ее значения как «согласен; действительно так», хотя абсолютно очевидно, что данная фраза не совпадает по своей семантике с предикативом *Да*. Рекуррентным фразам могут приписываться семантические характеристики синонимичных им пословиц или фразеологизмов. Например, в словаре В.П. Жукова (1966) это семантизация фразы *Что будет, то будет* и пословиц *Где наше не пропало* (в значении «попробуем рискнуть» — говорится в решимости сделать что-либо, действуя наудачу, идя на риск), *<Либо (или) > пан либо (или) пропал* (в значении «все или ничего» — говорится в решительный момент, когда совершается что-либо и результат неизвестен) и т.п. Видимо, само наличие синонимичных единиц во многом и определяет появление рекуррентных фраз в паремиологических и фразеологических словарях. Этим можно объяснить лексикографическую кодификацию в словаре В.П. Жукова (1966) фразы *На всех не угодишь* как устойчивой единицы, синонимичной пословице *На всех и солнышко не осветит* (ср. *На всех и солнышко не угреть* в сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля). Иначе трудно понять отсутствие в паремиологических и фразеологических словарях достаточно широко распространенных в речи выражений, аналогичных по структуре и способам функционирования (а в некоторых случаях и синонимичных или антонимичных) фразам, включенным в такие словари. Например, за пределами словарей остались: *Везде (всюду) не успеешь*; *На дураков не обижаются*; *Одними словами ничего не добьешься (не изменишь, не сделаешь и т.д.)*; *Привыкнуть ко всему можно* (или синонимичное *Человек ко всему привыкает*); *С чего начнешь, тем и закончишь*; *Чего нельзя, того нельзя*; *Чего нет, того нет* (при наличии антонимичного «фразеологизма» *Что есть, то есть*, см. выше); *Что было, то было* (при наличии антонимичного «фразеологизма» *Что будет, то будет*, см. выше); *Что надо, то надо*; *Что хорошо, то хорошо* (или антонимичное *Что плохо, то плохо*) и т.п.

Высокая встречаемость (частотность) отдельных афористических единиц в речи послужила формальным основанием для их включения даже в состав языкового материала «паремиологического эксперимента» Г.Л. Пермякова. Данные фразы, естественно, были без труда опознаны информантами в ходе эксперимента и частично вошли в «паремиологический минимум» русского языка — корпус наиболее распространенных в живой разговорной речи «языковых клише» из

числа пословиц и иных устойчивых выражений, например: *Наперед не загадывай; Один раз не считается; Приказ есть приказ; Чудес не бывает* и т.п. (Пермяков, 1988: 143—169). Вместе с тем единственной причиной отсутствия лексикографического описания всего корпуса подобного рода единиц (как категориальной разновидности языковых афоризмов либо фразеологических единиц) следует считать, видимо, интуитивное ощущение паремологами и фразеологами существенной разницы между рекуррентными (свободными) и устойчивыми (несвободными) фразами в их структуре, семантике и способах функционирования.

Разграничение рекуррентных и устойчивых фраз на основании ряда значимых критериев является важным не только для лексикографической кодификации регулярно повторяемых в речи фраз как устойчивых (т.е. воспроизводимых в силу их несвободного характера), но и для определения параметров рекуррентности (на уровне фразы) как лингвистической категории.

Так, рекуррентным фразам свойственны только прямая мотивировка как общего значения, так и их отдельных лексических компонентов, и наличие только продуктивных грамматических форм и конструкций, что детерминирует отсутствие семантической и/или грамматической уникальности таких фраз, а следовательно, и их устойчивости. Именно этим рекуррентные афористические фразы существенно отличаются от тех афоризмов, которые «повторяются» в речи как лексико-грамматические единства, хранятся в памяти носителей языка в готовом виде, «обязательно воспроизводятся» (Райхштейн, 1972: 82) по причине невозможности либо весьма малой вероятности их образования заново в том же качестве и в той же форме, т.е. повторяются «нарочито», а не «в силу стечения обстоятельств» (Смирницкий, 1956: 228). В этой связи следует разграничивать рекуррентные фразы и омонимичные им устойчивые фразы с полностью либо частично переосмысленным значением. Например: *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* (свободная фраза, которая часто повторяется в речи как бытовая рекомендация) и *Лестницу надо мести сверху, а не снизу* (пословица с переносным значением «порядок в чем-либо надо наводить с верхов», согласно словарю русских пословиц В.П. Жукова).

Рекуррентными являются афористические фразы, которые выражают, как правило, те или иные стереотипы поведения, мышления, оценки и т.д. (иногда весьма древнего происхождения). Регулярная актуализация таких стереотипов в повседневной жизни и детерминирует достаточно частое повторение в речи их стандартных формулировок, которые могут как воспроизводиться в готовом виде — пословицы, так и вновь и вновь производиться — в виде рекуррентных фраз. Например, рекуррентные афористические фразы: *Без труда <в жизни> ничего не добьешься (не достигнешь, не получишь); Верить (доверять) можно только себе (самому); Надеяться (рассчитывать) можно (лучше, нужно и т.д.) только на себя; Нужно (следует) <всегда> слушать (уважать) старших или <Всегда> слушай (уважай) старших; Привыкнуть ко всему можно или Человек ко всему привыкает (может привыкнуть); Само <по себе> ничего не делается (не достается, не приходит и т.д.); Чего только <на свете> не бывает (не происходит, не случается и т.д.)* и т.п. Функционирование рекуррентных фраз более детерминировано менталь-

ными стереотипами и более дискурсивно обусловлено, чем нерекуррентных, что может квалифицироваться как некоторая экстралингвистическая ограниченность свободного производства рекуррентных фраз в речи. Поэтому остается открытым вопрос о принадлежности рекуррентных фраз к «стандартам», или «стереотипам», речи, которые «имеют информативно-необходимый характер и относятся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» как «наиболее привычная и экономная форма отражения» ее «тематико-ситуационной специфики» (Винокур, 1990).

Важно отметить, что рекуррентными не могут быть фразы, хоть сколько-нибудь отражающие индивидуальное мировосприятие, несовместимое в своих основах с обыденной картиной мира, а значит, имеющие идиостилистическую окраску используемых языковых средств (по правилам риторики и/или в соответствии с закономерностями оформления художественного дискурса). Подобные фразы никогда не утрачивают привкуса авторства (даже если с течением времени по каким-либо причинам и нейтрализуется устойчивая ассоциация с источником их происхождения), могут только «цитироваться» в речи и никогда не функционируют как остальные единицы языка, которые «принципиально не имеют автора» (Смирницкий, 1954: 21). Именно благодаря этому фразы индивидуально-авторского происхождения сохраняют устойчивый характер своего воспроизведения, даже если они употребляются в прямом значении, не имеют в своем составе переосмысленных компонентов и не обладают никакими иными внутрискруктурными факторами несвободного характера своего функционирования. Такого рода фразы часто встречаются среди крылатых слов, например: *Будь каждый при своем* (В.А. Жуковский); *В жизни всегда есть место подвигам* (М. Горький); *Если враг не сдается, его уничтожат* (М. Горький); *Легче плакать, чем страдать* (М.Ю. Лермонтов) и т.п.

Отсутствие переносной мотивировки общего значения либо отдельных лексических компонентов является наиболее очевидным и существенным лингвистическим критерием дифференциации рекуррентных и устойчивых фраз. Существенным, но все же недостаточным, поскольку воспроизводимость в готовом виде довольно большого количества единиц зависит не только от их полной или частичной переосмысленности, но и от ряда иных структурных показателей. Так, у пословицы с прямой мотивировкой общего значения *В гостях воля хозяйская* неизменна грамматическая форма компонентов, невозможны ее синтаксические трансформации, отсутствует вариантность.

Рекуррентным фразам в отличие от устойчивых конструкций не могут быть свойственны никакие структурные признаки фразеологичности (наличие некротизмов и/или архаичных грамматических конструкций, постоянство грамматических форм, невозможность синтаксических преобразований, синтаксическая немоделируемость, отсутствие вариантности, недопустимость вставки внутрь нового компонента и др.), никакие средства языковой выразительности (ритмичность фразы, рифма, различные фигуры речи и т.д.), никакие устойчивые ассоциации с источником происхождения (определенным текстом, литературой во-

обще). Всем рекуррентным фразам присущ свободный порядок слов, а значит, и отсутствие всяких ограничений их сочетаемости, кроме требований нормы (т.е. отсутствие устойчивости по отношению друг к другу). Достаточно наличия хотя бы одного из вышеперечисленных признаков, чтобы детерминировать устойчивость фразы. Так, отсутствие вариантности у какой-либо фразы свидетельствует о том, что процесс ее фразеологизации завершен (данная конструкция и структурно, и семантически кристаллизовалась в единое целое), несмотря на то, что она может не иметь переносного значения (ни общего, ни на уровне отдельных компонентов), как, например, пословица *Хороша веревка длинная, а речь короткая* и т.п. В то же время, например, наличие у фразы *На всех не угодишь* большого количества вариантных форм не позволяет квалифицировать ее как устойчивую (как пословицу, хотя она и включена в словари русских пословиц В.И. Даля, В.П. Жукова и др.), например: *Всем (каждому) <на свете никогда> не угодишь* или *Всем <на свете> невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) угодить* или *Всем (каждому) невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) угодить* или *Каждому (на всех, никому) <никогда> не угодишь* или *На всех <на свете никогда> не угодишь* или *Невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко) всем (каждому) угодить* или *Угодить всем <на свете> невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко)* или *Угодить всем (каждому) невозможно (нелегко, нельзя, трудно, тяжело, тяжко)* и т.п. Иногда один из вариантов рекуррентного афоризма начинает употребляться чаще других вариантов, замещает в сознании носителей языка все остальные варианты и начинает регулярно воспроизводиться в готовой форме в некоторых стандартных контекстах или ситуациях (в данном случае, например, *На всех не угодишь*). Параллельно употребляются и синонимичные пословицы: *На всех и бог не угодит*; *На всех (на весь свет) и солнышку не угреть*; *На всех угодить — себя истомить*; *На людей угодить — себя уморить*; *Себя уморишь, а на людей не угодишь (а людей не удивишь)* и т.п.

Рекуррентными являются также афористические фразы так называемого тавтологического типа, которые функционируют только в своем прямом значении (хотя и не лишены смысловых коннотаций, детерминированных той или иной конкретной ситуацией их употребления в речи), например: *Деньги везде деньги*; *Если (раз) нужно, значит (так) нужно*; *Если (раз) не хочется, то (так) не хочется*; *Жизнь есть жизнь*; *Закон есть закон*; *Люди есть люди*; *Правда всегда (есть) правда*; *Чего нельзя, того нельзя* (и антонимичное *Что можно, то можно*); *Чего нет, того нет* (и антонимичное *Что есть, то есть*); *Что было, то было* (и антонимичное *Что будет, то будет*); *Что правда, то правда*; *Что хорошо, то хорошо* (и антонимичное *Что плохо, то плохо*) и т.п. Рекуррентные афоризмы могут иметь фразеологизированную синтаксическую структуру, которая репрезентирует определенные устойчивые связи и отношения между теми или иными типами реалий и свободно наполняется лексикой в зависимости от контекста или ситуации. Например: *Я помню давно учили меня отец мой и мать: лечить так лечить, любить так любить, гулять так гулять, стрелять так стрелять... Но утки уже летят высоко — летать так летать, я им помашу рукой...* (А. Розенбаум); а также *Бить так бить*; *Говорить так говорить*; *Жить так жить*; *Пить так пить*; *Помогать*

так помогать; Ругаться так ругаться; Учиться так учиться и т.п. Безусловно, определенная структурная несвобода такого рода фраз очевидна, однако показательно и то, что сама по себе синтаксическая фразеологизация высказывания не детерминирует его семиологическую фразеологизацию (возникновение новой единицы с новыми семиологическими свойствами, как это бывает при возникновении фразеологизма путем переосмысления его свободного прототипа). Формальным показателем различия синтаксической и семиологической фразеологизации можно считать невозможность (низкую вероятность) возникновения у фраз с фразеологизированной синтаксической структурой номинативной семантики, присущей фразеологизмам и языковым афоризмам как строевым единицам языка (Верещагин, Костомаров, 1990: 38—41).

Рекуррентные фразы, как и любые другие свободные высказывания, могут обладать лишь синтаксической семантикой. Если рекуррентная фраза начинает в какой-либо из своих лексико-грамматических форм устойчиво ассоциироваться с каким-либо фрагментом действительности (номинировать его), то данная фраза в данной лексико-грамматической форме переходит в разряд номинативных единиц. Это, в свою очередь, ведет к деактуализации плана содержания компонентов такой фразы, возникновению между ними уникальной семантической связи, а значит, к несвободному характеру ее употребления (безотносительно иных возможных факторов возникновения ее устойчивости в речи, которые могут быть как причиной, так и следствием этого процесса и требуют специального изучения в рамках описания деривации устойчивых фраз, в том числе и афористических). Различение синтаксической и номинативной семантики, а следовательно, и свободной или несвободной структуры фразы становится особенно важным в случаях омонимии рекуррентных и устойчивых фраз. Поэтому отсутствие/наличие номинативной семантики следует рассматривать в качестве объективного лингвистического критерия категориального разграничения рекуррентных и устойчивых афористических единиц.

Заключение

Рекуррентные фразы не относятся к прецедентным единицам (не воспроизводятся в готовом виде), не являются устойчивыми в воспроизведении (не представляют собой целостного комплекса), не обладают переносным значением (как общим, так и отдельных компонентов), не имеют номинативной семантики. Каждый из названных критериев рекуррентности имеет собственно лингвистическую природу и складывается, в свою очередь, из целого ряда структурных и/или функциональных параметров, обусловленных лингвистическими и/или экстралингвистическими факторами, требующими специального исследования и рассмотренными здесь лишь частично. В то же время ни один из данных критериев не репрезентирует полностью все различия между рекуррентными и устойчивыми фразами. Это, а также то, что указанные критерии не находятся в отношениях логической и предметной зависимости (хотя они так или иначе взаимосвязаны), требует их использования в качестве дифференциальных (категориальных) исключительно всех одновременно, а не порознь или выборочно.

Проблема отнесения/не отнесения рекуррентных афористических единиц (как и любых рекуррентных фраз) к «стандартам» или «стереотипам» речи решается на основании указанных выше критериев рекуррентности вполне определенно. «Стандартные» или «стереотипные» фразы глубоко отличны от рекуррентных фраз, поскольку, несмотря на то, что не обладают переносным значением и не имеют номинативной семантики, во-первых, являются прецедентными, во-вторых, используются как «готовые формулы», что манифестирует устойчивую связь их компонентов. «Стандарты» или «стереотипы» речи, если игнорировать их понимание только в терминах стилистики (или культуры речи), следует квалифицировать как наименее фразеологизированную специфическую (наряду, например, с составными наименованиями) часть фразеологического состава языка (в самом широком понимании фразеологии как совокупности сверхсловных, воспроизводимых и устойчивых единиц).

Рекуррентные фразы являются разновидностью свободных высказываний и очень близки по структуре и способам функционирования устойчивым фразам. Можно утверждать, что категориальное отличие рекуррентных и устойчивых сверхсловных единиц является критерием для определения объема и границ фразеологии как части языка. В этой связи определение параметров рекуррентности фразы и непротиворечивое разграничение на этом основании рекуррентных афоризмов и устойчивых афористических фраз приобретают особую значимость как для систематизации афористического материала, так и для дифференциации паремиологических единиц, подавляющее большинство которых является афоризмами.

Результаты исследования могут найти практическое применение в сфере лексикографии и в области лингводидактики. Заметное количество рекуррентных афористических фраз требует их отражения в специальном словаре (что позволит избежать неверной лексикографической кодификации рекуррентных фраз как устойчивых). Введение рекуррентных афористических фраз в процесс обучения языку как родному, так и иностранному позволит сформировать необходимые умения и навыки их правильного употребления, повысить коммуникативные и риторические ресурсы идиолекта. Особенно значимым это видится для тех славянских и неславянских языков, в которых уже описан состав афористических единиц, например, русского (Королькова, 2005), белорусского (Иваноў, 2017) и др.

Перспективным для дальнейших исследований представляется изучение рекуррентных фраз как прототипов устойчивых фраз, а также семантических отношений (прежде всего синонимии) между рекуррентными и устойчивыми фразами и стилистических особенностей их функционирования в дискурсах различных видов и текстах разных жанров.

Список литературы

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

- Винокур Т.Г.* Штампы (речевой) // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 588—589.
- Иванов Е.Е.* О рекуррентных прототипах крылатых фраз // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: материалы III Международной научной конференции / под ред. В.И. Ковалея. Гомель: ГГУ, 2003. С. 74—78.
- Иванов Е.Е.* Лингвистика афоризма: учебное пособие. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2016. 156 с.
- Каньшина Н.А.* Проблемные аспекты рекуррентности в лингвистике (на материале французского художественного текста) // Весці БДПУ. Серыя 1. 2015. № 4. С. 64—67.
- Королькова А.В.* Русская афористика. М.: Флинта; Наука, 2005. 344 с.
- Леонова Л.А., Шубин Э.П.* «Готовые» предложения в современном английском бытовом диалоге // Иностранные языки в школе. 1970. № 5. С. 12—16.
- Маслова В.А.* Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Русистика. 2018а. Т. 16. № 2. С. 172—191.
- Маслова В.А.* Полидисциплинарность и интегративность как главные «приметы» лингвистики будущего // Филологические науки. 2018б. № 5. С. 3—9.
- Маслова В.А.* Современная лингвистика — наука о человеке, его сознании, языке и культуре // Гуманитарный вектор. 2018в. Т. 13. С. 6—12.
- Мельчук И.А.* О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 73—80.
- Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
- Райхштейн А.Д.* Об устойчивых фразах и «готовых» предложениях // Иностранные языки в высшей школе. 1972. Вып. 7. С. 79—87.
- Смирницкий А.И.* Объективность существования языка. М.: Изд-во МГУ, 1954. 33 с.
- Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.
- Супрун А.Е.* и др. Общее языкознание. 2-е изд. Минск: Вышэйшая школа, 1995. 333 с.
- Титкова О.И.* О перспективах развития рекуррентных единиц лексикона // Филологические науки. 2003. № 2. С. 79—86.
- Титкова О.И.* К определению рекуррентности // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2014. Вып. 694. С. 9—18.
- Вуфманн Н.* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Verlag Alfred Kröner, 1990. 904 s.
- Іваноў Я.Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове: манаграфія. Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2017. 208 с.
- Charaudeau P., Maingueneau D.* Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Seuil, 2002. 667 p.
- Werner A.* Terminologie zur neueren Linguistik. Tübingen: Verlag Niemeyer, 1988. Bd. 2. 1059 s.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 19.11.2018

Дата принятия к печати: 10.01.2019

Для цитирования:

Иванов Е.Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157—170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170

Сведения об авторе:

Иванов Евгений Евгеньевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилев, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов*: теоретическая лингвистика, сопоставительное языкознание, прикладное языкознание (лексикография, лингводидактика), современный русский язык, славянские языки (фразеология, паремиология, афористика). Автор около 360 научных публикаций, из них свыше 40 монографий, учебников и учебных пособий, словарей. *Контактная информация*: ivanov-msu@mail.ru

Scientific article

Aphoristic units recurrence in modern Russian language

Eugene E. Ivanov

Mogilev State A. Kuleshov University
1 Kosmonavtov St., Mogilev, 212022, Republic of Belarus

Modern linguistics focuses on recurrence as a feature and category of various units of language and speech. In this regard, the contrastive analysis of recurrence and reproducibility on the material of set units is particularly relevant. The author attempts to differentiate recurrence and reproducibility at the phrase level. The aims of the work are to establish and describe the linguistically significant parameters of the aphoristic units' recurrence. The material of the study is about 1000 recurrent aphoristic units in modern Russian language. The units are taken from phraseological and paremiological dictionaries and identified in the speech of native Russian speakers recorded in 2001—2018. The study determines the concept of phrase recurrence as regular phrase formation in typical contexts, not as their frequency as ready-made units in speech. The study identifies that recurrent aphoristic phrases do not have stable components, figurative meanings, neither on the whole nor of their components, and nominative semantics. Recurrent phrases do not refer to the so-called speech “standards” and “stereotypes” that function as “ready-made formulas” and their components have strong connection. Recurrent phrase has free components. Among different phrases with free components, recurrent phrases are close to set phrases in their structure and way of functioning. We can argue that the categorical difference between recurrent and set units is a criterion for determining the scope of phraseology as the part of the language system.

Keywords: recurrence, reproducibility, recurrent phrase, set phrase, aphoristic unit, the Russian language

References

- Akhmanova, O.S. (1966). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)
- Ivanov, E.E. (2003). O rekurrentnykh prototipakh krylatykh fraz [On recurrent prototypes of winged expressions]. *Slavic Phraseology in the Areal, Historical and Ethnocultural Aspects. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference*. (pp. 74—78). Gomel: Gomel State University Publ. (In Russ.)

- Ivanov, E.E. (2016). *Lingvistika aforizma: uchebnoe posobie [Linguistics of aphorism: manual]*. Mogilev: Mogilev State University Publ. (In Russ.)
- Kan'shina, N.A. (2015). Problemnye aspekty rekurrentnosti v lingvistike (na materiale frantsuzskogo khudozhestvennogo teksta) [Topical aspects of recurrence in linguistics (on the material of French literary texts)]. *Vesci BDPU [Bulletin of Belarusian State Pedagogical University]*, (4), 64—67. Minsk. (In Russ.)
- Korol'kova, A.V. (2005). *Russkaya aforistika [Russian aphoristics]*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russ.)
- Leonova, L.A., & Shubin, E.P. (1970). “Gotovye” predlozheniya v sovremennom angliiskom bytovom dialoge [“Ready” sentences in modern English everyday dialogue]. *Inostrannye yazyki v shkole [Foreign Languages at School]*, (5), 12—16. Moscow. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018a). Osnovnye tendentsii i printsipy sovremennoi lingvistiki [The main trends and principles of modern linguistics]. *Rusistika [Russian Language Studies]*, 16(2), 172—191. Moscow. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018b). Polidistsiplinarnost' i integrativnost' kak glavnye “primety” lingvistiki budushchego [Polydisciplinarity and integrativity as the main “signs” of linguistics of the future]. *Filologicheskie nauki [Philological sciences]*, (5), 3—9. Moscow. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018c). Sovremennaya lingvistika — nauka o cheloveke, ego soznanii, yazyke i kul'ture [Modern linguistics is the science about man, his mind, language and culture]. *Gumanitarnyi vektor [Humanitarian vector]*, 13, 6—12. Chita. (In Russ.)
- Mel'chuk, I.A. (1960). O terminakh “ustoichivost'” i “idiomaticnost'” [On the terms “sustainability” and “idiomatic”]. *Voprosy yazykoznaniiya [Questions of Linguistics]*, (4), 73—80. Moscow. (In Russ.)
- Permyakov, G.L. (1988). *Osnovy strukturnoi paremiologii [Fundamentals of structural paremiology]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Raihshtein, A.D. (1972). Ob ustoychivyykh frazakh i “gotovykh” predlozheniyakh [On sustainable phrases and “ready” sentences]. *Inostrannye yazyki v vysshey shkole [Foreign Languages in High School]*, 7, 79—87. Moscow. (In Russ.)
- Smirnickii, A.I. (1954). *Ob'ektivnost' sushchestvovaniya yazyka [Objectivity of language existence]*. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Smirnickii, A.I. (1956). *Leksikologiya angliiskogo yazyka [Lexicology of the English language]*. Moscow: Literatura na inostrannykh yazykakh Publ. (In Russ.)
- Suprun, A.E. (1995). *Obshchee yazykoznanie [General linguistics]*. Minsk: Vysheishaya shkola Publ. (In Russ.)
- Titkova, O.I. (2003). O perspektivakh razvitiya rekurrentnykh edinits leksikona [On the prospects of developing recurrent units in lexis]. *Filologicheskie nauki [Philological Sciences]*, (2), 79—86. Moscow. (In Russ.)
- Titkova, O.I. (2014). K opredeleniyu rekurrentnosti [To the definition of recurrence]. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences]*, 694, 9—18. Moscow. (In Russ.)
- Vereshchagin, E.M., & Kostomarov, V.G. (1990). *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [Linguistic country studying in teaching Russian as a foreign language]*. 4th ed. Moscow: Russkii yazyk Publ. (In Russ.)
- Vinokur, T.G. (1990). Shtamp (rechevoi) [Stamp (Speech)]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)
- Bußmann, H. (1990). *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart: Verlag Alfred Kröner. (In Deutsch.)

Charaudeau, P., & Maingueneau, D. (2002). *Dictionnaire d'analyse du discours*. Paris: Seuil Publ. (In French.)

Ivanou, Ya.Ya. (2017). *Afarystychnyya adzinki u belaruskai move* [Aphoristic units in the Belarusian language]. Mogilev: Mogilev State University Publ. (In Belarus).

Werner, A. (1988). *Terminologie zur neueren Linguistik*. Bd. 2. Tübingen: Verlag Niemeyer. (In Deutsch.)

Article history:

Received: 19.11.2018

Accepted: 10.01.2019

For citation:

Ivanov E.E. (2019). Aphoristic units recurrence in modern Russian language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157—170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170

Bio Note:

Eugene Evgenevich Ivanov, PhD, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus). *Research interests*: theoretical linguistics, comparative linguistics, applied linguistics (lexicography, linguodidactics), modern Russian, Slavic languages (phraseology, paremiology, aphoristics). The author of more than 360 research papers, among them over 40 monographs, textbooks, dictionaries. *Contact information*: ivanov-msu@mail.ru

Научная статья

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-171-183

УДК 81'373.612.2:[811.161.1]

Феномен метафоры в русистике: от прошлого к будущему**С.Б. Кураш**

Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина
Республика Беларусь, 247760, Мозырь, ул. Студенческая, 28

В статье анализируются основные тенденции динамики научного интереса к метафоре, имевшие место в русистике прошлого и представленные в ее настоящем, с прогнозом на будущее. Применяя методы объяснительного аналитического описания, критического анализа, обобщения, систематизации и типологизации, на материалах работ классиков отечественной лингвистической русистики (М.В. Ломоносов, А.А. Потехня и др.) и ведущих представителей современной русистики (А.Н. Баранов, О.Н. Лагута, В.А. Маслова, А.П. Чудинов и др.) выявлен и описан ряд стадий в изучении метафоры: начиная с традиционно-риторического подхода, идущего от античных риторик, до признания междисциплинарного статуса метафоры как одной из универсалий языка и мышления, механизма порождения смыслов в континууме от слова до текста. Отмечается, что перспективы лингвометафорологии как самостоятельного направления современной науки о языке сосредоточены в ее дальнейшем взаимодействии с лингвистикой текста/дискурса, когнитивной лингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией, лингвосемиотикой и другими актуальными направлениями современного языкознания.

Ключевые слова: русистика, метафора, троп, текст, метафоризация, лингвометафорология

Введение

В структуре гуманитаристических учений теория метафоры является настолько молодой, насколько и старой. В первую очередь это справедливо по отношению к лингвистической науке с ее неугасающим интересом к феномену метафоры: «Когда античная традиция прекращает свое существование, имелось уже развернутое, достаточно стройное метафорологическое учение (в рамках общего тропологического)» (Лагута, 2003: 9), а вся последующая «история языкознания — это в каком-то отношении и история постоянного обращения к феномену метафоры» (Кулиев, 1987: 81).

Одно из наиболее разработанных направлений в науке о метафоре — исследование метафорики словесно-художественного творчества, и прежде всего поэзии.

© Кураш С.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Метафора востребуется самой природой лирического жанра, поскольку является одним из важнейших средств репрезентации личностных смыслов, создания индивидуально-авторской картины мира.

Взаимодействие двух информативных систем, имеющее место в метафоре, попытка объяснить «новое», «неизвестное» через «старое», «знакомое» составляют когнитивную сторону метафоризации, ее эвристическую силу, которая, по словам В.А. Масловой, «кроется в самой их сути, ее гносеологической природе, ибо метафорический перенос лежит в основе схватывания объекта в его целостности и, в конечном счете, в основе его особого видения, понимания. Именно такие метафоры служат прекрасными методологическими опорами, позволяющими ориентироваться в диалектике известного — неизвестного» (Маслова, 1996: 73).

В свое время А.А. Потебня отмечал: «Необходимость метафоры (или метафорического сравнения) сказывается особенно наглядно в тех случаях, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденных неопределенным множеством действий, слов и пр.» (Потебня, 1990: 204). По сути та же мысль, пусть и с нюансировкой тех или иных акцентов, пройдет красной нитью через метафорологические штудии XX века, в которых будет отмечено, что «метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда... возникают метафоры в языке» (Ричардс, 1990: 47). «Метафора вездесуща, она возникает везде, где человек может проявить себя, и пронизывает все человеческое существо, более того, она же может быть источником радости — радости узнавания, декодирования и/или креативного и эстетического познания» (Лагута, 2003: 43).

Кроме того, метафора, как и генетически и структурно близкие к ней явления (миф, параллелизм), традиционно рассматривается в качестве принципа поэтического творчества и художественного мышления в целом (Веселовский, 1989; Фрейденберг, 1998; Якобсон, 1975).

По словам Ю.М. Лотмана, «то, что принято называть тропами, ...представляет собой всеобщий закон поэтического текста» (Лотман, 1964: 117), а метафору многие исследователи по праву называют основным тропом, черты которого (такие как умножение смыслов, неузуальность словоупотребления и пр.) можно найти в любых других тропах.

С исследованием метафоры как элемента художественного мышления, разработкой проблем соотношения метафоры и поэтического стиля связан широкий круг вопросов, затрагивавшийся как отечественными, так и зарубежными учеными-филологами. Нас, прежде всего, интересует «лингвистический сектор» метафорологии как части русистики в его динамике от уже полученных результатов к перспективам дальнейших изысканий.

Цель

Цель исследования заключается в выявлении и характеристике ряда основных тенденций в развитии научного интереса к феномену метафоры в русистике прошлого и настоящего, а также обозначении некоторых перспектив лингвометафорологии.

Методы и материалы

Исследование базируется на методах аналитического описания, критического анализа, обобщения, систематизации.

Материалом послужили работы классиков отечественной русистики: М.В. Ломоносова (Ломоносов, 1952), А.А. Потебни (Потебня, 1990) и др., а также ведущих современных лингвистов — специалистов в области лингвопоэтики, лингвометафорологии и других актуальных направлений современной антропоцентрической парадигмы языкознания: А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова (Баранов, Караулов, 1991), О.Н. Лагуты (Лагута, 2003), В.А. Масловой (Маслова, 2001), А.П. Чудинова (2001) и др.

Результаты

В русистике, начиная со времен М.В. Ломоносова, учение о метафоре прошло ряд стадий в направлении от традиционно-риторического подхода к признанию за ней междисциплинарного статуса — одной из фундаментальных универсалий мышления и языка, механизма порождения смыслов в их континууме от слова до текста. Лингвометафорология оформилась в качестве самостоятельного направления науки о языке и активно развивается во взаимодействии с лингвистикой текста/дискурса, когнитивной лингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией, лингвосемиотикой и другими актуальными направлениями современной науки о языке.

Обсуждение

Длительную традицию изучения имеют формы языкового выражения тропов. Одной из наиболее обсуждаемых здесь является проблема соотношения тропа (в первую очередь метафоры) с феноменами языка и речи: «метафора и слово», «метафора и контекст», «метафора и текст», «метафора и дискурс», «метафора и стиль», «метафора и жанр», «метафора и грамматика» и др. Наибольшее количество исследований посвящено в этом плане проблеме развития переносно-метафорических значений у слов, функционированию метафор в различных видах словосочетаний и иных синтаксических конструкциях.

В русистике одним из первых фундаментальных исследований, посвященных тропам и в первую очередь метафоре, явилась знаменитая «Риторика» М.В. Ломоносова (1748), в особенности ее вторая часть — «О украшении».

Трактуя сущность тропа, Ломоносов опирается на античные риторика, определяя троп как «перенесение речений», выделяя при этом две группы тропов: «троп речения» («состоит в перенесении одного речения от собственного знаменования к другому» — *каменный человек, щедрота похвальна* и т.п.) и «троп предложения» («состоит в перенесении предложения от собственного знаменования к другому» — *По саже гладь, хоть бей, / Ты будешь черн от ней*)¹. Основной признак

¹ Приводятся те примеры, которыми сам Ломоносов иллюстрирует выделенные им типы тропов.

разграничения данных групп — номинативность/предикативность тропеизируемого фрагмента.

М.В. Ломоносов определяет назначение тропа в «риторическом украшении», что традиционно, вплоть до XX века, рассматривалось в качестве основной функции тропа. При этом ученый видит в подобном украшении не столько самоцель, сколько еще и функциональную сторону, поскольку «слово риторическое, хотя будет чисто составлено, приличным течением установлено и украшено великолепно, но без пристойного движения речений и предложений живности в нем никакой не будет» (Ломоносов, 1952: 238).

«Тропов речений» Ломоносовым выделяется 6: метафора, метонимия, синекдоха, антономазия, катахресис и металепсис («тропов предложений» — 5: аллегория, парафразис, эмфазис, гипербол, ирония). В трактовке метафоры Ломоносов идет за Аристотелем, говоря о переносе «речений» на основе «подобия» и выделяя 4 направления подобного переноса: «неживое — живое», «живое — неживое», «неживое — неживое», «живое — живое».

Им же даются и рекомендации по употреблению метафор: «1) чтобы метафор не употреблять чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают; 2) к вещам высоким и важным непристойно переносить речений от вещей низких и подлых, например: *небо плюет* непристойно сказать вместо *дождь идет...*; 3) к низким и подлым вещам от высоких и важных переносить речения также непристойно, кроме шуток, например, *блистающая солома, громогласный комар*» (Ломоносов, 1952: 182). В этом чувствуется созвучие идее настороженного и даже негативного отношения к метафоре, которое культивировалось в трудах английских философов-рационалистов Дж. Локка, Т. Гоббса и др. Серьезный пересмотр этой точки зрения произошел только в XX веке.

Несмотря на усвоенные Ломоносовым из античных риторических штудий традиционные подходы к тропам, в его «Риторике» уже усматриваются начала ряда идей, соответствующих положениям современных лингвопоэтологических исследований, в том числе тех, в рамках которых разрабатываются новые концепции и классификации тропов. Ломоносовские толкования аллегии как приема, характеризующегося «стечением многих метафор», и эмфазиса как «употребления, при котором одно непрямо изображенное действие вытекает из другого, также фигурального» (Ломоносов, 1952: 283), можно рассматривать в качестве базовых положений для современных лингвосомиотических исследований механизма развертывания метафоры, последовательного усложнения данного тропа. Это в целом координируется с тенденциями развития современной тропологии, включающей в сферу исследований фрагменты любой степени протяженности — вплоть до текстов-тропов и тропов интертекстового пространства (Кураш, 2001).

Также можно утверждать, что все виды тропов, относимые М.В. Ломоносовым к числу главных, составляют ядро тропеической системы русского языка и в ее современном понимании, поскольку именно этим тропам в разной степени присущи такие основные признаки, как сближение семантически разнородных областей (метафора, эмфазис, метонимия, металепсис), тенденция к преувеличению

или преуменьшению (катахрезис, гипербола), способность к выражению контраста или противоположности (ирония).

В целом же в отношении ломоносовской классификации тропов трудно говорить о наличии четко выраженного единого классификационного критерия, за исключением базового противопоставления «тропов речений» и «тропов предложений». Для ученого важнее было представить известный ему спектр тропов, а не последовательно классифицировать их, в чем виделась практическая цель «Краткого руководства...». Это объясняется тем, что ломоносовская «Риторика», вслед за классической традицией, ориентировалась гораздо больше на создание произведений, а не на их анализ.

В дальнейшей лингвистической традиции к феномену метафоры обращались такие видные филологи-русисты, как Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев, А.Н. Веселовский, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Б.А. Ларин, Б.В. Томашевский, Р.О. Якобсон и др.

В частности, А.А. Потебня не соглашается с мнением Ф.И. Буслаева о способности одного слова (в данном случае имени существительного) выражать метафорическое значение; последнее в любом случае имеет контекстную природу: «Какою бы частью речи ни было не только метафорическое, но вообще иносказательное слово, его иносказательность узнается по контексту» (Потебня, 1990: 206).

В приведенной цитате заложены основы подхода, весьма продуктивного для развития теории порождения метафорического контекста как семантически единого континуума, выявления в нем имплицитных звеньев метафоризации: «Метафора в части предложения делает метафоричным все то целое, которое нужно для ее понимания, т.е., например, “хоть *каплю жалости* храня” (Пушкин): жалость — жидкость, которую хранить можно в сосуде, каким, стало быть, представляется человек... Метафора может заключаться во всяком члене предложения, причем остальные, первоначально (т.е. до сочетания) неметафоричные, становятся метафоричны» (Потебня, 1990: 206).

Подобная контекстная трактовка метафоры, предложенная более 100 лет назад, отражена в ряде признанных на данный момент концепций метафоры, прежде всего тех, которые придерживаются того, что природа метафоры синтаксическая (сочетаемостная, синтагматическая). В русистике это, в частности, дери-вационно-синтаксическая теория метафоры Л.Н. Мурзина и представителей его школы (Мурзин, 1972; Симашко, Литвинова 1993; Алексеева, Мишланова, 2016). Аналогичный взгляд на метафору представлен также в работах Е.А. Некрасовой (Некрасова, 1975), Л.Н. Рынькова (Рыньков, 1975), И.В. Толочина (Толочин, 1996) и др.

Переориентация современной лингвистики на антропоцентрическую парадигму, смещение исследовательского вектора в смежнолингвистические направления (лингвокультурология, лингвосемиотика, когнитивная лингвистика и др.), становление новых интегративных научных направлений, в качестве объекта которых выступает уже не язык как система, а отдельные значимые с позиций носителя языка речезыковые феномены, ставят новые вопросы и для теории метафоры.

В связи с этим на страницах специальных исследований все чаще встречается слово «метафорология» (или его партнер-гипероним — «тропология»): «Метафорологию мы можем рассматривать как междисциплинарную отрасль научного знания, исследовательским объектом которой является как собственно метафорогенная деятельность человека, так и результаты этой деятельности» (Лагута 2003: 43). Во многом этому поспособствовал новый подход к метафоре, предложенный Дж. Лакоффом, в основе которого мысль о том, что вся наша повседневная жизнь буквально пронизана метафорами, а наша обыденная понятийная система метафорична по самой своей сути (Лакофф, Джонсон, 1990).

Таким образом, к концу XX века становится очевидным, что в постижении феномена метафоры не произойдет существенных сдвигов, если круг научных поисков останется в радиусе традиционных риторико-стилистических подходов к данному речезыковому явлению. На это еще в 1990 году обратила внимание В.Н. Телия: «Остается только удивляться тому, что... метафора изучается эпизодически и скорее как стилистическое средство, нежели универсально-лингвокреативное. Очевидно, причина этого кроется в том, что механизмы метафорического процесса “скрыты”, а лингвистика начала оперировать “глубинными” структурами только в последние десятилетия» (Телия, 1990: 46—47). Еще ранее В.П. Григорьев (исследуя, к слову, именно лингвостилистическую сторону русской поэтической метафористики) очертил тот общий вектор исследовательского интереса, который, как оказалось, был нацелен на перспективу: «По-видимому, все более глубокое осознание того, что моделью связей между словом и образом может служить метафора, лежит в основе постоянного (в последние годы — явно возрастающего) интереса филологов к метафорическому аппарату языка» (Григорьев, 1979: 187).

Иными словами, на рубеже XX—XXI веков исследователи метафоры подошли к доказательному осознанию некоего более серьезного предназначения, отведенного данному феномену по отношению к языку, мышлению, человеку как языковой личности, чем это мыслилось ранее. В частности, в трудах С.А. Хахаловой (Хахалова, 1997) и Ж. Вардзелашвили (Вардзелашвили, 2002) в качестве особой языковой категории выделяется категория метафоричности языка, а метафоризация трактуется как одна из языковых универсалий: «Категория метафоричности представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком; она отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. <...> Категория метафоричности относится к одному из наиболее общих и фундаментальных понятий, отражающему существенные всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания по признаку нахождения ассоциативных связей между ними» (Вардзелашвили, 2002: 25—26).

В таком понимании метафора становится одним из основных объектов смежнолингвистических направлений современной антропоцентрической парадигмы языковедческой науки: «Метафора — это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы. Метафора — это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. Метафоры зало-

жены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» (Чудинов, 2001: 33).

Вместе с тем переоценка статуса метафоры «по восходящей линии» не отвергает и даже, по большому счету, не уводит в сторону от ее тропеического понимания. «“Не изымая” метафору из арсенала тропов, исследователи, как было замечено выше, все чаще подчеркивают ее особое — главенствующее — положение в нем» (Белозерова, 2001: 51). О подобном статусе метафорического тропа подробно идет речь в работах А.М. Оганьян (Оганьян, 2006), С.А. Фридриха (Фридрих, 1971) и др.

Лингвистика, и в частности лингвопоэтика, все чаще обращаются к психологическим, нейрофизиологическим, когнитивным аспектам метафоры. Фундаментальные работы на эту тему принадлежат Р.О. Якобсону (Якобсон, 1990), Т.В. Черниговской (Черниговская, 1986), Ю.М. Лотману (Лотман, 1992) и другим исследователям. Подобные работы помогают глубже объяснить «родство» метафоры и словесно-художественного творчества на уровне когнитивных и психо- и нейролингвистических аспектов метафоризации. В частности, с психолингвистической точки зрения поэтическое творчество рассматривается как недискретный процесс порождения континуальных по своей природе поэтических смыслов, которые получают свое материальное воплощение в форме их фиксации дискретными единицами языка (Пищальникова, 1992: 3–37). С целью устранить противоречия такого рода поэтическая система вынуждена вырабатывать и использовать средства, позволяющие преодолевать дискретность языка при передаче континуальных по своей природе поэтических смыслов. Одним из таких средств является метафора, выступающая с когнитивной точки зрения «едва ли не единственным языковым феноменом, вносящим недискретность в дискретную структуру языка» (Баранов, 1991: 188). «В ней таким образом проявляется со всей избыточностью структурное свойство художественного целого — непрерывность содержания при дискретности организующей его формы» (Иванюк, 1988: 13–14).

В аспекте проблемы информативности текста эта же мысль проводится исследователями, рассматривающими метафору в числе одного из специфических средств, позволяющих повышать количество информации на определенный текстовой отрезок. В этом плане характерна трактовка метафоры как «свернутого» (компрессированного) текста (Шатуновский, 1976), высказывания, результирующего контаминацию нескольких других высказываний (Симашко, Литвинова, 1993). Отмеченные свойства, присущие метафорике, хорошо согласуются с понятием признаковости (постоянного выдвижения «нового» — в терминах актуального членения), которое И.И. Ковтунова квалифицирует как одно из фундаментальных свойств поэзии, обуславливающих тропеичность поэтической речи (Ковтунова, 1986: 153).

В целом, интеграция с лингвистикой текста в направлении изучения участия метафорики в формировании ведущих текстовых категорий (цельности, связности, проспекции, ретроспекции, композиционной оформленности и пр.), выявления способности охватывать целые тексты (Иванюк, 1998) и выходить в интертекстовое пространство (Кураш, 2001; Толочин, 1996) значительно продвинула вперед исследования в области метафоры.

Вместе с тем признанием за поэтической метафорой способностей к тексто-порождению не исчерпывается весь интерес к ней в современной лингвистике, в сферу которой, по замечанию В.А. Масловой, «сейчас входит все, что отвечает требованиям теории знаковых систем и что позволяет увидеть глубинные семантические основы языка, человеческой ментальности и культуры» (Маслова, 2018: 187). Освоение этого проблемного поля, — безусловно, одна из важнейших перспектив лингвометафорологии ближайшего будущего.

Заключение

На основании отмеченного выше и в развитие приведенного тезиса В.А. Масловой о разомкнутом характере современной науки о языке, можно констатировать факт сформированности перспективного для дальнейших лингвистических исследований проблемного поля, где пересеклись интересы самых разных наук и научных направлений: с одной стороны, лингвистики текста/дискурса, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, лингвосемиотики, с другой стороны, лингвометафорологии. Если первые активно развиваются уже в течение десятилетий и в настоящее время удерживают лидирующие позиции в структуре лингвистических учений, то вторая — лингвометафорология — находится на стадии закрепления своих прав относительно статуса особого научного направления. Однако, судя по огромному количеству метафорологических исследований, принадлежащих отечественным и зарубежным лингвистам, философам, литературоведам, психологам и даже представителям «точных наук», эта стадия преодолевается новой дисциплиной весьма успешно.

Список литературы

- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.* Пермская школа метафоры // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 3 (35). С. 122—133.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Ин-т рус. языка Акад. наук СССР, 1991. 193 с.
- Белозерова Н.Н.* Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2001. 352 с.
- Вардзелашвили Ж.* Метафорическая картина мира в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 2002. 32 с.
- Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
- Григорьев В.П.* Поэтика слова: на материале русской советской поэзии. М.: Наука, 1979. 344 с.
- Иванюк Б.П.* Метафора и произведение (структурно-типологический, историко-типологический и прагматический аспекты исследования). Черновцы: Рута, 1998. 252 с.
- Ковтунова И.И.* Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
- Кулиев Г.Г.* Метафора и научное познание. Баку: Элм, 1987. 156 с.
- Кураш С.Б.* Метафора и ее пределы: микроконтекст — текст — интертекст: монография. Мозырь: МозГПИ, 2001. 118 с.

- Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник статей. М.: Прогресс, 1990. С. 387—415.
- Лагута О.Н.* Метафорология: теоретические аспекты: монография. В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003. 114 с.
- Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7. Труды по филологии, 1739—1758 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 993 с.
- Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. I. Введение, теория стиха // Труды по знаковым системам. I. Вып. 160. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1964. 195 с.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 25—34.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Маслова В.А.* Природа глазами русских и белорусов // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1996. № 1. С. 71—75.
- Маслова В.А.* Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 172—190.
- Мурзин Л.Н.* Образование метафор и метонимий как результат деривации предложения (к постановке вопроса) // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: сборник статей. Пермь: ПГУ, 1972. С. 362—366.
- Некрасова Е.А.* Метафора и ее окружение в художественной речи // Слово в русской советской поэзии: сборник статей. М.: Наука, 1975. С. 76—110.
- Оганьян А.М.* Метафора как основной троп поэтической речи: на материале англоязычной поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 206 с.
- Пицальникова В.А.* Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. 132 с.
- Потебня А.А.* Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. 344 с.
- Ричардс А.А.* Философия риторики // Теория метафоры: сборник статей. М.: Прогресс, 1990. С. 44—67.
- Рыньков Л.Н.* Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (послепушкинский период). Челябинск: Юж.-Уральск. кн. изд-во, 1975. 182 с.
- Симашко Т.В., Литвинова М.Н.* Как образуется метафора (деривационный аспект). Пермь: ПГУ, 1993. 218 с.
- Телия В.Н.* Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 46—47.
- Толочин И.В.* Метафора и интертекст в английской поэзии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 95 с.
- Хахалова С.А.* Категория метафоричности: формы, средства выражения, функции: дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 1997.
- Фрейдсберг О.М.* Миф и литература древности. 2-е изд. М.: «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
- Фридрих С.А.* Метафора в системе тропов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1971. 24 с.
- Черниговская Т.В., Деглин В.Л.* Метафорическое и силлогистическое мышление как проявление функциональной асимметрии мозга // Ученые записки Тартуского университета: труды по знаковым системам. Вып. 19. Тарту, 1986. С. 68—84.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Шатуновский И.Б. Способы повышения информативности в художественном тексте (метафора и информация) // Вопросы русского и общего языкознания: сборник научных трудов. № 519. Ташкент: Ташк. гос. ун-т., 1976. С. 62—70.

Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: сборник статей. М.: Прогресс, 1990. С. 110—132.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 10.10.2018

Дата принятия к печати: 25.12.2018

Для цитирования:

Кураш С.Б. Феномен метафоры в русистике: от прошлого к будущему // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 171—183. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-171-183

Сведения об авторе:

Кураш Сергей Бонифацевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и русской филологии, руководитель научно-методического центра русистики Мозырского государственного педагогического университета имени И.П. Шамякина (Мозырь, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов:* лингвометафорология, лингвистика текста, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, прикладная лингвистика. Автор и соавтор свыше 230 научных публикаций, в том числе 3 монографий. *Контактная информация:* text2005@mail.ru

Scientific article

The phenomenon of metaphor in Russian language studies: from the past to the future

Sergei B. Kurash

Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin
28 Studencheskaya St., Mozyr, 247760, Republic of Belarus

The article analyzes the tendencies in scientific views on metaphor in Russian language studies in the past and present with a forecast for the future. Different stages in the study of metaphor, starting from traditional rhetorical approach, going back to ancient rhetorics, to the recognition of the interdisciplinary status of metaphor as one of the universals of language and thinking, the mechanism of generating meanings in the continuum from word to text are identified and described. The author uses methods of explanatory analytical description, critical analysis, generalization, systematization and classification basing on works of leading representatives of traditional and modern Russian language studies (M.V. Lomonosov, A.A. Potebnya, A.N. Baranov, O.N. Laguta, V.A. Maslova, A.P. Chudinov,

etc.). The prospects of linguometaphorology (linguistic study of metaphor) as an independent direction of modern linguistics interacting with text/discourse linguistics, cognitive linguistics, psycholinguistics, cultural linguistics and other relevant branches of modern linguistics are noted in the article.

Keywords: Russian language studies, metaphor, trope, text, metaphorization, linguometaphorology

References

- Alekseeva, L.M., & Mishlanova, S.L. (2016). Permskaya shkola metafory [Perm school of metaphor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology], 3(35), 122—133. (In Russ.)
- Baranov, A.N., & Karaulov, Yu.N. (1991). *Russkaya politicheskaya metafora. Materialy k slovaryu* [Russian political metaphor. Materials for the dictionary]. Moscow: Russian language institute of Academy of sciences of the USSR Publ. (In Russ.)
- Belozerova, N.N. (2001). *Semiolingvisticheskie aspekty integrativnoi poetiki (na materiale russkikh, angliiskikh i irlandskikh khudozhestvennykh tekstov)* [Semiolinguistic aspects of integrative poetics (on the material of Russian, English and Irish literary texts)] (Doctoral dissertation). Tyumen. (In Russ.)
- Chernigovskaya, T.V., & Deglin, V.L. (1986). Metaforicheskoe i sillogisticheskoe myshlenie kak proyavlenie funktsional'noi asimmetrii mozga [Metaphorical and syllogistic thinking as a manifestation of functional asymmetry of the brain]. *Uchjonye zapiski Tartuskogo universiteta: trudy po znakovym sistemam* [Scientific notes of the University of Tartu: works on sign systems], 19, 68—84. (In Russ.)
- Chudinov, A.P. (2001). *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2000)* [Russia in the metaphorical mirror: cognitive study of political metaphor (1991—2000)]. Yekaterinburg: USU Publ. (In Russ.)
- Freidenberg, O.M. (1998). *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. Moscow: “Vostochnaya literatura” of the RAS Publ. (In Russ.)
- Fridrikh, S.A. (1971). *Metafora v sisteme tropov (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka)* [Metaphor in the system of tropes (on the material of modern English language)] (Author's abstr. Cand. Philol. Diss.). Kalinin. (In Russ.)
- Grigor'ev, V.P. (1979). *Poetika slova: na materiale russkoi sovetskoi poezii* [Poetics of the word: on the material of Russian soviet poetry]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Ivanyuk, B.P. (1998). *Metafora i proizvedenie (strukturno-tipologicheskii, istoriko-tipologicheskii i pragmaticheskii aspekty issledovaniya)* [Metaphor and the piece of writing (structural and typological, historical and typological, pragmatic aspects of study)]. Chernivtsi: Ruta Publ. (In Russ.)
- Khakhalova, S.A. (1997). *Kategoriya metaforichnosti: formy, sredstva vyrazheniya, funktsii* [Metaphorical category: forms, means of expression, functions] (Doctoral dissertation). Irkutsk. (In Russ.)
- Kovtunova, I.I. (1986). *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Kuliev, G.G. (1987). *Metafora i nauchnoe poznanie* [Metaphor and scientific knowledge]. Baku: Elm Publ. (In Russ.)
- Kurash, S.B. (2001). *Metafora i ejo predely: mikrokontekst — tekst — intertekst* [Metaphor and its limits: microcontext — text — intertext]. Mozyr': Mozyr State Pedagogical Institute Publ. (In Russ.)
- Lakoff D., & Dzhonson, M. (1990). Metafory, kotorymi my zhivem [The metaphors we live by]. *Teoriya metafory: sbornik statei* [Theory of metaphor: collection of papers], 387—415. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Laguta, O.N. (2003). *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty*. [Metaphorology: theoretical aspects]. Novosibirsk: NSU Publ. (In Russ.)

- Lomonosov, M.V. (1952). *Polnoe sobranie sochinenii. V 11 t. T. 7. Trudy po filologii, 1739—1758 gg.* [Complete collection of works. In 11 vols. Vol. 7. Works on Philology, 1739—1758]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1964). Lektsii po struktural'noi poetike. I. Vvedenie, teoriya stikha [Lectures on structural poetics. I. Introduction, theory of verse]. *Trudy po znakovym sistemam, I. Vypusk 160.* [Works on sign systems. I. Issue 160]. Tartu: TSU Publ. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1992). *Izbrannye stat'i. V 3 t. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles. In 3 vols. Vol. 1. Articles on semiotics and typology of culture], 25—34. Tallinn: Aleksandra Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie* [Cultural linguistics: manual]. Moscow: Academiya Publ.
- Maslova, V.A. (1996). Priroda glazami russkikh i belorusov [Nature through the eyes of the Russians and Belarusians]. *Vesnik Vitebskago dzyarzhaynaga universiteta* [Bulletin of Vitebsk State University], (1), 71—75. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018). Osnovnye tendentsii i printsipy sovremennoi lingvistiki [The main trends and principles of modern linguistics]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching], 16(2), 172—190. (In Russ.)
- Murzin, L.N. (1972). Obrazovanie metafor i metonimii kak rezul'tat derivatsii predlozheniya (k postanovke voprosa) [The formation of metaphors and metonyms as a result of sentence derivation (to the formulation of the question)]. *Aktual'nye problemy leksikologii i leksikografii: sbornik statei* [Actual problems of lexicology and lexicography: collection of papers]. Perm: PSU Publ. (In Russ.)
- Nekrasova, E.A. (1975). Metafora i ee okruzhenie v khudozhestvennoi rechi [Metaphor and its context in artistic speech]. *Slovo v russkoi sovetskoi poezii: sbornik statei* [Word in Russian soviet poetry: collection of papers]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Ogan'yan, A.M. (2006). *Metafora kak osnovnoi trop poeticheskoi rechi: na materiale angloyazychnoi poezii XX veka* [Metaphor as the main trope in poetic speech: on the material of English poetry of the XX century] (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russ.)
- Pishchal'nikova, V.A. (1992). *Problema smysla khudozhestvennogo teksta: psikholingvisticheskii aspekt* [The problem of the meaning of an artistic text: psycholinguistic aspect]. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ. (In Russ.)
- Potebnaya, A.A. (1990). *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. Moscow: Vysheishaya shkola Publ. (In Russ.)
- Richards, A.A. (1990). Filosofiya ritoriki [Philosophy of rhetoric]. *Teoriya metafory: sbornik statei* [Theory of metaphor: collection of papers]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Ryn'kov, L.N. (1975). *Imennye metaforicheskie slovosochetaniya v yazyke khudozhestvennoi literatury XIX v. (poslepushkinskii period)* [Metaphorical nominative phrases in the language of fiction of the XIX century (post-Pushkin period)]. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe Publ. (In Russ.)
- Shatunovskii, I.B. (1976). Sposoby povysheniya informativnosti v khudozhestvennom tekste (metafora i informatsiya) [Ways of increasing informational content in an artistic text (metaphor and information)]. *Voprosy russkogo i obshhego jazykoznanija: sbornik nauchnykh trudov* [Questions of Russian and general linguistics: collection of papers], (519), 62—70. Tashkent: TSU Publ. (In Russ.)
- Simashko, T.V., & Litvinova, M.N. (1993). *Kak obrazuetsya metafora (derivatsionnyi spekt)* [How is the metaphor formed (derivational aspect)]. Perm: PSU Publ. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (1990). Nominatsiya [Nomination]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

- Tolochin, I.V. (1996). *Metafora i intertekst v angliiskoi poezii* [*Metaphor and intertext in English poetry*]. Saint Petersburg: SPU Publ. (In Russ.)
- Vardzeshvili, Zh. (2000). *Metaforicheskaya kartina mira v russkom yazyke* [*Metaphorical picture of the world in Russian*] (Author's abstr. Cand. Philol. Diss.). Tbilisi. (In Russ.)
- Veselovskii, A.N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [*Historical poetics*]. Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russ.)
- Yakobson, R.O. (1990). Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narushenii [Two aspects of language and two types of aphatic disorders]. *Teoriya metafor: sbornik statei* [*Theory of metaphor: collection of papers*]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Yakobson, R.O. (1975). Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: "za" i "protiv": sbornik statei* [*Structuralism: "pros" and "cons": collection of papers*]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 10.10.2018

Accepted: 25.12.2018

For citation:

Kurash S.B. (2019). The phenomenon of metaphor in Russian language studies: from the past to the future. *Russian Language Studies*, 17(2), 171–183. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-171-183

Bio Note:

Sergei Bonifatievich Kurash, Candidate of Philology, Associate Professor of the Belarusian and Russian Philology Department, Head of the Scientific and Methodological Center of Russian Studies in Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin (Mozyr, Republic of Belarus). *Sphere of scientific interests*: linguometaphorology, text linguistics, ethnolinguistics, cognitive linguistics, applied linguistics. Author and co-author of over 230 scientific publications, including 3 monographs. *Contact information*: text2005@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197

УДК 811.161.

Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект

В.А. Маслова

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

Интерес к глубинному — важная характеристика всех гуманитарных наук, начиная со второй половины XX века и до наших дней. В рамках исследования внимание обращено только на две современные отрасли лингвистики — когнитивную лингвистику и лингвокультурологию.

Цель статьи состоит в демонстрации того, что выделение категорий языка — это сложный и многогранный процесс, в котором совмещается ряд сущностей, т.к. в основе любой категории лежат, с одной стороны, общие концептуальные основания для объединения объектов, с другой стороны, сами объекты должны иметь общие свойства, с третьей, нужно установить правила их выделения в особый класс.

Выдвинуто предположение, что проблема «язык и культура» может объединить достижения почти всех наук, изучающих человека. Но каждая из этих наук должна впитать в себя знания, полученные в смежных науках. Соответственно, современная лингвокультурология должна исследовать взаимосвязи и взаимовлияния не только языка и культуры, но и языковой личности, ее сознания, мышления и языка.

В статье на примерах концептов, ценностей, примет, фразеологизмов показана роль языка в концептуализации и категоризации мира. Предпринята попытка установить причины объективного и субъективного характера, ведущие к формированию национальной картины мира. Одним из таких факторов является метафора, в которой наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия.

Ключевые слова: русский язык, классификация, категоризация, концептуализация, когнитивная лингвистика, лингвокультурология

Введение

Разные формы общественного сознания (наука, религия, философия, искусство и др.) не только обслуживаются языком, но и создаются с его помощью. В каждой из форм язык предстает разными своими гранями, ибо он гибок и многогранен. При этом он плохо управляется человеком, которому так и не удалось его загнать в определенные рамки. Не случайно В.А. Звегинцев отмечал: «Даже

© Маслова В.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

тогда, когда язык как будто удается подчинить жестким правилам формального устава, язык в действительности ускользает от своего укротителя, оставляя в его руках лишь внешнюю оболочку, структуру. Главный же свой секрет он прячет в подоснову, в далекие глубины, подвергнуть которые формальной процедуре так же трудно, как и мыслительные процессы...» (Звегинцев, 1996: 301).

Отсюда следует, что язык силен своей глубиной, глубинными механизмами, которые почти не исследованы на сегодняшний день, хотя примеров, подтверждающих наличие таких механизмов множество: *брать горлом* (добиваться чего-либо криком), *брать грудью* (побеждать сильным напором), *брать за душу* (волновать). Выделенные фразеологизмы (напомним, что фразеологизмы — душа любого языка) на уровне поверхностного смысла должны быть сходны, т.к. общим для них является стержневой глагол *брать*. Однако глубинные смыслы, которые формируются при участии культуры, создают возможность для репрезентации разных сфер деятельности человека — физических действий (*брать грудью*), эмоциональных состояний (*брать за душу*) и т.д. Становится понятным, что современная лингвистика должна интересоваться именно механизмами создания глубинных смыслов, но без использования данных других областей знаний ей это не под силу.

Возможность проникнуть в тайны глубинного познания мира стали видеть в объединении научного, философского, художественного и религиозного знаний. Целью такого синтеза стало получение целостного видения человека в мире и Вселенной. Примером такого подхода могут служить последние работы академика Ю.С. Степанова: «Концепты. Тонкая пленка цивилизации» (2007), «Мыслящий тростник» (2010), «Протей. Очерки хаотической эволюции» (2004) и др.

Цель

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как категоризация и концептуализация отразились на развитии лингвокультурологии, и доказать, что существующие категории оформились в результате сложных процессов, т.к. в самих категориях совмещается ряд сущностей, которые лежат в основе любой категории: с одной стороны, общие концептуальные основания для объединения объектов, с другой стороны, сами объекты должны иметь общие свойства, с третьей, нужно установить правила их выделения в особый класс.

Методы и материал

В качестве методов использовались лингвокультурологический анализ текста, неструктурированное наблюдение, комментирование.

Материалом для исследования стали региональные приметы, культурные концепты и метафоры.

Результаты

Именно язык помогает нам хоть что-нибудь понять в ментальности, которая загадочна и имплицитна по своей сути. Язык определяет не только наши мысли,

но и способ видения мира, особенности его членения носителями определенной культуры, т.е. языковую картину мира. Думается, что два направления современной лингвистики — лингвокультурологическое и когнитивное — позволяют решить ряд вопросов, связанных с человеком, его познавательными процессами и культурой. Например, проблемы, касающиеся языкового сознания, понимания и др. С учетом этой позиции стали меняться и сами исходные науки. Учеными выдвинуто предположение, что проблема «язык и культура» может объединить достижения почти всех наук, изучающих человека, — от биологии и медицины до аналитической философии и нейронаук. Но каждая из этих наук должна впитать в себя знания, полученные в смежных науках.

Соответственно, современная лингвокультурология должна исследовать взаимосвязи и взаимовлияния не только языка и культуры, но и языковой личности, ее сознания, мышления и языка. Языковая личность и языковое сознание оказались одновременно и субъектом, и объектом лингвокультурного исследования.

Уровень языкового влияния определяется не только спецификой языка (смыслом, ритмом, звукописью), но и характеристиками личности, пытающейся воздействовать на окружающий мир и другого человека словом (поэта, преподавателя, политика, врача). Биологами были проведены эксперименты, в которых с помощью конкретных измерений достаточно точно установлено влияние слова, произнесенного добрым и умным человеком, от которых семена, зараженные радиацией, выздоравливали. Если же текст произносился злым человеком либо безразличным, не способным к сопереживанию, семена погибали. В данном случае подтверждается мысль Н.А. Бердяева о тайне, которая углубляется познанием.

Проблемы взаимосвязи языкового сознания и механизмов мозга чрезвычайно важны, потому что «мы видим и познаем мир так, как это позволяет наш мозг: мир для нас таков, каким мы способны его воспринять и описать. Язык — особая видоспецифическая способность мозга» (Черниговская, 2016: 13). Язык «принципиально не настроен на жесткость значений и формулировок, и это может быть объяснено только запросами самого когнитивного ментального пространства, если не сказать — самого мира» (Черниговская, 2016: 15). Об этом также пишут Т. Нагель, Ж.И. Резникова и многие другие. Они отмечают, что это междисциплинарная (интегративная) проблема, решение которой возможно только совместными усилиями представителей ряда наук.

Под влиянием новых знаний изменилась не только лингвокультурология, но и когнитивная лингвистика, в которой ранее языковое знание понималось как довольно самостоятельный модуль ментальности человека. Теперь в сознании обнаруживается много непонятного и необъяснимого с позиции когнитологии.

Современные лингвисты отмечают важность «категориального формата, который является ведущим в организации языка» (Болдырев, 2009: 77). Отсюда следует, что категория — важнейшее понятие в лингвистике (особенно в грамматике). «Это одно из ключевых понятий и в когнитивной лингвистике» (Болдырев, 2009: 78), а также лингвокультурологии, в которой основной категорией является культурный концепт.

Категоризацию следует отличать от концептуализации, которая является важнейшим понятием когнитивистики и для которой немаловажными становятся

семантические категории. Именно их, по нашему мнению, нужно рассматривать в едином концептуальном и культурном пространстве. Однако встает вопрос об их дифференциации между собой и процессах классификации.

Обсуждение

Попытаемся разобраться с понятием категории. Известно, что учение о категории принадлежит Аристотелю, под которой он понимал результат процесса классификации явлений действительности. Термин и понятие «категория» широко используются в философии, где являются ключевыми понятиями в постижении познавательной деятельности человека.

Категория — общенаучное понятие, отражающее наиболее существенные свойства и отношения предметов, явлений объективного мира. Так, категориями являются материя, время, пространство, каузальность, качество, количество и т.д. В лингвистике категория — «любая группа языковых элементов, выделяемая на основе какого-либо общего свойства; ... некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов...» (Лингвистический..., 1990: 215). Из этой цитаты следует, что для выделения категории в лингвистике важно понятие класса.

В лингвистике термин «категория» используется в двух видах:

- 1) более общие философские категории пространства, формы, времени и др.;
- 2) частные лингвистические категории существительного, прилагательного, числа, рода и т.д.

Однако с развитием когнитивной лингвистики появилась возможность посмотреть на категории языка сквозь призму чувственного опыта человека: «мы склонны смотреть на язык как на простую технику выражения, не трудясь объяснить себе, что язык — это прежде всего классификация и упорядочивание потока чувственного опыта, которое ведет к упорядочиванию данного мира» (Де Мауро, 2000: 162—164).

Следовательно, особенности языковых категорий обусловлены осмыслением различного человеческого опыта, зафиксированного в языке. В основе опыта лежат типы языковых знаний, ибо мы воспринимаем в мире то, что позволяет нам видеть наш язык. Наш язык содержит:

- 1) знание о предметах и событиях, зафиксированное в слове;
- 2) знание языка как совокупности грамматических категорий;
- 3) знание языка с позиций внутреннего концептуального содержания, которые репрезентируют особенности человеческого миропонимания.

Как считает Н. Болдырев, категоризацию нужно изучать с позиций когнитивной лингвистики. Этому посвящена его работа «Концептуальная основа языка» (Болдырев, 2009: 25—77), в которой категоризация исследуется когнитивными и дискурсивными методами.

Итак, категоризация — это включение сущностей объективного мира в определенную рубрику, т.е. это способность классифицировать явления и распределять их по рубрикам. Сама классификация предполагает выявление системы сопод-

чиненных понятий (сущностей), в соответствии с которыми можно их объединять в классы. Причем, объединяются сейчас в одну рубрику члены с неравным статусом, с не полностью повторяющимися признаками. Л. Витгенштейн назвал это «фамильным сходством», при котором обнаруживается чаще всего один общий признак (Витгенштейн, 1994). Если продолжить эту метафору ученого, то один сын больше похож на отца внешностью, другой характером, третий поведением и т.д. Так и в языке: в одну рубрику «ягоды» объединяются не только вишня, земляника, смородина, но и арбузы.

Вероятно, эта способность к категоризации — врожденная, о чем говорят эксперименты: маленькие дети, не зная наименований, почти безошибочно раскладывали фрукты и овощи по разным кучкам. На основе этой идеи А. Вежибцкой и Дж. Лакоффом была создана прототипическая семантика.

Естественный язык является одним «из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации» (Телия, 2005: 9). Отсюда все возрастающее стремление лингвистов к выделению абстрактных глобальных явлений: концепция местоимений Н.Ю. Шведовой, семантика как система категорий в функциональной грамматике А.В. Бондарко, прецедентные тексты Ю.Н. Караулова (Караулов, 2003). Это и есть тенденция к высокой степени абстракции знаний с помощью категоризации, благодаря которой мы получаем способ экономного отражения реальности в языке. Как известно, принцип экономии — это общая черта всех видов деятельности человека, в том числе и речевой.

В последнее десятилетие лингвистика (как и все гуманитарные науки) начинает проявлять интерес к глубинному знанию. Познавательные структуры личности «уходят неопределенно глубоко в недра... психики, затрагивая миф, религию, искусство и другие явления, но они могут быть реконструированы по данным образных систем (внешне проявляющихся в виде символов) человеческой психики с выходом на концептуальные построения языка» (Берестнев, 2017: 38).

Еще в середине прошлого века Л. Витгенштейн писал о том, что существует особая содержательная область, которая не может быть понята иначе, чем через образ, который открывается человеку неожиданно и без видимых усилий с его стороны. Он утверждал: «В самом деле, существует Невысказываемое... Это мистическое» (Витгенштейн, 1994: 72). Т.В. Черниговская, известный современный лингвист и нейробиолог, также полагает, что «язык включает в себя, кроме алгоритмов научения, и невычисляемые пласты» (Черниговская, 2016: 64).

Наиболее активными репрезентантами глубинного служат сны, пророчества, приметы. Хорошим объектом исследования является поэзия, сквозь которую также мерцают глубинные смыслы.

Названные сущности имеют разную онтологию, разные способы представления в языке. Так, *сны*, рожденные в глубинах подсознания, предстают в виде зыбких образов, которые диффузны, ирреальны. Человек постигает из этого миража фантастические образы, которые затем преломляются сквозь сознание и накладываются на реальный мир. Они завораживают, но с трудом вербализуются. Образы быстро сменяются, казалось бы, без особой логики и причины. На самом деле причиной может быть опыт, пережитый субъектом в реальности, его состояние здоровья; есть сны — предупреждения об опасности; сны — тренировки орга-

низма, если, например, человек с некоторым постоянством видит во сне авиакатастрофы, то такой сон позволит ему не умереть в первые секунды реальной катастрофы от страха. Не случайно И.П. Павлов считал, что сон — это *небывалые комбинации бывалых впечатлений*. Из этих небывалых комбинаций рождаются предсказания.

Пророчества — репрезентируются естественным языком, который у отдельных личностей носит туманный и загадочный характер, часто требующий дешифровки (например, пророчества Ванги). В пророчествах допускаются многие трансформации языка: много условного, символического, смешиваются и меняются отношения говорящего к высказываемому.

Примета — это подтвержденные многократными совпадениями и передаваемые из поколения в поколение предсказания событий. Они основаны на каузации поступков и явлений (*Рассыпать соль — к скорю*). Периодически ученые подтверждают их пророческую точность. Суеверия — это те же приметы, но реже подтверждающиеся. С одной стороны, приметы обобщают жизненный опыт: *Красный закат — завтра будет хороший день*. С другой, передают мистический опыт древности: *Присесть на дорожку; Посуда бьется — к счастью; Разбить зеркало — к несчастью*.

В Витебском ареале (Белоруссия) мы насчитали более 1000 примет, около половины из них — суеверные. В приметах проявляется склонность человека к образному мышлению: *Упал нож — придет мужчина*. У примет самые разные функции, например, утешение: *Не везет в игре — повезет в любви*; предупреждение: *Дарить колющие приметы — к скорю*. *Портсигары — к смерти*; регулирование поведения в обществе: нельзя здороваться за руку через порог; нельзя посадить гостя на угол стола — *семь лет не женится* и др., а также запугивание, подбадривание, устрашение, обнадеживание и т.д.

Приметы национальны. У русских сидеть на углу — семь лет не выйти замуж, у немцев — получить злую свекровь/тещу. Надеть рубашку наизнанку — у русских — быть битым, у немцев — неуязвимым. Четное количество цветов несут умершему, а в Европе количество цветов не имеет значения.

В основе примет были исконные сакральные мотивировки и объяснения, современные же объяснения вторичны и, возможно, ошибочны: *Соль рассыпать — к скорю*: соль — символ вечности, постоянства. Она была дорога, а потому ее рассыпание — урон.

Плохая примета — встать с левой ноги. Нельзя креститься и здороваться левой рукой, потому что левая — от дьявола. Хорошая: Не узнал знакомого — быть ему богатым! Икнул — кто-то вспоминает.

Структуру примет образуют базовые семантические оппозиции: левый — правый, горячий — холодный, свой — чужой, мужской — женский: чешется левый глаз — к радости; чешется левая рука — к получению денег; споткнуться на левую ногу — к удаче; чешется правая рука — здороваться; удача ждет человека, оказавшегося за столом между двумя мужчинами с одинаковыми именами; встретить женщину с пустым ведром — к несчастью и др.

Еще один путь к глубинному знанию — особое внимание к семантическим процессам, к тому, как ложатся на семантику языка наши знания о мире. В. Гум-

больдтом язык трактовался глубинно-онтологически и интерпретировался как всеобъемлющая и всепроникающая духовная активность человека. Перефразируя известное высказывание Ю.М. Лотмана о семиотике, мы можем сказать: человек — это семантическое существо, живущее в мире значений и смыслов, репрезентирующих реальность. Однако здесь следует иметь в виду, что это не та традиционная семантика, а ее глубинные процессы, не лежащие на поверхности, т.к. языковая и культурная семантика во многих единицах языка тесно переплетается. Рассмотрим для примера фразеологизм *спать и видеть* в значении «очень сильно хотеть». Имплицитная культурная информация: сон связан с реальностью, поэтому у ряда народов есть ритуальные практики через сон изменять реальность. Отсюда следует, что сквозь фразеологизм *спать и видеть* просматривается следующий глубинный смысл: сон — это состояние полуреальности, которое помогает не только ее понять и предвидеть, но и приблизить (или, напротив, отдалить) и даже предсказать: *Смеяться во сне — к болезни* и т.п.

Еще пример. Всем известен библейский стих о том, что «во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1:18). При поверхностном его истолковании имеются в виду люди, которые учатся для того, чтобы зарабатывать много денег, добиться определенного положения в обществе. Но здесь есть и иное, глубинное прочтение, т.к. есть другие люди, которые учатся для своего удовольствия и видят в учебе смысл жизни. Для них познание — это один из путей обретения смысла в жизни. Приведенный библейский стих — не про них и не для них.

Глубинные знания являют себя, во-первых, в «симфонии голосов прошлого»: они прорываются сквозь слово, которое значит больше, чем нам кажется на первый взгляд, т.е., помимо значения, они несут в себе культурную информацию, рождающую подчас необычную коннотацию: *выносить сор из избы*. Понять смысл данного фразеологизма помогает знание культуры, которое позволяет объяснить, почему позитивное действие — избавление от мусора — имеет негативную коннотацию: выносить сор из избы — это плохо. Потому что, по древнему поверью славян, вынося мусор из дома, мы ослабляем свое пространство, семью, делаем их более уязвимыми для темных сил. До сих пор мы все помним наказания наших бабушек не выносить мусор вечером.

Примером глубинных знаний может быть скрытая в слове позиция наблюдателя (глубокий колодец — наблюдатель смотрит сверху, но высокий колодец, если он смотрит с его дна). Часто в слове имплицитно содержится качество называемого объекта, его характеристика, что можно эксплицировать как запрет на сочетаемость типа: палач пьет чай, великий артист храпит. Этот список можно продолжить.

Глубинные знания тесно связаны с типом категоризации в лингвокультуре. Тип категоризации определяется несколькими когнитивными моделями: пропозициональной, образом-схемой, метафорической и метонимической.

Посмотрим только на одну — метафорическую. Когнитивная функция является основной функцией метафорической модели. Философ Хосе Ортега-и-Гассет, говоря о гносеологической функции метафоры, подчеркивал: «Метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отда-

ленных участков нашего концептуального поля. <...> Метафора удлиняет “руку” интеллекта» (Ортега-и-Гассет, 1990: 68). Дар улавливать общее в том, что, на первый взгляд, не кажется похожим, считается врожденной способностью человека. Умение создавать метафоры относят к фундаментальным свойствам человеческого сознания. Метафора, используемая как инструмент познания окружающего мира, помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о природе и себе, позволяет ему создать определенную модель мира. Метафорическое видение мира современные психологи склонны связывать с генезисом человека. Некоторые лингвисты даже утверждают, что весь наш язык — это кладбище метафор.

Метафора многолика. С одной стороны, она выполняет креативную функцию, фиксируя в языке открытия мира: семантическое поле, лингвистическая «роза ветров», фразеологическое пространство, семантическое русло. С другой — она украшение языка: горький яд сарказма, листья человеческого дерева. С третьей — способствует созданию шизофренического языка: общество ограниченной ответственности, круглый отличник, группа продленного дня, утечка мозгов.

Таким образом, метафора является одним из основных способов вербализованного мышления о мире. К метафоре мы прибегаем всякий раз, когда наши языковые ресурсы на исходе, а нужно назвать новое явление. Такая нетривиальная ситуация тренирует нашу нейронную сеть мозга, причем не только создателя метафоры, но и того, кто позднее с ней сталкивается.

Нас интересует не столько когнитивная, сколько культурная метафора, которую мы понимаем как призму, сквозь которую видит мир носитель конкретного языка и культуры. Термин ввел американский психолог Мартин Гэннон в середине 2000-х годов. Культурная метафора — это то, что знают все носители данной лингвокультуры и используют в коммуникации: не отходя от кассы, дядя Сэм, русский медведь, шиш в кармане и др. Причем, они функционируют с разными смыслами в различных ситуациях: шиш в кармане — это и отсутствие денег, и безразличие (чаще встречается в форме фи́га в кармане).

Метафоры опираются на наш практический опыт (Лакофф, Джонсон, 1990). Так, внешность человека характеризуют следующие метафоры: вобла — о худой женщине; кочерыжка — о старом человеке; бочка — о полном человеке; колода — о толстом и неповоротливом человеке; матрешка — о ярко накрашенной и пестро одетой женщине; мешок, медведь — о неуклюжем человеке; швабра — о растрепанной женщине; елка — о чересчур увешанной драгоценностями женщине, шибздик — о юноше невысокого роста и др.

Рассмотрим универсальные пространственные метафоры, т.к. чувство пространства чрезвычайно важно для человека вообще. Поэтому, на первый взгляд, кажется, что они универсальны для всех народов. Но даже они имеют культурный аспект. В каждой лингвокультуре пространственная метафора разрастается в целые «деревья», становясь многоликой. Так, метафора пути стала одной из самых востребованных в русской культуре: например, в ситуации смены пути мы говорим — перепутье, о следовании к достижению цели — жизненный путь, творческий путь, путь к Богу, истине, о наставлении в дорогу — напутствие и т.д.

Метафора пути связана с целым рядом позитивных явлений: путное дело, напутствие, но в русской культуре она представлена и негативными смыслами — путь на Голгофу, последний путь, беспутье, беспутный, непутевый, перепутье, распутица. Блуждание без пути — блуд, в языке этот смысл представлен также словом «распутник». Распутица — путь Дьявола в народном сознании.

Путь имеет моральные, этические, идейные, конфессиональные коннотации: путь к коммунизму, жизненный путь, вступить на новый путь, исторический путь страны. Путеводная звезда в Евангелии. Молитва к Богу: направь меня на путь истинный... Путеводительство занимает важное место в русской картине мира, отсюда поводырь, проводник. С метафорой пути тесно связана метафора транспорта, идущего по этому пути: государственная машина, локомотив истории.

В западноевропейских языках и даже в близкородственном белорусском более активна метафора дороги, нежели пути. Имеющийся в белорусском языке эквивалент пути — слово «шлях», не обросло сонмом символов и метафор.

Русский путь не предполагает движения вверх, как в европейских культурах (отсюда у них готические храмы), в русский рай можно прийти, а по пути человека могут ждать не только опасности, но и собственное перерождение, меняющее его в лучшую сторону: Б. Пастернак в «Докторе Живаго» показывает, пространственные перемещения ведут к преображению героя. Отсюда чисто русская установка — не сужать, а расширять «свое» пространство: не свет клином сошелся, найдешь свой путь.

Итак, метафора — это форма организации человеческого опыта, метафоры не столько украшают нашу речь (тексты), как формируют новые мыслительные схемы и категории, являются своего рода «мотором» познания, типом образа мира. В.Г. Гак утверждал, что метафоры используются в нашей речи не потому, что с ними красивее, а потому, что без них нельзя (Гак, 1998: 481).

Метафора играет важную роль и в процессах концептуализации мира. Далее рассмотрим еще один вид пространственной метафоры — дерево — и покажем его роль в концептуализации мира. Фактически, категоризация и концептуализация — это классификационная деятельность человека, но с разными результатами и целями: «концептуализация направлена на выделение минимальных единиц человеческого опыта, категоризация имеет целью объединение единиц, проявляющих хотя бы частичное сходство, в более крупные разряды» (Лингвистический..., 1990: 215—216).

Особо следует сказать о концепте — минимальной единице знания. Именно концептуализацию большинство когнитологов считают ключевым понятием когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Е. Кубрякова, Н. Болдырев и др.).

Ключевым оно является и для лингвокультурологии (В. Карасик, М. Ковшова, В. Красных, В. Маслова и др.). В ней активно развивается понятие концептосферы культуры, которая понимается как «сложнейшее системное образование, которое создается из концептуально оформленной ценностной информации...» (Ковшова, Гудков, 2017: 48). По совокупности ключевых концептов и отношениям между ними можно определять тип культуры.

Кратко остановимся на концепте «дерево». Метафора мирового дерева в разных народах предстает в разных образах: для финна, вероятно, это сосна, для

немца — дуб, который был главным священным деревом еще у древних германцев, для русского — береза. Славяне жили в основном в лесах и потому относились к деревьям с особым почтением: до сих пор береза, дуб, ель, яблоня, груша, вишня у славян — это символы доброго начала; калина, рябина, осина — символы несчастья. В основе этих представлений лежит архетип дерева-тотема.

Дерево может стать способом организации человеческого опыта, категоризации мира на уровне вторичной номинации: древо познания, древо жизни, генеалогическое древо, языковое древо, мировое древо и т.д. Это фундаментальный культурный смысл, представляющий вертикальную модель мира, символ гармонии и упорядоченности мира. Через концепт дерева показана организация нашего мышления и культуры в ведущем понятии философии XX века — ризоме Ж. Делеза, которая, являясь типом нелинейной системной организации, предполагает организацию целостности с осевой ориентацией по типу культурной метафоры корня.

Следовательно, концепт дерева может выступать в качестве универсальной концептуальной модели, позволяющей организовать и структурировать окружающее человека пространство. А если посмотреть на проблему шире, то сам человек — микрокосм, объединяющий в себе все элементы вселенной. Человек и Космос едины и повторяют друг друга: голова — это небо, глаза — солнце, волосы — деревья и т.д.

Таким образом, мировидение разных народов различно: одни и те же концепты, являясь будто бы универсальными, по-разному осмысляют сущность и мир в целом.

Если взять базовые национальные концепты, то конфигурация и удельный вес их в каждой культуре различен, они по-разному связаны между собой, меняются на протяжении времени. Так, базовыми для русской культуры в начале 2000-х годов были — быт, воля, дружба, душа, сердце, закон, здоровье, свобода, тоска, язык (Антология..., 2007); в 2010 — жизнь, смерть, небо, горе, радость, знание, ум, лень, обман, молитва (Бабенко, 2010). Для белорусов — родина, народ, язык, воля, семья, доля (лёс), любовь (каханне), счастье (Півавар, 2015).

Как известно, различия между двумя любыми культурами практически бесчисленны, отсюда возникают вопросы: какие именно языковленные фрагменты культуры нужно сравнивать, чтобы выявить специфику данной культуры? Как язык отражает и задает параметры культуры? Однозначных ответов на них пока нет. Широкое распространение получила типология, авторами которой являются Ф. Клакхон и Ф. Стродтбек. Они выделили пять ценностных измерений, выражающих отношение представителей той или иной культуры к ключевым ценностям: 1) отношение к природе; 2) отношение ко времени; 3) модальность человеческой активности; 4) модальность межчеловеческих отношений; 5) представление о внутренней природе человека (Kluckhohn, Strodtbeck, 1961).

Как видим, первый пункт предполагает обращение к природе. Проблема взаимоотношения природы и человека в ней — важнейший параметр при сопоставлении культур. Русское мироощущение ближе к «духам природы», оно не сковано цивилизацией, более свободно в выборе средств и способов своего вы-

ражения. У французов, например, природное начало слабее, т.к. они имеют более древнюю культуру. Поэтому многочисленные исследования зоонимов, фитонимов в разных аспектах, которые, казалось бы, безнадежно устарели, позволяют посмотреть на них с иной стороны — с позиций процесса концептуализации культуры.

Заключение

К пониманию необходимости развивать интегративные области знания привело целостное видение человека, которого невозможно понять без языка, а познание языка будет неполным без учета когнитивных категорий и категорий культуры.

Выяснилось, что каждый национальный язык немного по-своему видит мир, по-своему членит его, то есть имеет свой способ его концептуализации. Метафора, будучи двойным преломлением (воспроизведение мира с помощью созерцания и мышления, которое затем фиксируется в языке), дает неточное отражение мира (эффект кривого зеркала), но она необходима языку и человеку как ключ к концептуализации мира и пониманию мировидения народа. Метафора фиксирует в себе накопленный тысячелетиями народный опыт. Аналогичную функцию выполняют и ключевые концепты культуры.

Понять то, как именно человек воспринимает и закрепляет в языковых концептах мир, как из них формирует языковую картину мира — актуальнейшие проблемы современного языкознания. Решению названных проблем способствует новая теория категоризации, активно исследуемая в настоящее время когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией. Лингвокультурология уже сегодня готова дать список важнейших (ключевых) концептов русской лингвокультуры, составляющих концептосферу русского человека, его образ мира.

Список литературы

- Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.
- Бабенко Л.Г.* Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Екатеринбург, 2010. 387 с.
- Берестнев Г.И.* Синхронистичность как объект когнитивной лингвистики // *Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX—XXI веков*. Липецк, 2017. С. 7—25.
- Болдырев Н.Н.* Концептуальная основа языка // *Когнитивные исследования языка*. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009. С. 4—24.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Философские работы*. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
- Гак В.Г.* Метафора: универсальное и специфическое // *Языковое преобразование*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
- Звегинцев В.А.* Мысли о лингвистике. М.: МГУ, 1996. 335 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 2003. 263 с.
- Ковшова М., Гудков Д.* Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. 200 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. Теория метафоры / пер. Н.В. Перцова. М.: Прогресс, 1990. С. 387—415.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. 683 с.

Де Мауро Т. Введение в семантику. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 240 с.

Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры. М., 1990. 512 с.

Пивавар К. Беларуская ментальнасць у моунай прасторы мастацкага тэксту. Віцебск: ВГУ, 2015. 287 с.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4—42.

Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2016. 448 с.

Gluckhohn F.R., Strodtbeck F.L. Variations in value orientations. Evanston, Illinois: Row, Peterson, 1961. 321 p.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 16.09.2018

Дата принятия к печати: 25.11.2018

Для цитирования:

Маслова В.А. Роль русского языка в концептуализации мира: лингвокультурный аспект // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 184—197. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197

Сведения об авторе:

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов:* лингвокультурология, когнитивная лингвистика. *Контактная информация:* mvavit@tut.by

Scientific article

The role of a language in the world's conceptualization: the aspect of cultural linguistics

Valentina A. Maslova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskiy Prospekt, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The transition from actual knowledge to the deep one is an important characteristic of all modern humanities, including cognitive linguistics and cultural linguistics. Study of deep knowledge is urgent now. The purpose of the article is to show that the allocation of language categories is a complex integrative process, since the category itself includes both general conceptual bases for combining objects having common essential properties, and knowledge of the rules and mechanisms of such combination.

The author concluded that the concept of “language and culture” converge the interests of all sciences that study human beings. Therefore, modern cultural linguistics should explore not only the interaction of language and culture, but also the relationship and interconnections of language and personality, its consciousness and thinking.

The article shows certain examples of language meaning in world conceptualization and categorization. It attempts to establish objective and subjective factors shaping the national world picture. One of these factors is the metaphor, which clearly reflects the national specificity of the world perception.

Keywords: the Russian language, classification, categorization, conceptualization, cognitive linguistics, cultural linguistics

References

- Babenco, L.G. (2010). *Kontseptosfera russkogo yazyka: klyuchevye kontsepty i ikh reprezentatsii (na materiale leksiki, frazeologii i paremiologii)* [The conceptual sphere of the Russian language: key concepts and their representations (on the material of lexis, phraseology and paremiology)]. Ekaterinburg. (In Russ.)
- Berestnev, G.I. (2017). Sinkhronistichnost' kak ob'ekt kognitivnoi lingvistiki [Synchronicity as an object of cognitive linguistics]. *Dukhovnost' i mental'nost': ekologiya yazyka i kul'tury na rubezhe XX—XXI vekov* [Spirituality and mentality: the ecology of language and culture at the turn of the XX—XXI centuries]. Lipetsk. (In Russ.)
- Boldyrev, N.N. (2009). Kontseptual'naya osnova yazyka [The conceptual basis of language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vypusk IV. Kontseptualizatsiya mira v yazyke* [Cognitive studies of language. Issue IV. Conceptualization of the world in language]. Moscow; Tambov: RAN; TGU Publ. (In Russ.)
- Chernigovskaya, T.V. (2016). *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [Schrödinger's cheshire smile: language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Gak, V.G. (1998). Metafora: universal'noe i spetsificheskoe [Metaphor: Universal and Specific]. *Yazykovo preobrazovanie* [Language Transformation]. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” Publ. (In Russ.)
- Karasik, V.I., & Sternin, I.A. (2007). *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Karaulov, Yu.N. (2003). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Kluckhohn, F.R., & Strodtbeck F.L. (1961). *Variations in value orientations*. Evanston, Illinois: Row, Peterson.
- Kovshova, M., & Gudkov, D. (2017). *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of cultural linguistic terms]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Lakoff, Dzh., & Dzhonson, M. (1990). *Metafora, kotorymi my zhivem. Teoriya metafor* [Metaphors we live by. Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- De Mauro, T. (2000). *Vvedenie v semantiku* [Introduction to semantics]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ. (In Russ.)
- Ortega y Gasset, J. (1990). *Dve glavnye metafor* [Two main metaphors]. Moscow. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (2005). O fenomene vosproizvodimosti yazykovykh vyrazhenii [About the phenomenon of reproducibility of linguistic expressions]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], 30, 4—42. Moscow: MAKS Press Publ. (In Russ.)
- Vitgenshtein, L. (1994). Logiko-filosofskii traktat [The logical and philosophical treatise]. *Filosofskie raboty* [Philosophical work]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)

- Yartseva, V.N. (1990). *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [*Linguistic Encyclopedic Dictionary*]. Moscow. (In Russ.)
- Zvegintsev, V.A. (1996). *Mysli o lingvistike* [*Thoughts on linguistics*]. Moscow: MSU Publ. (In Russ.)
- Pivavar, K. (2015). *Belaruskaya mental'nasts' u mounai prastory mastatskaga tekstu* [*Belarusian mentality in the language of an artistic text*]. Vitebsk: VGU Publ. (In Belarus.)

Article history:

Received: 16.09.2018

Accepted: 25.11.2018

For citation:

Maslova V.A. (2019). The role of a language in the world's conceptualization: the aspect of cultural linguistics. *Russian Language Studies*, 17(2), 184—197. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-184-197

Bio Note:

Valentina Avraamovna Maslova, PhD (Philology), Associate Professor of Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Republic of Belarus). *Research interests*: cultural linguistics, world's conceptualization, cognitive linguistics. *Contact information*: mvavit@tut.by

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-198-212

УДК 811.161.1'242:371.32–053.5

Русский язык — через национальные реалии и культуру

С.В. Николаенко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

В статье описывается система формирования лингвокультурологической компетенции через региональные реалии, ценности, персоналии в учреждениях общего среднего образования Республики Беларусь. В целостной лингвометодической системе обучения русскому языку и речи учащихся социокультурный аспект рассматривается в качестве содержательного компонента всех направлений изучения — языкового, речевого, коммуникативного, лингвокультуроведческого. Лингвокультурологическое направление, согласно Концепции обучения русскому языку, предполагает формирование целостных, системных знаний о языке, в которых представлены культурные ценности и способы их сохранения и передачи учащимся. Такие знания необходимы для осмысления и бытования в социальной жизни школьника общечеловеческих и национальных (для русского и белорусского народов) идеалов, традиций, обычаев, ценностей и норм, которые в условиях двух государственных языков регулируют диалог культур. Как взаимосвязанный образовательный процесс социокультурный аспект в обучении русскому/белорусскому языкам нацелен на формирование у молодого поколения знаний об особенностях социальных отношений в обществе, воспитанию таких черт личности, свойственных белорусскому обществу, как компромиссность, миролюбивость, неагрессивность, разумность и др. Этот процесс, кроме всего прочего, должен базироваться на параллельном развитии умений по соблюдению норм, регулирующих жизнь современного белорусского общества.

Ключевые слова: Беларусь, образование, русский язык, ценностное начало, гуманистические ориентиры, система заданий, кластерная технология, лингвокультурологический словарь-справочник, система социокультурного развития, региональные ценности и персоналии

Введение

Подходы и организация современного образования сегодня требуют разработки фундаментальной стратегической концепции, нацеленной на такое понимание термина «обучение», в котором бы определялась важная аксиологическая и когнитивная установка: учиться — значит, понимать происходящее в мире и уметь строить собственную жизнь. Как известно, познавательная деятельность не ограничивается сферой когнитивного. Она включает в себя эмоции и ценностное

© Николаенко С.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

начало, т.е. гуманистические ориентиры, этику. Ученик, изучающий русский язык, для получения знаний (в том числе о языке) обращается к текстам художественной литературы, культуре, образам природы, артефактам и ценностям своего народа. Однако и погружение в культуру других носителей языка также плодотворно влияет на обогащение собственной национальной культуры и национального языка (Pretceille, 1999). Помочь ученику в этом может лингвокультурология, которую мы рассматриваем как важнейшую составляющую лингводидактики.

В конце XX — начале XXI в. русскими и белорусскими учеными-лингвокультурологами (Воробьев, 1997; Ковшова, 2012; Красных, 2002; Маслова, 2004; Телия, 1996 и др.) определяются содержательные компоненты науки лингвокультурологии, а учеными-методистами (Дейкина, 2014; Новикова, 2004; Мишатица, 2011; Русецкий, 2011; Синячкин, 2010; Худенко, 2011) рассматриваются актуальные теоретические лингвокультурологические вопросы, направленные на воспитание учащихся, формирование их ценностного отношения к культурному наследию русского и белорусского народов.

У истоков формирования лингвокультурологии как стыковой науки между рядом направлений лингвистики, культурологии, литературоведения, социологии, этнолингвистики стояла В.А. Маслова¹, которая вместе с коллегами и единомышленниками В.Н. Телия, В.М. Шаклеиным, В.В. Воробьевым и другими впервые заговорила об особой области знаний — лингвокультурологии.

Витебская лингвокультурологическая школа (ВЛШ) под руководством профессора В.А. Масловой уже не одно десятилетие, помимо разработки теоретических проблем лингвокультурологии, занимается и прикладными проблемами, в частности включением в образовательный процесс школы и вуза лингво- и социокультурного аспектов. Например, разработаны учебные пособия «Лингвистический анализ текста. Экспрессивность», «Филологический анализ художественного текста», «Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой» (Маслова, 2018а; Маслова, 2018б; Маслова, 2004). В них содержатся задания, цель которых состоит в наблюдении за языковыми средствами поэтических текстов, носящих культурные коды, для усвоения способов заложенной в них культурной информации.

Цель

Цель статьи — показать возможности обучения русскому языку через региональные реалии, ценности, персоналии и т.д.

Методы и материал

При определении лингвосоциокультурного содержания обучения русскому языку через региональный компонент использовались следующие методы: лингвокультурологический анализ текста, комментирование, проектирование. Предложен эксперимент как метод выявления уровня владения культурной информацией о регионе.

¹ Автор статьи является учеником Валентины Авраамовны Масловой.

Результаты

Комплексная методика лингвокультурологического развития учащихся через региональные ценности, реалии, персоналии в процессе обучения русскому языку в 5—11 классах, включающая методику овладения учащимися 5—7 классов ценностными артефактами материальной культуры белорусского наследия, методику овладения учащимися 8—9 классов ценностями социальной культуры белорусского наследия, методику овладения учащимися 9—10 классов ценностями духовно-нравственной и художественной культуры белорусского наследия, прошла апробацию и подтвердила свою эффективность.

Комплексная экспериментальная методика, опирающаяся на кластерную технологию, структурными компонентами которой являются и другие межпредметные технологии (модульная, лексикографическая, синквейная, проектная), а также включающая совокупность методов, приемов, комплекс упражнений, направленных на формирование знаний и умений получения и освоения учащимися культурных ценностей, рекомендована к использованию в практике обучения русскому/белорусскому языкам в учреждениях общего среднего образования в Беларуси.

Обсуждение

В рамках современной лингводидактики при консультировании В.А. Масловой и Л.А. Муриной разработана лингвометодическая система социокультурного развития учащихся учреждений общего среднего образования Республики Беларусь (Николаенко, 2015б). Совместно с В.А. Масловой был подготовлен «Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины» (Маслова, Николаенко, 2011), который стал основным методическим средством формирования лингво- и социокультурной компетенции учащихся, заявленных в Концепции учебного предмета «Русский язык» в учреждениях общего среднего образования в Республике Беларусь. Кроме того, общее среднее образование имеет «культуросообразную направленность», которая закреплена в общепедагогических целях образовательного стандарта «Общее среднее образование. Основные нормативы и требования» и предполагает «формирование высокообразованной духовно-нравственной личности гражданина Республики Беларусь — носителя ценностей национальной и мировой культуры» (Концепция..., 2015: 3). Реализовать данное положение нормативного документа — значит, на наш взгляд, создать условия, позволяющие учащимся овладеть ценностями и нормами национальной культуры не только на уроках русского и белорусского языков, но и обобщенными знаниями, умениями, способами деятельности при освоении гуманитарных, естественно-научных и социокультурных учебных предметов. Включение их в практико-культурную сферу учебного процесса и других предметов позволяет говорить о региональном аспекте прикладной лингвокультурологии.

Региональный аспект, включенный в общую систему лингво- и социокультурного развития учащихся на уроках русского языка, должен быть обеспечен системой лингвометодических средств, и в частности учебно-методическими по-

собиями, предназначенными как для преподавателей, так и для учащихся. В словаре-справочнике «Культурное пространство Витебщины», являющимся средством познания культурно-ценностного белорусского регионального наследия, отражены основные аспекты культурного пространства Витебщины (уникального региона Беларуси, края художников, композиторов, писателей, общественных и государственных деятелей; особой природы и народных традиций). В словарь включены феномены, которые лучше всего репрезентируют культурное пространство региона, размещены учебные материалы для учителей и обучающихся. Эти материалы могут быть использованы на уроках русского и белорусского языков при формировании социокультурной компетенции, а также для самостоятельной работы. Предназначение словаря-справочника определено интересом к региональному витебскому компоненту с включением в него вопросов социально-бытовой жизни, истории, архитектуры, литературы, народной культуры. Это позволяет глубоко познавать свою «малую родину», овладевать знаниями о ней. Словарь необходим также иностранцам, изучающим русский язык в Республике Беларусь, так как нельзя жить в регионе и ничего не знать о его истории, экономике и культуре.

Еще одним средством, призванным исполнять роль помощника в овладении культурным наследием региона, являются дидактические материалы для учителей «Витебщина в социокультурном контексте» (Николаенко, 2015а). Цель дидактических материалов — «предоставить широкий набор средств обучения для проведения уроков русского/белорусского языка, а также расширить фоновые знания социокультурного характера через знакомство с достопримечательностями, памятниками, историей и культурой края, дать сведения об исторических и современных личностях, родившихся в нашем регионе, представить феномены духовной культуры. Это, в свою очередь, способствует воспитанию патриотизма и толерантности, что представляется особенно ценным в нашей жизни» (Николаенко, 2015а: 3).

В структуре дидактических материалов находятся следующие тематические части: прецедентные персоналии, природные объекты, материальная культура, духовное пространство Витебщины. К каждой из этих частей предлагаются методические рекомендации для учителей по применению содержательных компонентов на уроках русского/белорусского языка с целью погружения обучающихся в социокультурное пространство региона. «Все методические материалы (тематика социокультурных проектов; схема социокультурного комментирования текста; алгоритм создания социолингвистического портрета города; модель социального кластера “Беларусь. Витебщина. Витебск”; тематика продуктов для практико-ориентированного кластера; тексты о Витебске с набором заданий к отдельным из них) представлены для каждого раздела по одному образцу: 1) определены задачи для учителя по социокультурному развитию учащихся в рамках изучения данного тематического блока; 2) очерчен круг методов и приемов работы при отборе содержания материала на уроках русского (белорусского) языка при организации самостоятельной работы; 3) предложены современные лингводидактические технологии для размещения, конструирования, систематизации материала» (Николаенко, 2015а: 3).

Организации учебной деятельности школьников по вовлечению в культурное пространство региона способствуют и дидактические материалы для учителей при изучении грамматических тем «Национально-культурное на уроках русского языка» (Николаенко, 2009). В данном пособии на первое место выступает прагматический аспект лингвокультурологического содержания уроков русского языка. Такое усиление практических лингвокультурологических умений работы с художественными, публицистическими, научными текстами, в которых представлен Витебский регион, позволяет отразить не только антропологическую тенденцию современного образовательного процесса по русскому языку, но и анализировать единицы языковой системы в непосредственной связи с культурой. Кроме того, изучение языка и культуры как двух взаимообусловленных феноменов в материалах представлено анализом диахронических и синхронических особенностей развития языкового процесса и помогает глубже понять язык. Неотъемлемой частью в структуре пособия является коммуникативная составляющая, представленная не только текстами о Витебщине, но и заданиями на коммуникативно-речевое развитие школьников.

Почему учебно-методические материалы представлены так подробно? Они подготовлены после проведенного эксперимента по выявлению уровня лингво-социокультурного развития учащихся. Девятиклассникам учреждений образования Витебска было предложено дать ответы на следующие вопросы анкеты.

1. Назовите год образования Витебской области как самостоятельной административной единицы. Какую фотографию вы разместили бы там, где расположена личная фотография гражданина Республики Беларусь в «Паспорте Витебской области»?

2. Продолжите предложение «Витебская область — это регион, расположенный...».

3. Территория Витебской области насчитывает ... км. С какой страной/странами сопоставима по размеру?

4. Упоминания о первых поселениях, местечках, городах Витебщины датированы...

5. С нашим краем связано много легенд и преданий. Приведите одну из них, в которой рассказывается об упоминании городов, местечек, водных объектов (рек, озер).

6. Назовите периоды, когда территория Витебщины входила в различные государства.

7. Какие славные даты, связанные с героическими подвигами жителей Витебщины, вписаны в ее историю? Укажите имена героев — уроженцев Витебского края.

8. Многие улицы и площади названы в честь героев Великой Отечественной войны. Назовите эти славные имена. Составьте о двух—трех из них словарные статьи.

9. Встречали ли вы образ Витебска/Витебщины в художественных, музыкальных произведениях, изобразительном искусстве? Приведите примеры.

10. Вам предстоит ответить на вопрос о своих «братьях» — «Наши братья на карте мира». Итак, географическое расположение Витебщины, ее уникальность

как региона на пути из варяг в греки определили важность данного региона для развития экономических, культурных, социальных связей. Назовите регионы — партнеры нашей области и города-побратимы.

11. Назовите важные события, которые характеризуют Витебщину как культурный центр Беларуси.

12. Представьте, что вам предложили составить культурную карту Витебщины. Заполните ее, указав наиболее важные, на ваш взгляд, события/объекты, которые связаны с той или иной административной единицей (районом).

13. Витебщину считают землей талантов во всех сферах. Укажите имена и фамилии выдающихся людей Витебщины и род их деятельности.

14. Если бы молодой специалист-иностранец спросил у вас, чем привлекательна Витебщина и каковы ее перспективы, что бы вы ему ответили, как охарактеризовали свой регион с точки зрения трудоустройства, карьерного роста, образовательных и творческих перспектив?

15. На улицах наших городов все чаще можно увидеть билборды, из которых можно почерпнуть различную информацию. Какие яркие и емкие по содержанию фразы, поэтические строки, цитаты вы поместили бы на такие билборды городов Витебской области?

Такой широкий спектр вопросов определяется, прежде всего, нашим глубоким убеждением в том, что культурологическое развитие школьников должно осуществляться не только на уроках языка и литературы, но и при изучении других предметов.

Результаты исследования показали, что уровень лингвокультурологического и социокультурного развития девятиклассников достаточно низкий, так как (приведем данные по ответам по нескольким вопросам) более 50 % респондентов привели примеры легенд и преданий о таких городах, как Витебск, Полоцк, Орша, о географических объектах (Витьба, Западная Двина), не связав указанные истории с этимологическим содержанием названия, историческими событиями, особенностями расположения, рельефа и/или поверхностно скоррелировав название с историей его происхождения (озеро Белое, озеро Черное и т.п.).

При определении «славных дат» в истории Витебщины ответы учащихся представлены нехронологично и фрагментарно. Наиболее частотным ответом выступает «1812 год» (72 % учащихся Витебска указали эту дату, в то время как ученики из других областей затруднялись ответить на данный вопрос). Вместе с тем они не обладают информацией об исторических битвах, которые произошли возле Дубровно, Крапивно.

Среди героев-защитников, имена которых увековечены в названиях улиц и площадей, отмечены Батька Минай, Владимир Короткевич, Вера Хоружая, Константин Заслонов, Зинаида Марченко-Туснолобова и др., большинство из которых имеют региональное историческое значение.

Представление учащихся Витебской области о художественной культуре ограничено следующими прецедентными феноменами: М. Шагал (его указали все респонденты из Витебска и 28 % учащихся из других учебных заведений региона), И. Репин (указали все учащиеся Витебска и 18 % учащихся области), В. Короткевич (указали 98 % учащихся из Орши и 7 % — представителей других городов Витебщины).

Таким образом, лингвокультурное пространство Витебщины в основном состоит из локально прецедентных феноменов, то есть известных определенной общности людей, проживающей на той или иной территории. Учащиеся не смогли назвать таких деятелей культуры, как К. Малевич, И. Пэн, З. Азгур, М. Фрадкин, В. Быков.

К сожалению, результаты анализа анкетного материала свидетельствуют о низком уровне знаний учащихся, связанных с образом Витебска и других городов Витебской области и нашедших отражение в художественной литературе, музыкальном, изобразительном и театральном искусствах. Единично представлены некоторые произведения М. Шагала (большинство указало его картину «Влюбленные над городом»), отмечен фестиваль в Полоцке «Званы Сафii», фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», картина И. Репина «Белорус». Фестиваль имени И.И. Соллертинского, песни о Витебске М. Фрадкина («Вернулся я на родину», «Столица областная»), стихотворения Р. Рождественского, Д. Симановича, Е. Крикливец, Т. Красновой-Гусаченко, посвященные Витебску, неизвестны учащимся Витебской области.

Несмотря на эффективное экономическое развитие Витебска в целом и Витебщины в частности, активное межрегиональное и приграничное сотрудничество, историческую роль в войнах и битвах (их не смогли определить учащиеся) диапазон социокультурных знаний довольно узок. Так, при ответе на вопрос о городах-побратимах учащиеся не смогли назвать города, с которыми существуют различного рода социально-экономические связи у городов Витебщины. Вместе с тем для духовно-нравственного развития важной и значимой, на наш взгляд, представляется история, которая считается официальным началом дружбы между городами-побратимами. Приведенная ниже цитата взята из материала, размещенного на портале Витебского городского исполнительного комитета: «Тяжелый для Советского Союза 1944 год и оккупация захватчиками Сталинграда. Жители английского города Ковентри, в качестве символа помощи уничтоженному войной Сталинграду, изготовили скатерть, которая стала олицетворением скорби всех жителей старинного города о произошедшем в Сталинграде. Почему? Дело в том, что на этой скатерти были вышиты имена 830 женщин Ковентри, которые каждая из них вышивала вручную, и надпись: “Лучше маленькая помощь, чем большое сочувствие”. Именно эта скатерть вместе с финансовой помощью, которую собрали ковентрийцы, и была передана для поддержки жителей разрушенного Сталинграда. В настоящий момент эта скатерть хранится в музее “Сталинградская битва”».

Высокой частотностью характеризовались следующие фразы, которые, по мнению учащихся, могли бы быть размещены на билбордах: «Добро пожаловать!», «Мой родны кут, як ты мне мілы», «Сардэчна вітаем!». В основном учащиеся использовали «вторичные» образы, то есть фразы, уже размещенные на билбордах во многих городах Беларуси. Культурную специфику своего региона, природную красоту, особенности быта, традиций, образа жизни, диалектных языковых особенностей учащиеся не отразили.

Таким образом, создание учебно-методических пособий является необходимым условием для преодоления разрыва в лингвокультурологическом развитии

современных школьников. А значит, и работа по формированию национально-регионального сознания должна носить системный характер.

Далее остановимся на одном из элементов лингвометодической системы, а именно социокультурном развитии личности школьника при формировании лингвокультурологической компетенции учащихся в процессе обучения русскому языку в общеобразовательных учреждениях Республики Беларусь. Оно предполагает:

«1) формирование представления о языке как форме закрепления и выражения национальной культуры, истории народа, отражения его языковой картины мира;

2) овладение учащимися знаниями о материальной и духовной культуре русского народа, о специфике социально-культурных стереотипов речевого поведения и этикета, обогащение речи учащихся единицами с национально-культурным компонентом семантики;

3) формирование умений анализировать единицы языка с национально-культурным компонентом значения;

4) формирование умения использовать единицы языка с национально-культурным компонентом семантики в собственной речи для успешного решения коммуникативных задач;

5) формирование социально значимых черт личности на основе усвоения учащимися элементов культуры народа, его социальных норм и общечеловеческих ценностей» (Концепция..., 2015: 6—7).

Учебные и учебно-методические пособия, используемые на уроках русского языка в школах Беларуси, содержат разработанный нами лингвокультурологический материал, на основе которого и формируются вышеперечисленные умения и компетенции.

Успех практического освоения учащимися базовых знаний культуры связан с тем, насколько лингвометодическая деятельность учителя будет организована относительно таких аспектов, как «педагогика, психология, когнитивистика, культурология» (Littlejohn, 2011: 5). Информация и формируемые лингвокультурологические навыки при этом становятся значимыми для использования их в различных ситуациях общения с носителями не только своей культуры, но и представителями других.

В начале учебного года во всех классах 2 и 3-й ступеней получения общего среднего образования (это 5—9 и 10—11 классы соответственно) школьникам предлагается подумать над формулировками заданий, связанных со знаниями функций русского и белорусского языков в Республике Беларусь, явлений интерференций, выявлением национально-культурной информации, характеристикой русской и белорусской культур сквозь призму языкового наследия (пословицы, поговорки и др.). Приведем формулировки предлагаемых заданий.

1. Ответьте на вопросы. Многие ученые-лингвисты основной функцией языка называют коммуникативную, согласно которой язык — это основное средство человеческого общения. Однако язык выполняет и другие функции: социальную, номинативную, аккумулятивную, когнитивную, этническую и пр. Что подразумевается под этнической функцией? Как вы считаете, какая функция белорусского языка в нашей стране первенствует: коммуникативная или этническая? Почему?

2. **Решите лингвистическую задачу.** В одном пособии (Мечковская, 1998: 18) авторы обобщили некоторые интерферентные (взаимопроникающие) явления, обусловленные народно-белорусскими чертами речевой практики. Заполните пропуски терминами и примерами:

В белорусском языке: в фонетике это фрикативное [], всегда твердые [], [], []: _____, билабиальный полугласный [ў]: _____, яканье (_____); дзеканье (_____) и цеканье (_____); произношение «почти по-написанному»; Михайловна, _____, а не Михална, _____; в морфологии — формы типа с папам Д.п. Васю, два яблоки, окна, _____; в синтаксисе — управление по белорусским моделям: смеялся с дурня, _____; и, конечно, лексико-фразеологические белорусизмы, особенно частотные в случае отсутствия однословного русского соответствия (ср. бел. сніць «видеть во сне», шуфлядка «выдвижной ящик стола, тумбочки», слоік «стеклянная банка» и т.п.).

3. **Составьте устный текст (тип речи — рассуждение) по следующему началу:** «В искусстве хорошо известен термин “романтизм”. Для русской и белорусской культур он связан, прежде всего, с именами великих писателей, композиторов, художников. А как этот термин применим к родному языку?»

4. **Поработаем со словарями.** В белорусском языке это слово определяется в единственном значении: «смесь сена с соломой для корма скота». Оно же (слово) и характеризует влияние русского языка на белорусский, когда возникает ощущение не речи «с акцентом», а «речи на другом языке». Назовите это слово, посмотрите значение в словарях и приведите примеры.

5. **Составляем «портрет слова» и пишем эссе.** Национально-культурную информацию человек может получить из таких единиц языка, как пословицы, поговорки, афоризмы. Это своеобразный источник многочисленных и разнообразных знаний о национальной истории и культуре. Вам предложен список белорусских и русских пословиц, поговорок и афоризмов. Выпишите из них слова-лексемы, которые: а) обозначают продукты, сделанные человеческими руками, к одному из них составьте небольшой текст в жанре «Портрет слова», в котором опишите социально-историческую жизнь белоруса; б) обобщают ценности русского и белорусского народов, подберите к одному из них свои примеры; в) презентуют прецедентность (то есть общеизвестные имена, события, ситуации), используя композиционные схемы описания/рассуждения/повествования, напишите в одном из жанров (путевые заметки, характеристика, рецензия на книгу) небольшое эссе.

1. Книга учит нас жить.
2. Вот тебе, бабка, и Юрьев день.
3. Замест персідскага ўзору цвяток радзімы васілька (М. Багдановіч).
4. Каб сонца заслانیць — вушэй асліных мала (К. Крапіва).
5. Не заўсягды, як на Дзяды, а праца, як у нядзелю.
6. Да пары збан воду носіць, вушка адарвецца і збан паб’ецца.
7. Калок свой мілейшы, як чужыя клямкі (Ф. Багушэвіч).
8. Каму па каму, а каму два камы.

9. Ліхтаром пушчы не асвеціш.
10. Пазнаюць нашу дачку і ў андарачку.
11. Чым за морам віно піць, лепш з Немана вадзіцу.
12. Бывайце здаровы, жывіце багата.
13. Людзьмі звацца (Я. Купала).
14. А хто там ідзе, а хто там ідзе.
У агромністай такой грамадзе? — Беларусы.
15. Або грай, або скрыпку аддай.
16. Зрання росны, у поўдзень млосна, а ў вечары камары.
17. Кожны чалавек — гэта цэлы свет (К. Чорны).
18. Без навук, як без рук.

(Примеры взяты из произведений белорусских писателей, а также сборников русских и белорусских пословиц и крылатых выражений.)

6. **Культурологическая эстафета.** В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1986) «самобытный» определяется как «своеобразный, не похожий на других, идущий своим путем, самостоятельный в своем развитии». Русскую и белорусскую культуры, историю, языки смело можно назвать «самобытными». Распределитесь на 2 команды, каждая из которых, отвечая на 4 вопроса, должна охарактеризовать предлагаемыми языковыми единицами и средствами русскую и белорусскую культуры.

Вопросы	Характеристики белорусской жизни	Характеристики русской жизни
1. Какими синонимами вы охарактеризуете самобытность?	напр., трудовая, запоевдная	напр., подвижничество
2. Что помогает вам сохранять вековые связи с древними пращурами (ответ запишите с помощью имен существительных).		
3. Где искать источники того неиссякаемого кладезя, каким является великое русское (магутнае беларускае) слово (ответ запишите, используя параллельную связь между предложениями). С какими представлениями о мире, его устройстве они связаны?		
4. Каков внешний мир и чем крепко бесконечно пылкий и умудренный многовековым жизненным опытом дух славянина-труженика (ответ запишите, вспомнив пословицы и поговорки о социальных отношениях в обществе).		

При формировании лингвокультурологической компетенции необходимо опираться на различные лингвометодические технологии. Выполнение творческих заданий с лингвокультурологическим и социокультурным наполнением помогает учителю уже в начале учебного года наметить виды деятельности, которые на уроках русского языка через презентацию национальных (белорусских) реалий и культуры «помогают воспринимать и ощущать окружающий мир, принимать и уважать взгляды, ценности, традиции своего народа.

Среди видов деятельности, применяемых на уроках русского языка по представлению белорусского регионального материала, нужно отметить и исследовательские. Полезными в когнитивно-коммуникативном аспекте могут быть такие

задания, как «Художественный образ моей малой родины» и «Социокультурный портрет моего города». Предложенные школьникам информационные и языковые ориентиры для создания социолингвистического портрета помогают развивать не только аналитические и поисковые компетенции, но и понимать неповторимые особенности местного говора, обычаев, колорита, что, безусловно, отражает сформированность лингвосоциокультурной компетенции через отражение национальных реалий и культуры. Ниже предложим порядок работы над составлением «портрета».

1. Данные последней переписи населения, подлежащие осмыслению:

1.1. Количество человек по национальностям (указать, какой % русских и белорусов).

1.2. Рассредоточение народонаселения по ареалу (географическим границам севера, юга, запада, востока, центра). Найти закономерности и причины такого расселения.

1.3. Количество человек, владеющих разными языками.

2. Роль представителей разных социальных групп (наблюдение за особенностями произношения, грамматического строя, выразительных средств).

3. История, верования, обычаи и традиции народа и их отражение в диалектах и фольклоре.

4. Административные и культурные центры региона (местности, района). Названия деревень, городов (дать лингвокультурологический и ономастический комментарий).

5. Использование родного языка в сфере образования, культурно-общественной деятельности и средств массовой информации. Написание заметок и статей в местную газету.

Заключение

Подводя итог, отметим, что для обучения белорусских школьников в динамично развивающемся мире необходимы в первую очередь знания, позволяющие видеть реалии русской и белорусской культур, определять национальный характер с опорой на образцы из лучших произведений искусства, ориентироваться в мире материальных артефактов, социальных, духовно-нравственных, художественных ценностей своего народа, укладе повседневной жизни и быте белорусского человека, знать и почитать народные традиции, правила общения, окрашенные национальным колоритом, исторические события. К таким знаниям относятся:

— ценностно-смысловые, способствующие пониманию окружающей действительности, системы ценностей, осознанию своего места и роли в социуме, служащие ориентиром для дальнейшей деятельности;

— общекультурные, содержащие сведения об общенациональной материальной и духовной культуре, национальных и семейных обычаях, традициях, быте;

— социально-трудовые, включающие компетентность в области профессиональной сферы, экономики и помогающие учащемуся быть гражданином, членом семьи и общества и т.п.;

— учебно-познавательные, активизирующие творческий потенциал учащегося, умение применять навыки, полученные из жизненного опыта и межпредметной учебной деятельности.

Такая социализация, встроенная в ту или иную предметную технологию, дает возможность анализировать и сравнивать факты, явления русской и белорусской культур и делает процесс обучения русскому/белорусскому языку уникальным через приобретение в системе знаний о нормах и ценностях своего народа в подготовке учащихся к жизни в обществе.

Список литературы

- Воробьев В.В.* Лингвокультурология: теория и методы. М.: Экспро, 1997. 168 с.
- Дейкина А.Д.* Методический потенциал лингвокультурологических характеристик текста в школьном обучении русскому языку // *Русский язык в школе*. 2014. № 4. С. 12—17.
- Ковшова М.Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Либроком, 2012. 453 с.
- Концепция обучения русскому языку в системе общего среднего образования Республики Беларусь // *Русский язык и литература*. 2015. № 9. С. 3—10.
- Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и этнокультурология: лекционный курс. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Маслова В.А.* Лингвистический анализ текста. Экспрессивность: учебное пособие. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018а. 201 с.
- Маслова В.А.* Поэт и культура. Концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта, 2004. 264 с.
- Маслова В.А.* Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Юрайт, 2018б. 146 с.
- Маслова В.А., Николаенко С.В.* Краткий лингвокультурологический словарь-справочник: культурное пространство Витебщины. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2011. 164 с.
- Мечковская Н.Б., Иванов Е.Е., Иванова С.Ф.* Сацыякультурная прастора мовы. Минск: Веды, 1998. С. 3—20.
- Мишатина И.Т.* Технология освоения концептов русской культуры: учебно-методическое пособие. СПб.: Книжный дом, 2011. 80 с.
- Николаенко С.В.* Витебщина в социокультурном контексте (дидактические материалы для уроков русского языка): пособие для учителей. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015а. 172 с.
- Николаенко С.В.* Национально-культурное на уроках русского языка (дидактические материалы о Белорусском Поозерье при изучении грамматических тем): пособие. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2009. 88 с.
- Николаенко С.В.* Теория и практика социокультурного развития учащихся 5—11 классов: национально-культурный содержательный аспект в контексте обучения русскому языку: монография. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015б. 252 с.
- Новикова Т.Ф.* «Пространство слова». Формирование этнокультурной компетенции учащихся на уроках словесности // *Русский язык в школе*. 2004. № 5. С. 22—40.
- Русецкий В.Ф.* Словотворчество: литература, язык, человек в современном мире. Минск: Национальный институт образования, 2011. 135 с.

Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании. М.: РУДН, 2010. 337 с.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Худенко Л.А. Лингвокультурологический подход к обучению русскому языку учащихся 5—11 классов: теоретические и методические основы. Минск: Нац. ин-т образования, 2011. 276 с.

Littlejohn A. Real world language teaching // Teaching in multilingual contexts: current challenges, future directions / ed. by A. Ahmed, G. Cane and M. Hanzala. Cambridge scholars publishing, 2011. Pp. 3—17.

Preteille Martin A. L'education interculturelle. Paris: Presse Universitaire de France, 1999. 128 p.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 18.09.2018

Дата принятия к печати: 28.12.2018

Для цитирования:

Николаенко С.В. Русский язык — через национальные реалии и культуру // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. С. 198—212. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-198-212

Сведения об авторе:

Николаенко Сергей Владимирович, декан филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, доктор педагогических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов:* методика преподавания русского языка, лингвокультурология, аксиология. Автор более 140 научных публикаций. *Контактная информация:* ns-lk@mail.ru

Scientific article

**Russian language through the prism of
national culture and realities**

Siarhej V. Nikalayenko

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskij Prospect, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The article focuses on the system of developing linguistic and cultural competence through regional realities, values, personalities, etc. in general secondary educational institutions in the Republic of Belarus. The sociocultural aspect in the coherent linguistic methodological system of teaching Russian and developing learners' speech is considered as a substantial component of all spheres — language, speech, communication, cultural linguistic study. Cultural linguistic (or linguocultural) aspect is realized through mastering language: 1) as a system of preserving and transmitting cultural values, 2) as a means of comprehending general and nationally-specific (for the Russian and Belarusian) ideals, traditions, customs, values and norms which guide the dialogue of cultures. As an interrelated educational process, the sociocultural aspect implies that students acquire the peculiarities of social relations expressed in meanings (peacefulness, non-aggressiveness, tendency to consent and search for compromises, helping

another person, denying unmotivated violence, reasonable needs, etc.). The sociocultural aspect also means developing learners' ability to comply with the norms that determine these relations.

Keywords: Belarus, education, the Russian language, axiological base, humanistic orientation, the system of exercises, cluster technology, cultural linguistic (linguocultural) reference book and dictionary, the system of sociocultural developing, regional values and personalities

References

- Deikina, A.D. (2014). Metodicheskiy potentsial lingvokul'turologicheskikh kharakteristik teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku [The didactic potential of linguocultural text characteristics in teaching Russian at school]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], (4), 12—17. (In Russ.)
- Khudenko, L.A. *Lingvokul'turologicheskii podkhod k obucheniyu russkomu yazyku uchashchikhsya 5—11 klassov: teoreticheskie i metodicheskie osnovy* [The linguocultural approach to teaching Russian to 5—11 graders: theoretical and didactic bases]. Minsk: NIE Publ. (In Russ.)
- Kovshova, M.L. (2012). *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury* [The linguocultural approach in phraseology: culture codes]. Moscow: Librokom Publ. (In Russ.)
- Kontseptsiya obucheniya russkomu yazyku v sisteme obshchego srednego obrazovaniya Respubliki Belarus' [The conception of teaching Russian in the system of general secondary education in the Republic of Belarus]. (2015). *Russkii yazyk i literatura* [Russian language and literature], (9), 3—10. (In Russ.)
- Krasnykh, V.V. (2002). *Etnopsikholingvistika i etnokul'turologiya: leksionnyi kurs* [Ethnopsycholinguistics and ethnocultural studies: lecture course]. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Littlejohn, A. (2011). Real world language teaching. *Teaching in multilingual contexts: current challenges, future directions*, 3—17. Cambridge scholars Publ.
- Maslova, V.A. (2018a). *Lingvisticheskii analiz teksta. Ekspressivnost': ucheb. posobie* [Linguistic text analysis. Expressiveness: manual]. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2004). *Poet i kul'tura. Kontseptsfera Mariny Tsvetaevoy* [The poet and culture. Marina Tsvetaeva's conceptual sphere]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018b). *Filologicheskii analiz khudozhestvennogo teksta: uchebnoe posobie* [The philological analysis of an artistic text: manual]. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A., & Nikolaenko, S.V. (2011). *Kratkii lingvokul'turologicheskii slovar'-spravochnik: kul'turnoe prostranstvo Vitebschiny* [The concise linguocultural reference dictionary: cultural space of the Vitebsk area]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov Publ. (In Russ.)
- Mechkovskaya, N.B., Ivanov, E.E., & Ivanova, S.F. (1998). *Satsyyakul'turnaya prastora movy* [The sociocultural space of language]. Minsk: Vedy Publ. (In Russ.)
- Mishatina, I.T. (2011). *Tekhnologiya osvoeniya kontseptov russkoi kul'tury: uchebno-metodicheskoe posobie* [The technology of acquiring the concepts of Russian culture: manual]. Saint Petersburg: Knizhnyi dom Publ. (In Russ.)
- Nikolaenko, S.V. (2015a). *Vitebshchina v sotsiokul'turnom kontekste (didakticheskie materialy dlya urokov russkogo yazyka): posobie dlya uchitelei* [The Vitebsk area in linguistic and cultural context: (didactic materials for Russian lessons): teachers' guide]. Vitebsk: VGU named after P.M. Masherova Publ. (In Russ.)
- Nikolaenko, S.V. (2009). *Natsional'no-kul'turnoe na urokakh russkogo yazyka (didakticheskie materialy o Belorusskom Poozer'e pri izuchenii grammaticheskikh tem): posobie* [National and cultural components at Russian lessons (didactic materials about the Vitebsk area for studying grammar): manual]. Vitebsk: VGU named after P.M. Masherov Publ. (In Russ.)

- Nikolaenko, S.V. (2015b). *Teoriya i praktika sotsiokul'turnogo razvitiya uchashchikhsya 5—11 klassov: natsional'no-kul'turnyi sodержatel'nyi aspekt v kontekste obucheniya russkomu yazyku* [Theory and practice of sociocultural development of 5th—11th graders: national and cultural aspect in the context of teaching Russian]. Vitebsk: VGU named after P.M. Masherov Publ. (In Russ.)
- Novikova, T.F. (2004). «Prostranstvo slova». Formirovanie etnokul'turnoi kompetentsii uchashchikhsya na urokakh slovesnosti [“The space of a word”. The development of learners' ethnocultural competence during language classes]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], (5), 22—40. (In Russ.)
- Rusetskii, V.F. (2011). *Slovotvorchestvo: literatura, yazyk, chelovek v sovremennom mire* [Word-creation: literature, language, man in modern world]. Minsk: NIE Publ. (In Russ.)
- Sinyachkin, V.P. (2010). *Psikholingvisticheskii i lingvokul'turologicheskii analiz obshchechelovecheskikh tsennostei v russkom yazykovom soznanii* [Psycholinguistic, linguistic and cultural analysis of common human values in Russian linguistic consciousness]. Moscow: RUDN Publ. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekt* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and cultural linguistic aspect]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Vorob'ev, V.V. (1997). *Lingvokul'turologiya: teoriya i metody* [Cultural linguistics: theory and methods]. Moscow: Ekspo Publ. (In Russ.)
- Preteuille, M.A. (1999). *L'éducation interculturelle*. Paris: Universitaire de France Publ. (In French).

Article history:

Received: 18.09.2018

Accepted: 28.12.2018

For citation:

Nikalayenko S.V. (2019). Russian language through the prism of national culture and realities. *Russian Language Studies*, 17(2), 198—212. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-198-212

Bio Note:

Siarhej Vladimirovich Nikalayenko, dean of the Philological Faculty of Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Doctor Habilitat, Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus). *Research interests*: methods of teaching Russian, cultural linguistics, axiology. The author of more than 140 publications. *Contact information*: ns-lk@mail.ru

Научная статья/Scientific article

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-213-228

УДК 81'373(045)

**Поликультурная идентичность
в контексте городского пейзажа****Т.В. Поплавская***Минский государственный лингвистический университет
Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21***Multicultural identity in the context of urban landscape****Tat'yana V. Poplavskaja***Minsk State Linguistic University
21 Zaharova St., Minsk, 220034, Republic of Belarus*

Цель статьи состоит в выявлении и описании структуры городских вывесок, содержащих переключение кодов, иноязычную или псевдоиноязычную информацию. Эта тема представляется актуальной, поскольку современные города с русскоязычным населением наводнены надписями, вводящими в заблуждение относительно инокультурных реалий и выполненными с грамматическими и лексическими ошибками. В ходе исследования были проанализированы наименования учреждений питания, салонов красоты, предприятий автосервиса и адвокатских контор, зафиксированные на вывесках соответствующих организаций и представленные на всеобщее обозрение. Установлена специфика обозначений предприятий сервиса различного рода и ее соответствие/несоответствие миссии организации.

Анализ вывески как вербального фрагмента городского пейзажа подводит к выводу о необходимости введения нового термина — псевдополикультурная идентичность. Феномен псевдополикультурной идентичности характеризует коммуникативное пространство большого города и может быть отнесен к деструктивным явлениям, формируемым в лжеинокультурной среде, где авторы иноязычных наименований пренебрегают как структурой, так и значением предлагаемых обозначений, а целевая аудитория формирует неадекватные языковые стереотипы.

Ключевые слова: русский язык, поликультурная идентичность, псевдополикультурная идентичность, самопрезентация, коммуникативное пространство

© Поплавская Т.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

The purpose of the article is to identify and describe the structure of urban signs containing code switching, foreign language or pseudo-foreign language information. This topic seems to be relevant, since modern cities with a Russian-speaking population are flooded with inscriptions that mislead about foreign cultural realities and are executed with grammatical and lexical errors. In the course of the study, the names of catering establishments, beauty salons, car service enterprises and law firms, fixed on the signboards of the respective organizations and presented for public viewing were analyzed. The specificity of the designations of service enterprises of various kinds and its compliance/non-conformity with the mission of the organization has been established.

Analyzing the signboards as a verbal fragment of the urban landscape, the author of the article comes to the conclusion that it is necessary to introduce a new term — pseudo-multicultural identity. The phenomenon of pseudo-multicultural identity characterizes the communicative space of a large city and can be considered a destructive phenomenon formed in a pseudo-other-cultural environment, where the authors of foreign names neglect both the structure and the meaning of the proposed designations, and the target audience forms inadequate language stereotypes.

Keywords: Russian language, multicultural identity, pseudo-multicultural identity, self-presentation, communicative space

Введение

В последние десятилетия интерес филологов к проблемам этнолингвистики (этнографии речи и этносемантики), которые на протяжении определенного времени знаменовали собой наиболее прогрессивную сферу лингвистических исследований (Hymes, 1973; Saville-Troike, 1982), постепенно переместился в сторону нового направления — изучения языка в неразрывной связи с культурой. Лингвокультурология возникает на стыке лингвистики и культурологии и изучает проявления культуры народа, которые отразились в языке (Маслова, 1997). В основу лингвокультурологических изысканий положены когнитивный подход к лингвистическому объекту (Красных, 2002) и понимание языка как атрибута личности и языкового коллектива, восходящее к трудам А.А. Потебни (2000), Ф. Боаса (1997). В рамках лингвокультурологических школ (Степанов, 2007; Арутюнова, 1999; Телия, 1996; Маслова, 1997) интерпретация фактов дискурса преломляется через понятие языковой картины мира и коммуникативного пространства.

Естественным развитием данного направления (вкуче с изучением межкультурной коммуникации) можно считать интерес к так называемой поликультурной (или мультикультурной) идентичности, т.е. вхождение индивида в коммуникативное пространство более чем одной культуры и осознание себя принадлежащим им. Вместе с тем городские жители в ряде случаев, хотя бы они этого или нет, оказываются погруженными в некоторую иноязычную и инокультурную среду, которую формирует вербальная составляющая городского пейзажа. Вывески, содержащие наименования учреждений, предоставляющих услуги различного рода, не всегда соответствуют правилам языка-донора, не обладают приписываемыми им значениями, употребляются в несуществующих сочетаниях и создают у целевой аудитории искаженное восприятие чужого языка и культуры.

Цель статьи состоит в описании и интерпретации аномального употребления иноязычных слов и ложных представлений об инокультурных реалиях.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили наименования организаций сферы общественного питания и других услуг, размещенные на вывесках, формирующих один из компонентов городского пейзажа. Использовались методы регистрируемого наблюдения и семантического анализа.

Результаты

Установлено, что значительная часть наименований учреждений социальной сферы представляет собой иноязычные обозначения: а) неоправданно заменяющие привычные русскоязычные формулировки; б) содержащие грубые грамматические и лексические ошибки; в) представляющие собой аномальные для языка-донора словосочетания; г) репрезентирующие попытку номинатора произвольно продуцировать несуществующие фразеологизмы; д) ошибочно интерпретирующие инокультурные реалии.

Обсуждение

Этнический японец скульптор N переехал в Париж двадцать пять лет назад, женился на француженке, имеет двоих сыновей, преподает в Академии художеств. В беседе периодически произносит: «мы, японцы, ...» или «мы, французы, ...» Когда собеседник возражает против альтернативного употребления этих формулировок, замечает: «Но ведь это так и есть!»

Как человек может одновременно или хотя бы альтернативно причислять себя и к японцам, и к французам? Здесь мы сталкиваемся с понятием идентичности, понятием многоликим, и, нужно отметить, достаточно неопределенным. С одной стороны, этимологически идентичность — это самоопределение, с другой, параметров, относительно которых человек может «самоопределяться» весьма много. И это, несомненно, открытое множество. Вступая в ту или иную социальную группу, входя в тот или иной микросоциум, внося коррективы в свою картину мира, мировоззрение, поведенческие модели, даже меняя вкусы и пристрастия, человек «индексирует» свое Я, становится не совсем тем, кем он был вчера. И в зависимости от того, насколько он осознает эти старые и новые принадлежности, формирует своеобразный портрет себя в настоящем времени.

Будучи вначале изучаемым философами (Taylor, 1989), понятие идентичности в наши дни расширило границы соответствующего ему словоупотребления до популярных изданий типа «Познай себя» и самоучителей в духе Дейла Карнеги (в лучшем случае). Вместе с тем в науке утвердилось понимание дискурсивного воплощения идентичности, т.е. ее формирования и утверждения через текст (Derrida, 1976). Коммуникативные действия — единственное, что раскрывает грани человеческого Я. Человек — это то, как он общается (Психология..., 2000: 61). Это приводит к мысли о том, что человек говорящий может имитировать идентичность, казаться тем, кем он не является, вводить в заблуждение или копировать свой идеал. Актерская профессия целиком строится на формировании лжеидентичностей через актуализацию текстов, написанных другими.

На имитировании идентичностей строится и то явление, которое в современной социалингвистике получило название *commodified identities* (Benwell, 2002: 431), что можно перевести как «коммерциализированные идентичности» или дословно — «отоваренные, превращенные в товар». В данном случае имеются в виду искусственно сформированные идентичности как продукт рекламы. Настоящий мужчина, настоящая женщина, заботливая мать, идеальная хозяйка и т.д. — несуществующие персонажи, продукт авторов рекламных текстов. Еще один тип искусственных идентичностей — виртуальные (Gergen, 1996: 136), т.е. идентичности, созданные в результате акта самопрезентации (Белова, 2014: 68) в компьютерно-опосредованной коммуникации. В принципе понятие самопрезентации родственно понятию идентичности, они граничат друг с другом или даже сливаются воедино в ряде коммуникативных контекстов. Наш знакомый скульптор представляет себя японцем и представляется японцем, когда речь идет о его корнях и традициях его страны. Он же ощущает себя французом и свидетельствует об этом, когда речь идет о его повседневной жизни в Париже, быте, семье и профессиональной деятельности.

Среди всех аспектов и типов идентичности как социального явления доминирует культурная идентичность в широком понимании термина, т.е. отождествление себя с некоторым культурным или субкультурным социумом. Поскольку «язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» (Маслова, 2001: 9), любой текст является проводником культурной идентичности. Важно отметить при этом, что культурная идентичность — иерархически сложное, гетерогенное понятие. Это не только этнокультурная, но и множественно-субкультурная идентичность. Дискурс американской IT-студентки, этнической кореянки, члена клуба рокеров какую идентичность эксплицирует? Титульной нации, национального меньшинства, IT-профессионалов, рокеров, женщин, молодежи? С одной стороны, он, безусловно, репрезентирует некий конгломерат культур, а с другой, каждый порожденный текст обладает культурной доминантой, соответствующей коммуникативному контексту.

Очевидно, что понятие монокультурной идентичности имеет право на существование только в плане идентичности этнокультурной. Но и это не так просто. В современном мире, подверженном глобализационным процессам, экспансии английского языка, выплескиванию компьютерной терминологии и сетикета (а это опять же английский язык) в офлайн-коммуникацию, видимая поликультурная идентичность может оказаться химерой. Истинная поликультурная идентичность как результат первичной социализации на территории совместного проживания двух и более этносов (типично для ряда регионов Российской Федерации, области белорусско-польско-литовского трехязычия, бывших колоний и пр.), воспитания в двуязычной семье или вхождения в новые культуры (и усвоение новых языков) в течение жизни описывалась и описывается специалистами по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, билингвизму, языковой интерференции. Малоизученным остается явление языка и культуры, которое мы назовем псевдополикультурной идентичностью. Наиболее яркое его проявление можно наблюдать в вербальном контексте городского пейзажа, где подтвержда-

ется высказывание Ю.Е. Прохорова о том, что «язык стал функционировать в совершенно иной действительности» (Прохоров, 2017: 7).

Пейзаж каждого города многогранен как структурно, так и функционально. Его составляющие зависят от возраста, статуса и истории. Города можно рассматривать в категории текстов, которые строятся по-новому в каждую эпоху их жителями и гостями. Семиотика города как культурного пространства — чрезвычайно широкая и многогранная сфера, ориентированная на символику города и идеи, воплощенные в образе города сквозь призму ментальности этноса и эпохи. Город как пространство, наделенное смыслами (макротекст), и элементы этого пространства (микротекст) в последнее десятилетие заинтересовали ученых, рассматривающих его с позиции философии, культуры, архитектуры. Мы видим термины: феноменология города, физика города, метафизика города, мифология города. Отдавая должное концепциям города-мифа, города-идеи, города — культурного текста, города-медиасообщения, отметим, что они рассматривали город в первую очередь как артефакт, невербальную сущность. За пределами научного интереса остается город-текст, город-послание в его непосредственном визуальном вербальном представлении.

Это город, воплощенный в словах, которые мы читаем на его улицах и которые представляют город в определенной тональности, изменчивой и подверженной моде. Такие слова мы видим на афишных тумбах, объявлениях, листовках и флаерах и в первую очередь вывесках, репрезентирующих реплику в адрес целевой аудитории, которая по сути является продуктом акта самопрезентации.

Значительная часть сообщений — вывесок, сопровождающих человека на его пути по городским улицам, рассчитана на личность, знакомую с иными языками (преимущественно английским) и определенными элементами англоязычной же бытовой культуры. Предполагается, что городской житель, носитель русского языка, знаком не только с английскими словами, но и с англоязычными определениями товаров и услуг, предлагаемых авторами соответствующих наименований. В списке услуг салона красоты, размещенного в витрине, значится *double job*. Двойное — что? Слово *job* имеет ряд значений, некоторые из которых не всегда удобно обсуждать в приличном обществе. На самом деле имеется в виду одновременное выполнение маникюра и педикюра. Узнать это можно только опытным путем, побывав в указанном салоне. Мишель Фуко (Foucault, 2002: 27) писал, что идентичность формируется дискурсом. Какая идентичность может формироваться такого рода сообщениями? Единая, космополитическая культура (вне зависимости от оценочного ее аспекта — хорошо это или плохо) может сформироваться либо на основе глубокого взаимопроникновения культур, либо на основе поглощения одной из культур, что не раз случалось на протяжении многовековой истории человечества и никогда не воспринималось в позитивном ключе (Дроненко, 2003: 34). Наблюдаемая же нами лоскутная «поликультурность» не только не расширяет границы культурной компетентности, но зачастую вводит аудиторию в заблуждение относительно малознакомых и оттого привлекательных слов и понятий. Рождаются новые фразеологизмы, о которых носители английского языка не имеют понятия, появляются новые значения у слов и словосочетаний.

Упомянутая *double job* в англоязычной среде означает не что иное как работу по совместительству.

Лингвистические превратности городского пейзажа нельзя отнести и на счет формирования так называемой гибридной идентичности (Hall, 2000: 16; Habermas, 1987: 215), ярким примером которой является немецко-иная идентичность мигрантов, имеющих вполне определенное желание влиться в социум и прилагающих деятельные последовательные усилия для адаптации в новых условиях.

Вывеска кофейни гласит *La Coffee*. Название напитка на английском языке предваряет определенный артикль женского рода *la*, который присутствует в романских языках — французском, итальянском, испанском. В английском языке нет грамматической категории рода, в романских — кофе мужского рода, в русском, на котором говорят посетители заведения, тоже мужского или, на худой конец, среднего, которого нет ни в одном из перечисленных языков. *La Coffee* — шутка, игра или безграмотность, жажда «красивого, иностранного» вне зависимости от смысла? Как поется в известной песне: «Казанова, Казанова, зови меня так — мне нравится слово». Если это шутка, то она должна быть рассчитана на людей, знакомых хотя бы отдаленно с двумя-тремя языками, кроме родного. Или декодировать наименование организации номинатор считает не обязательным для клиентов? Если же это игра, а игра — это целевая деятельность, то какова ее цель?

Магазин дорогих оправ, линз и солнцезащитных очков называется *Primaveri*. *Primavera* — по-итальянски и по-испански означает «весна». Множественное число — *primavere* (женский род). Никаких *primaveri* ни в итальянском, ни в испанском или каком-либо другом языке нет. Опять принцип «мне нравится слово»?

На углу двух улиц расположен ресторан *L'angolo Italiano*. Если владельцы решили назвать его не «Итальянский уголок», что было бы вполне естественно в русскоязычной среде, а именно так, как он назван, то рассчитывали ли они на полное понимание значения этого словосочетания либо просто намеревались «поддать итальянскости»? Такого рода вопросы можно задавать бесконечно. Ресторан с открытым грилем называется *Wood and Fire*. Звучит загадочней, чем просто «Дрова и огонь», *Wine and Spirits* — интереснее, чем «Вино и крепкие напитки».

Для дам, желающих поухаживать за своими ногтями, существуют заведения под названиями *Nail Bar* или в русской орфографии «Нейл Бар». Предполагается, что носительница русского языка должна, во-первых, знать, что значит слово *nail*, а во-вторых, понимать, почему в данном контексте оно сосуществует со словом *bar*, которое привычнее ассоциируется с другой ситуацией. А еще есть «Нейл Лаундж», *Nail Time* и *Nail studio*. *Nail Bar* — это не единственный бар, который предполагает уход за собой. Можно увидеть *Brow bar* (это уже о бровях) и «Вакс бар» (студия восковой депиляции). Если *Nail bar* — это маникюрный салон, то салон по продаже цветов можно назвать *Flower bar*. Только вот в отличие от первого «бара» такого сочетания слов в англоязычных странах нет. А есть *Flower shop* или *Florist*.

Мужчин приглашает постричься *Barbershop* или «Барбершоп» — кому что нравится. Есть и вариант *Cut Barbershop*, что бессмысленно и непереводимо, но, оче-

видно, неплохо звучит по мнению назывателей. Еще один изыск в таком же роде — *Firm Barbershop*. Можно предположить, что имеется в виду «фирменная стрижка» с нетерминологическим значением слова «фирменная». Есть и *Chop-chop* (кроме прочих значений — звук, издаваемый ножницами) *Barbershop*. На вывеске женской парикмахерской читаем *Hair Gloss*, т.е. блеск для волос, вид уходовой жидкости, общепринятый термин. Что он делает на вывеске в своем англоязычном варианте? Тот же вопрос, который хочется задать многим номинаторам.

Есть и сеть салонов с экстравагантным названием «Бигуди», исполненным с двумя переключениями кодов — БиGOODи. Это явное влияние компьютерно-опосредованной коммуникации, для которой подобного рода креолизация является типичной.

От ресторанов и салонов красоты не отстает и автосервис, с той только разницей, что околоанглийская лексика представлена в русской орфографии: «Автоаларм» (автосигнализация), «Воркшоп» (имеется в виду workshop — мастерская), «Лост Кей Сервис» (очевидно lost key [ki:] — потерянный ключ), «Майкар» (моя машина) СТО, «Репайр» (приблизительно gerair — починка), «Профикей» (остаётся догадываться).

Адвокатские и юридические конторы тоже иногда поддаются магии малопривычных для обывателя, но привычно модных слов. Так вместо Н...ов и сыновья, Н...ов и партнеры появляется «Дефандр» (надо думать от defander — защитник, адвокат, правозащитник) или «Пьюрити» (чистота, непорочность, степень очистки) — что звучит гротескно для адвокатской конторы. Еще одним изобретением практикующих юристов является наименование «Эйзед консультант» (именно в такой орфографии). Авторы имеют в виду A—Z, английские названия первой и последней букв латинского алфавита. То есть идея назывателей состоит в том, что это консультирование от А до Я, но носителям русского языка такая формулировка очевидно представляется слишком простой.

Тон в этом плане задают популярные издания, которые пестрят аналогами вполне привычных еще недавно слов и словосочетаний. Законодатели моды стали трендсеттерами, полезные советы — лайфхаками (с невероятной частотой употребления).

Английский язык доминирует на афишах, анонсирующих музыкальные мероприятия:

URIAN HEER: the greatest hits. Живой звук.

Lords of Sound: symphony of justice (?).

Christmas voices.

Manowar. Final Battle. Прощальный тур.

Доброе старое слово «пекарня» очевидно тоже вышло из моды. Его заменило английское *bakery*, но написанное кириллицей. «Голден Бейкери» — золотая пекарня, «Бейкери дю солей» — в это название успешно вторгается уже французский язык (*du soleil* — принадлежащий солнцу, солнечный). Очевидно, номинаторы позаимствовали эту часть названия у известного канадского цирка. Есть и вариант, исполненный в латинице, — *Bro bakery*. Вро относится к стилистически сниженной лексике и означает что-то вроде «братан».

Обилие иноязычных и псевдоиноязычных обозначений на улицах наших городов предполагает определенный спрос на подобные наименования. Такого рода спрос может быть продиктован принадлежностью ареала к зоне двуязычия (что никак не соответствует действительности в случае с итальянскими, французскими, английскими и англоподобными названиями), его историей (установление английского или иного языка в качестве второго в результате колонизации) либо притязаниями на космополитизм, некую международность. То, что предположительно является маркером поликультурного сообщества, на самом деле таковым в данном случае не является, поскольку обсуждаемые наименования не выступают в качестве признака усвоения иной культуры.

В России уже был период англomanии (как и франкомании), но он касался узкого социального слоя и служил реальным примером вхождения в иной язык и культуру.

В отличие от собственно поликультурной и гибридной идентичности феномен псевдополикультурной идентичности следует отнести к деструктивным явлениям русскоязычного (и не только) коммуникативного пространства. Он пагубен для русского языка и культуры и является причиной ложных посылок и неоправданных ожиданий относительно других языков и культур. Носителям русского языка уже привычны лжеинокультурная среда наших городов, вольное обращение с иностранными словами и инокультурными феноменами, нарушения связи между смыслом и значением, миссией учреждения и его обозначением, языком и культурой. Пренебрегая своим, не постигаем чужое.

Скульптор N сумел соединить в своей личности все, что предлагает и предполагает японская и французская культуры: коллективизм и индивидуализм, свободу и ритуальность, суровость и утонченность. И по-французски он говорит без ошибок.

Заключение

Навязчивое внедрение в коллективное сознание целевой аудитории представляющих собой неудачную имитацию иноязычных слов и инокультурных реалий приводит к формированию того, что автор статьи предлагает именовать псевдополикультурной идентичностью. Последняя возникает в ситуации, когда индивид ощущает себя погруженным в поликультурное коммуникативное пространство, которое на самом деле таковым не является.

ENG

Introduction

In recent decades, the interest of philologists in the problems of ethnolinguistics (ethnography of speech and ethnosemantics), which for some time marked the most progressive field of linguistic research (Hymes, 1973; Saville-Troike, 1982), gradually

shifted towards a new direction — learning the language in a close connection with the culture — cultural linguistics. It arises at the junction of linguistics and culturology and explores the manifestations of the culture of a society, that are reflected in the language (Maslova, 1997). The cognitive approach to the linguistic object (Krasnykh, 2002) and understanding of the language as an attribute of a personality and language team, goes back to the works of A.A. Potebnya (2000), F. Boas (1997). Within the framework of linguistic and cultural schools (Yu.S. Stepanov, 2007; N.D. Arutyunova, 1999; V.N. Teliya, 1996; V.A. Maslova, 1997), the interpretation of discourse facts is refracted through the concept of a linguistic worldview and communicative space.

The interest in the so-called multicultural identity (along with the study of intercultural communication), i.e. the occurrence of the individual in the communicative space of more than one culture and the awareness of oneself belonging to them can be considered as the natural development of this direction. At the same time, city dwellers in some cases find themselves immersed in some foreign language and foreign culture environment, which is formed by the verbal component of the city landscape. Signs that contain the names of institutions providing services of various kinds, in some cases do not comply with the rules of the donor language, do not have the meanings attributed to them, are used in impossible combinations and create a distorted perception of a foreign language and culture in the target audience.

The purpose of the article is to describe and interpret the non-regular use of foreign words and misconceptions about foreign cultural realities.

Research methods and materials

The study was based on the names of organizations in the sphere of public catering and other services placed on signs that form one of the components of the city landscape. The method of recorded observation and semantic analysis were used.

Results

It has been established that a significant part of the names of social institutions are names in a foreign language a) unjustifiably replacing usual Russian language; b) containing gross grammatical and lexical errors; c) phrases that are not usual for the donor language; d) representing the attempt of the nominee to arbitrarily produce non-existent idioms; e) mistakenly interpret foreign cultural realities.

Discussion

Ethnic Japanese sculptor N moved to Paris twenty-five years ago, married a French woman, has two sons, teaches at the Academy of Fine Arts. In a conversation, he sometimes says: “we, Japanese, ...” or “we, French, ...” When the interlocutor objects to the alternative use of these phrases, remarks: “But it is really this way!”

How can a person at the same time or at least alternatively identify oneself as a Japanese or a French? Here we are confronted with the concept of identity, a multifaceted concept and, it should be noted, quite vague. On the one hand, etymologically, identity is self-

determination, on the other, there are quite a lot of parameters according to which a person can be “self-defined”. And this is undoubtedly an open set. Entering this or that social group, one or another microsociety, adjusting to its world view, outlook, behavioral models, even changing tastes and preferences, a person “indexes” his/her “I” and becomes not quite what he or she used to be yesterday. And, depending on how much one is aware of these old and new accessories, a peculiar portrait of oneself is being formed at present.

Being initially studied by philosophers (Taylor, 1989), the concept of identity has expanded the boundaries of its word usage to popular editions such as “Know yourself” or self-teaching books of Dale Carnegie style. At the same time, the understanding of the discursive embodiment of identity, i.e., its formation and assertions through the text, has been established in science (Derrida, 1976). Communicative acts are the only thing that reveals the facets of the human self. The essence of a person is embodied in his or her communication (Vačlavik, 2000: 61). This leads to the idea that a speaking person can imitate identity, appear to be someone he/she is not, mislead or copy one’s ideal. Acting as a profession is entirely based on the formation of false identities through the actualization of texts written by others.

Imitation of identities forms the phenomenon, which in modern sociolinguistics is called commodified identities (Benwell, 2002: 431), that is commercialized identity, turned into a commodity. In this case, artificially formed identities are shown as a product of advertising. A real man, a real woman, a caring mother, an ideal housewife, etc. — non-existent characters, they are created by the authors of advertising texts. Another type of artificial identity is virtual (Gergen, 1996: 136), i.e. identities created as a result of self-presentation (Belova, 2014: 68) in computer-mediated communication. In general, the concept of self-presentation is related to the concept of identity, they border on each other or even merge together in several communicative contexts. Our sculptor presents himself as Japanese and appears to be Japanese when it comes to his roots and traditions of his country. He also feels like a Frenchman and testifies to this when it comes to his daily life in Paris, family and professional activities.

Among all aspects and types of identity as a social phenomenon, cultural identity dominates in the broad sense of the term, thus identifying oneself with a certain cultural or subcultural society. Since “language is intimately connected with culture: it grows into it, develops in it and expresses it” (Maslova, 2001: 9), any text is a conductor of cultural identity. It is important to note that cultural identity is a hierarchically complex, heterogeneous concept. This is not only ethnocultural but also multiple-subcultural identity. Which identity explicates the discourse of an American IT student, an ethnic Korean woman, a member of the rockers’ club? That of title nation, minority, IT-professionals, rockers, women, youth? On the one hand, it certainly represents a certain conglomerate of cultures, and, on the other, each generated text has a cultural dominant corresponding to the communicative context.

It is obvious that the concept of monocultural identity has the right to exist only in terms of ethnocultural identity. But it is not that simple either. In today’s world, which is subject to globalization processes, the expansion of the English language, the splattering of computer terminology and netiquette (and again, it is English) to offline communication, visible multicultural identity may be a chimera. True multicultural identity as a result of primary socialization in the territory of cohabitation of two or more

ethnic groups (typical for a number of regions of the Russian Federation, the region of Belarusian-Polish-Lithuanian trilingualism, former colonies, etc.), education in a bilingual family or entering into new cultures (and learning new languages) during life, are described by specialists in cultural linguistics, cognitive linguistics, bilingualism, language interference. The phenomenon of language and culture, which we will call a pseudo-multicultural identity, remains poorly understood. Its most vivid manifestation can be observed in the verbal context of the urban landscape, which confirms the statement of Y.E. Prokhorov saying that “language has begun to operate in a completely different reality” (Prokhorov, 2017: 7).

The landscape of each city is multifaceted both structurally and functionally. Its components depend on age, status and history. Cities can be considered in the category of texts that are built in a new way in each era by their residents and guests. Semiotics of the city as a cultural space is an extremely wide and multifaceted sphere, focused on the symbolism of the city and the ideas embodied in the image of the city through the prism of the mentality of the ethnic group and the era. The city as a space endowed with meanings (macrotext) and elements of this space (microtext) in the last decades have attracted attention of scholars who consider it from the standpoint of philosophy, culture and architecture. We see the terms: phenomenology of the city, physics of the city, metaphysics of the city, the mythology of the city. Paying tribute to the concepts of the city-myth, city-idea, city — cultural text, city — media message, we note that they considered the city mainly as an artifact, non-verbal essence. Beyond the limits of scientific interest remains the city-text, the city-message in its direct visual verbal representation.

It is a city embodied in the words that we read in its streets and that represent the city in a certain key, changeable and subject to fashion. Such words are presented on the billboards, ads, leaflets and flyers and — first of all — on the signboards, representing a message to the target audience, which is essentially a product of the act of self-presentation.

A significant part of the messages — the signs accompanying a person on his/her way along the city streets, is designed for a person familiar with other languages (mainly English) and with certain elements of the English-speaking everyday culture. It is assumed that a city dweller, a native Russian speaker, is familiar not only with English words, but also with English definitions of goods and services offered by the authors of the respective names. In the list of services of a beauty salon placed in a show-window *Double Job* appears. Double — what? The word *job* has several meanings, some of them are not always convenient to discuss in a decent society. In fact, it refers to the simultaneous performance of manicure and pedicure. You can learn this only by experience, having once visited the salon. Michel Foucault (Foucault, 2002: 27) wrote that identity is shaped by discourse. What kind of identity can be formed by such messages? A single, cosmopolitan culture (regardless of its evaluation aspect — whether it is good or bad) can be formed either on the basis of deep interpenetration of cultures, or on the basis of absorption of one of the cultures, which has repeatedly happened in the history of mankind and has never been perceived as a positive process (Dronenko, 2003: 34). The patchwork “multiculturalism” we observe does not expand the boundaries of cultural competence, and often misleads the audience about unfamiliar and therefore attractive words and concepts. New phraseological units are born, about which native English speakers have no idea, new

meanings of words and phrases appear. The mentioned *Double Job* in the English-speaking environment means nothing more than part-time work.

Linguistic vicissitudes of the urban landscape cannot be attributed to the so-called hybrid identity (Hall, 2000: 16; Habermas, 1987: 215), a vivid example of which is the German-other identity of migrants, who have a definite desire to join the society and make successive efforts to adapt to new conditions.

The coffee shop sign says *La Coffee*. The name of the drink in English follows a definite feminine article *La*, used in the Romance languages — French, Italian, Spanish. English does not have grammatical category of gender, in the Romance coffee is masculine, in Russian, which is spoken by visitors of the shop, it is also masculine or, at worst, neuter, that is not true to any of the listed languages. Is *La Coffee* a joke, a game or ignorance, the thirst for the “beautiful foreign”, regardless of meaning? As it is sung in the famous song: “Casanova, Casanova, call me so — I like the word”. If this is a joke, it should be designed for people familiar at least remotely, with two or three languages other than native. Or does the management consider decoding the name of the organization as optional for clients? If this is a game, and a game is a target activity, — what is its purpose?

The shop of expensive spectacle frames, lenses and sunglasses is called *Primaveri*. Primavera in Italian and Spanish means spring. Plural is primavere (feminine gender). There is no “primaveri” in Italian, Spanish or any other language. Again, is it the principle of “I like the word”?

There is a restaurant called *L'angolo Italiano* at the corner of two streets. If the owners decided to call it not *Итальянский уголок*, which would be quite natural in the Russian-speaking environment, but the way it was called, did they count on a full understanding of the meaning of this phrase, or just intended to “sound Italian”? These kinds of questions can be asked endlessly. The restaurant with an open grill is called *Wood and Fire*. Sounds more mysterious than just *Дрова и огонь*. *Wine and Spirits* is more interesting than *Вино и крепкие напитки*.

For ladies who want to look after their nails, there are places called *Nail Bar* or in Russian spelling *Нейл Бар*. It is assumed that a native Russian speaker should, firstly, know what the word *nail* means, and, secondly, understand why in this context it coexists with the word *bar*, which is more commonly associated with another situation. And there is a *Нейл Лаундж*, *Nail Time* and *Nail студио*. *Nail Bar* is not the only bar that is supposed to take care of a lady. You can see the *Brow Bar* (this is about eyebrows) and *Вакс бар* (waxing studio). If the *Nail Bar* is a nail salon, the salon for the sale of flowers can be called *Flower Bar*. But unlike the first “bar”, there is no such combination of words in English-speaking countries. There is a *Flower Shop* or *Florist*.

Barbershop or *Барбершоп* invites men to have their hair cut. There is also an option *Cut Barbershop* — which is meaningless and untranslatable, but, obviously, sounds good in the opinion of owners. Another refinement of this kind is *Firm Barbershop*. It can be assumed that “branded haircut” with the non-terminological meaning of the word “branded” is meant. There is also a *Chop-Chop* (among other meanings — the sound made by scissors) *Barbershop*. On the signboard of the women’s hair salon we read *Hair Gloss*, i.e. hair shine, type of care fluid, a common term. What is it for in its English version on the signboard — we might want to ask again.

There is also a network of salons with the extravagant name *Bigudi* (hair rollers), executed with two code switchings — БиGOODи. This is clear influence of the computer-mediated communication, for which this kind of creolization is typical.

The auto repair service keeps up with restaurants and beauty salons, with the only difference that English-like words are presented in Russian spelling: *Автоаларм* (car alarm), *Воркшоп* (meaning “workshop”), *Лост Кей Сервис* (obviously “lost key” [ki:]), *Майкар* (my car), *Ренаур* (approximately “repair”), *Профикей* (no idea).

Lawyers and law firms also give in to temptation of obscure magic for the philistine, but fashionable words. So instead of *Н...ов и сыновья*, *Н...ов и партнеры* appear *Дефан-дер* (one must think from “defender” — a lawyer, a human rights activist) or *Пьюрити* (purity) — which, generally speaking, sounds grotesque for a law firm. Another practitioners’ invention is the name *Эйзед Консультант* (just in this spelling). The authors mean A—Z, the English names of the first and last letters of the Latin alphabet. The idea is *Консультирование от А до Я* (*Consulting from A to Z*), but for Russian language speakers, such a name is obviously too simple.

The style in this regard is set by popular articles, which are full of analogues of quite familiar Russian words and phrases. Законодатели моды (trend setters) become the trendsetters, полезные советы (helpful tips) — lifehacks with incredible frequency.

English dominates on posters announcing musical events:

УРИАН НЕЕР: the greatest hits. ЖИВОЙ звук.

Lords of Sound: symphony of justice (?).

Christmas voices.

Manowar. Final Battle. Прощальный тур.

The good old word *пекарня* obviously went out of style, too. It was replaced by English *bakery*, written in Cyrillic. *Голден Бейкери* — the golden bakery, *Бейкери дю Солей* — the French language successfully invades this name (du soleil — owned by the sun, sunny). Obviously, the callers borrowed this part of the name of the famous Canadian circus. There is also an option in Latin — *Bro Bakery*.

The abundance of foreign language and pseudo-foreign designations in the streets of our cities suggest a certain demand for such names. Such kind of demand can exist in a bilingual zone (which is not true in the case of Italian, French, English and English-like names), its history (the establishment of English or another language as second — the result of colonization) or claims to cosmopolitanism or some kind of internationalism. These names cannot be regarded as a markers of the multicultural community, since the names under discussion do not act as signs of the another culture assimilation. Russia has already seen a period of anglomania (as well as francomania), but it concerned a narrow social stratum and was a real example of entering another language and culture.

In contrast to the actual multicultural and hybrid identity, the phenomenon of pseudo-multicultural identity should be recognized as a destructive phenomenon of the Russian-speaking communicative space. It is not only detrimental to the Russian language and culture, but also causes false assumptions and unjustified expectations about other languages and cultures. Russian speakers are already accustomed to the false-foreign cultural environment of our cities, free use of foreign words and foreign cultural phenomena, violations of the relationship between sense and meaning, the mission of

the institution and its name, language and culture. Neglecting our own culture, we do not attain what belongs to other cultures.

The sculptor N managed to combine in his personality everything that Japanese and French cultures offer: collectivism and individualism, freedom and tradition, severity and refinement. And he speaks French without errors.

Conclusion

The intrusive introduction of unsuccessful imitations of foreign words and foreign cultural realities into the collective consciousness of the target audience leads to the formation of what the author of the article suggests to call pseudo-multicultural identity. The latter arises in a situation where the individual feels immersed in a multicultural communicative space, which in fact it is not the case.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
- Белова К.А.* Интернет-дискурс Беларуси в социолингвистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2014. 173 с.
- Боас Ф.* Методы этнологии // Антология исследований культуры. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1997. 728 с.
- Дроненко Д.М.* Национально-культурная идентичность как социально-философская проблема: дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2003. 163 с.
- Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- Маслова В.А.* Введение в лингвокультурологию. М., 1997. 206 с.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Потебня А.А.* Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. 184 с.
- Прохоров Ю.Е.* Дискуссионный монолог о диалоге культур // Диалог культур. Культуры диалога: человек и новые социогуманитарные ценности. М.: Форум; Неолит, 2017. 424 с.
- Психология межличностных коммуникаций / сост. П. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон. СПб.: Речь, 2000. 310 с.
- Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 284 с.
- Benwell B.M.* Constructing discussion tasks in university tutorials: shifting dynamics and identities // Discourse Studies. 2002. Vol. 4. Iss. 4. Pp. 429—453.
- Derrida J.* Of grammatology. MD; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976.
- Foucault M.* Archaeology of knowledge. New York: Pantheon, 2002. 245 p.
- Gergen K.J.* Technology and the self: from the essential to the sublime // Constructing the self in a mediated world / Eds. D. Grodin, T.R. Lindlof. London: Sage, 1996.
- Habermas J.* The theory of communicative action. In 2 vols. Vol. 2. London: Heinemann, 1987.

- Hall S. Who needs identity? // *Identity: a reader* / Eds. P. du Gay, J. Evans, P. Redman. London: Sage, 2000. Pp. 15—31.
- Hymes D.H. An ethnographic perspective // *New Literary History*. 1973. Vol. 5. No. 1. Pp. 187—201. The Johns Hopkins University Press.
- Saville-Troike M. *The ethnography of communication: an introduction*. University Park Press, 1982. 290 p.
- Taylor C. *Sources of the self: the making of modern identity*. MA; Cambridge: Harvard University Press, 1989.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.10.2018

Дата принятия к печати: 25.12.2018

Для цитирования:

Поплавская Т.В. Поликультурная идентичность в контексте городского пейзажа // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. С. 213—228. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-213-228

Сведения об авторе:

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета, член ВАК РБ, руководитель исследовательской группы «Языковая ситуация в Беларуси: межкультурный аспект» (Минск, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов*: коммуникативное пространство, коммуникативные стратегии, организационная коммуникация, межкультурная коммуникация. *Контактная информация*: taniapoplavskaja@gmail.com

References

- Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Belova, K.A. (2014). *Internet-diskurs Belarusi v sotsiolingvisticheskom aspekte* [Internet discourse of Belarus in sociolinguistic aspect] (Candidate dissertation). Minsk. (In Russ.)
- Benwell, B.M. (2002). Constructing discussion tasks in university tutorials: shifting dynamics and identities. *Discourse Studies*, 4, 429—453.
- Boas, F. (1997). *Metody etnologii* [Methods of Ethnology]. *Antologiya issledovanii kul'tury* [Anthology of Cultural Studies]. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga Publ. (In Russ.)
- Derrida, J. (1976). *Of grammatology*. Baltimore: Johns Hopkins University Publ.
- Dronenko, D.M. (2003). *Natsional'no-kul'turnaya identichnost' kak sotsial'no-filosofskaya problema* [National and cultural identity as a socio-philosophical problem]. (Candidate dissertation). Volgograd. (In Russ.)
- Foucault, M. (2002). *Archaeology of knowledge*. New York: Pantheon Publ.
- Gergen, K.J. (1996). Technology and the self: from the essential to the sublime. *Constructing the self in a mediated world*. London: Sage Publ.
- Habermas, J. (1987). *The theory of communicative action*. In 2 vols. London: Heinemann Publ.
- Hall, S. (2000). Who needs identity? *Identity: a reader*. London: Sage Publ.
- Hymes, D.H. (1973). An ethnographic perspective. *New Literary History*, 5(1), 187—201. The Johns Hopkins University Publ.

- Krasnykh, V.V. (2002). *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektsii [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: lecture course]*. Moscow: Gnozis Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (1997). *Vvedenie v lingvokul'turologiyu [Introduction to cultural linguistics]*. Moscow. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii [Cultural linguistics: manual for higher educational institutions]*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.)
- Potebnya, A.A. (2000). *Simvol i mif v narodnoi kul'ture [Symbol and myth in folk culture]*. Moscow: Labirint Publ. (In Russ.)
- Prokhorov, Yu.E. (2017). Diskussionnyi monolog o dialoge kul'tur [Discussion on the dialogue of cultures]. *Dialog kul'tur. Kul'tury dialoga: chelovek i novye sotsiogumanitarnye tsennosti [Dialogue of cultures. Culture of dialogue: people and new socio-humanitarian values]*. Moscow: Forum; Neolit Publ. (In Russ.)
- Saville-Troike, M. (1982). *The ethnography of communication: an introduction*. University Park Publ.
- Stepanov, Yu.S. (2007). *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii [Concepts. Thin film of civilization]*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ. (In Russ.)
- Taylor, C. (1989). *Sources of the self: the making of modern identity*. Cambridge: Harvard University Publ.
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology: semantic, pragmatic, and cultural linguistic aspects]*. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Vatslavik, P., Bivin, J., & Jackson, D. (2000). *Psikhologiya mezhlchnostnykh kommunikatsii [Psychology of interpersonal communications]*. Saint Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 15.10.2018

Accepted: 25.12.2018

For citation:

Poplavskaja T.V. (2019). Multicultural identity in the context of urban landscape. *Russian Language Studies*, 17(2), 213—228. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-213-228

Bio Note:

Tat'yana Viktorovna Poplavskaja, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Speech and Communication Theory, Minsk State Linguistic University, member of the Higher Certification Commission of the Republic of Belarus, head of the research group “Language situation in Belarus: intercultural aspect” (Minsk, Republic of Belarus). *Research interests:* communication space, communication strategies, organizational communication, intercultural communication. *Contact information:* taniapoplavskaja@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-229-242

УДК 811.161.1

Специфика языка русской сетевой поэзии

Ю.В. Бартош

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

В статье дан анализ языковых средств современной сетевой поэзии, активно развивающейся в интернете, имеющей миллионную читательскую аудиторию. Являясь разновидностью массовой литературы, сетевая поэзия постепенно влияет на языковую действительность через массового же читателя. Поэтому исследование такого «неформатного» творчества представляется актуальным: впоследствии оно может стать материалом для новой поэтической теории, необходимость в которой назрела. Материалом для исследования послужили поэтические тексты, опубликованные на интернет-сайтах («Стихи.ру», «Изба-Читальня» и др.) и в тематических группах в соцсетях («Рифмач», «Филашки», «Артишок» и др.). Цель статьи — выявить специфику языка сетевых поэтических текстов, проанализировать случаи нетрадиционного использования языковых средств, с помощью которых создается современная сетевая поэзия. Несомненно, не только интернет-авторы ищут новые формы и методы, однако именно сетевые поэты осознанно нарушают любые нормы — стихосложения, языка, привычную структуру текста — с целью вскрыть имеющиеся потенции языка. В ходе исследования было выявлено, что в рамках сетевой поэзии идет многочисленное экспериментирование с жанрами и языковыми средствами, что отражается в графическом оформлении текста (например, графические символы в нетрадиционной функции), специфических особенностях лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса.

Ключевые слова: русский язык, языковые особенности, сетевая поэзия, сотворчество автора и читателя, жанр, новые жанровые формы

Введение

Интернет породил глобальные изменения нашей жизни, которые имеют как позитивные, так и негативные стороны. Во-первых, на несколько порядков увеличился поток информации, которую современный человек не в состоянии прочесть и применить. Во-вторых, возросшие возможности коммуникации привели к тому, что интернет стал одним из ведущих коммуникативных пространств, в котором сосуществуют различные формы общения: индивидуальные, межличностные, групповые и т.д. Он стал не только средством общения, но и медиа, и СМИ. Он стирает географические границы, в значительной степени нейтрали-

© Бартош Ю.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

зует социальные и национальные различия собеседников, позволяет начать общение даже с абсолютно незнакомым человеком, что, безусловно, расшатывает коммуникацию вообще. Согласно феноменологии, присутствие двух коммуникантов в едином времени и пространстве порождает эмпатию (Разеев, Гуссерль, 2004), т.е. психическое переживание, сочувствование состоянию собеседника. Компьютерное общение, не требующее общего пространства и времени, стимулирует отказ от живого общения в пользу виртуального, что, в свою очередь, приводит к нежеланию эмоционального взаимодействия с возможным собеседником, утрате ответственности за это общение. А ведь человеку присущи три взаимосвязанные ипостаси: интеллект, эмоции, воля.

Легкость доступа к необъятному потоку информации, который пугает своими масштабами и колоссальным ростом, вкупе с гашением эмоциональной сферы привели к снижению когнитивных способностей современной молодежи. Несмотря на колоссальные возможности, предоставляемые интернетом, растет малообразованное поколение (Bauerlein, 2008; Kapp, 2012).

В-третьих, идет круглосуточный показ личной жизни: в соцсетях наблюдается рост заикленности на «себе любимом»: 20 % населения Земли описывает детали своей текущей жизни и ставит друг другу 3,5 млн лайков. Работать и размышлять о важном некогда. Каждый день в Инстаграм загружается 80 млн фотографий (Кемп, 2018). Что это — повальное психическое заболевание? Таким образом, интернет стал виртуальной социальной средой, в которой современный человек живет, устанавливая разного рода социальные связи.

В-четвертых, интернет породил мощный поток сетевой литературы и, с одной стороны, виртуального автора, с другой — безавторскую литературу (поэзию). Это, в свою очередь, принесло множество проблем, которые на сегодняшний день не имеют решения.

Отсюда наш интерес к сетевой поэзии. Основанием для выбора данной темы послужила неудовлетворенность современным состоянием лингвоэстетики и поэтики. Консерватизм идей в лингвопоэтике не пытается (да и не способен) объяснить современное состояние неклассической, авангардной поэзии. Говоря об интернет-поэзии, мы имеем в виду не электронные копии традиционной бумажной поэзии. Это новый тип русской поэзии, созданный в сети при помощи компьютерных технологий и ориентированный на сетевого читателя.

Публикация поэтических текстов в Интернете в последние десятилетия стала распространенным явлением. Сайты с бесплатным размещением произведений, интернет-сборники, блоги — все эти возможности интернета охотно используют как поэты-любители, так и признанные авторы. Для обозначения данного явления существует несколько терминов: интернет-поэзия, сетевая поэзия, социально-сетевая поэзия и др. Мы выбрали один из них — сетевая поэзия.

Цель

Цель настоящей работы — выявить специфику формы и содержания сетевой поэзии, показать возможности нетрадиционного использования языковых средств, с помощью которых создается современная сетевая поэзия.

Методы и материал

В качестве методов использовались лингвокультурологический анализ текста, неструктурированное наблюдение, комментирование, качественный анализ материала. Материалом для исследования явились поэтические интернет-сайты («Стихи.ру», «Имба-Читальня» и др.) и тематические группы в соцсетях («Рифмач», «Филашки», «Артишок» и др.).

Результаты

Появление сетевой поэзии — закономерный процесс нашей жизни. Представляя собой особую среду, в которой автор и читатель тесно взаимодействуют посредством рецензий, сетевая поэзия переносит акцент с результата творчества (поэтического текста) на сам процесс сочинительства и превращает читателя в соавтора. То есть в данном коммуникативном пространстве ведущей является та модель передачи/восприятия информации, при которой совмещаются установки и на «максимальное понимание», и на «выработку новой информации» благодаря «нетривиальному сдвигу значений», при котором «текст всегда знает больше» (Лотман, 1981: 13) посредством коллективного читателя. Кроме того, для сетевой поэзии характерны следующие черты: отсутствие редакторов и, как следствие, — большая свобода в выборе темы и формы, возможность корректировать текст уже после его опубликования, гипертекстуальность, мультимедийность, поликодовость, использование особого рода языковых средств. Так, широко используется особое графическое оформление текста (например, графические символы в нетрадиционной функции), наблюдаются специфические особенности лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса.

Обсуждение

Элементы новаторства существовали во все времена. Н.С. Трубецкой еще в конце прошлого века написал: «Если бы Пушкин прочел Хлебникова, он просто не счел бы его поэтом» (N.S. Trubetzkoy's letters..., 1975: 17—18). Но нельзя превращать самого Пушкина в эстетический шлагбаум, который бы не пропускал всякого ищущего.

Задача исследователей — изучать данное явление. Поэзия, став доступной каждому пользователю, преобразовывается и находит новые формы, адаптируя язык под новые нужды. И здесь многое дает синтез литературы и технологий.

На начальном этапе шла интересная «визуализация» поэзии, то есть соединения стихотворения с компьютерными технологиями. Например, фигурные стихотворения, которые написаны таким формальным способом, что порождают рисунок звездочки, снежинки, солнышка с лучами. Так уже было в истории поэзии, например у С. Полоцкого (Маслова, 1999).

Теперь же возник ряд жанров, где используется визуальный канал, но это все еще примитивная визуализация (см. рисунок). Примером может служить сообще-

ство «Рифмач», поэтические тексты которого очень популярны в интернете. Они являются синтезом вербального текста, фотографии и рисунка. Автор может дать даже музыкальное или анимационное сопровождение стихотворения.

ГМО нам повсюду мерещится,
И еда к сердцу тянет отросточек,
Но в ответ на арбузы без семечек
Есть в продаже

Рисунок. Пример визуализации поэтического текста¹

Сетевая поэзия имеет свой формат. Это «экран» — количество текста, помещающегося в одну экранную страницу компьютера, то есть эстетическая норма сетевого поэтического текста прямо пропорциональна его краткости. Важнейшие отличительные черты, кроме объема, — гипертекстуальность, возможность вносить изменения в авторский текст, то есть некоторая коллективность творчества, динамичность сотворческих процессов. Мы определяем сетевую поэзию как вид сетературы, который представляет собой размещаемое в Интернете на специализированных сайтах/площадках поэтическое творчество, созданное при помощи компьютера (другой техники) и предназначенное для прочтения сетевыми читателями (при этом полноценное прочтение сетевых поэтических текстов возможно лишь в интернет-пространстве).

Важнейшая черта современной сетевой поэзии — это гипертрофированная роль читателя, фактически — сплав поэта, читателя с его откликами-рецензиями и самого поэтического текста. Сетевое стихотворение интерактивно, оно может неоднократно редактироваться автором после публикации (в том числе с учетом читательских замечаний), оно нередко мультимедийно и гипертекстуально. Читатель особенно активен в интернет-поэзии: он редактирует чужие стихи, здесь же пишет рецензии на них, голосует за помещение стихотворения в «золотой фонд» сайта.

Отношение к сетевой поэзии в обществе, среди читателей и критиков различно: интернет-читателями она воспринимается как продолжение литературных традиций, а современными критиками оценивается как «дилетантская», «недопоэзия», которая вписывается в концепцию массовой литературы (Лотман, 1997). Однако нельзя отрицать, что сетевая поэзия «усложняет языковую реальность»,

¹ Рифмач. URL: <https://vk.com/refmac> (дата обращения: 21.12.2018).

оказывая влияние на литературный язык «уже в силу своей массовости» (Солганик, 2010).

В сетевой поэзии активно вырабатываются новые формы, жанры, идут эксперименты с силлабо-тоникой. Так, в современной интернет-поэзии возник ряд новых жанров: пирожки, порошки, депрессяшки, артишоки, филашки и др. Их объединяет малый объем, но они различаются по содержанию и средствам презентации. Например, главный смысл в «пирожках» выражен в последней строке, что является особенностью данного жанра:

вознесся в небо иннокентий
следом за ним вознесся Петр
затем низвергли их обратно
чтоб заплатили за батут (Бойко Алексей)¹.

Собрана целая книга для «пирожков» — «Непоэзия. Избранные пирожки», которую издал В. Кунгуров в соавторстве еще с четырьмя сетевыми поэтами. И все это имеет своего читателя, востребовано обществом.

В отличие от остальных малых сетевых форм, филашки пишутся с соблюдением норм орфографии и пунктуации, а по форме и содержанию напоминают частушки:

Говорю я Васе: «Ишь!
Сейф завел, что в нем хранишь?»
Вася важно отвечает:
«Там мой драгоценный шиш».
© Мудрый Кот²

Как видим, у сетевой поэзии сложные отношения с «бумажной» поэзией: с одной стороны, идет преемственность традиций, с другой, — одновременное их отрицание, неприятие. Преемственность и отрицание традиций удивительным образом сочетаются в поэтических текстах, традиции не отменяются полностью, а трансформируются, как будто авторы не до конца уверены, подходит ли существующая литературная модель для сетевой поэтической коммуникации. Сетевая поэзия — это элемент массовой культуры, но в определенном коллективе она осознается как культурно полноценная.

Эксперименты с поэтическими текстами стимулируют тщательный отбор средств для реализации задуманного, что отражается и на языковых средствах. В проанализированных нами текстах встречаются различного рода манипуляции знаками всех уровней языка — от фонетического до интертекстуального. Рассмотрим некоторые из них.

Не представляется возможным говорить о непосредственно фонетической языковой игре, скорее, это усиление манеры говорения:

1) растягивание фраз, гнусавость, заикание, картавость и так далее: «Каждая на тооненькой ниточке висит» («Ночь над городом моим склонилась», Надежда

¹ Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 21.12.2018).

² Филашки. URL: <http://vk.com/filashki> (дата обращения: 21.12.2018).

Дикань), «Короче, воли не видать. Швабода — / одна на всю на Дураков Страну» («Синдром Буратино», Колюня Былтаков), «”июдя де будет, до я за дего”, — / апрель просморкался нос вытер / и свитер свой снял чтоб надеть под него / свитер © абэ»¹;

2) передается крайняя напряженность звучания речи: «мне не подняться, / черррез не могу / ползу до крови закусив губу» («Беги», Андрей Писной), «Рояль рррастроен» («Пианист», Полак)²;

3) создается аллюзия на прецедентную личность через имитацию фонетических особенностей речи, например, фонетические особенности речи В.И. Ленина являются часто затрагиваемыми: «ВпеГёд, товаГищи!» (Иопушкин), «товагищи» (Правдорубыч), «Уга, товагищи!» (Арсений Платт), «Гечь ВИЛа на юбилейном пагтсьезде» (Андрей Петров 28), «Слава Олимпиаде, товагищи!» (Фёдор Резник)³ и множество подобных.

Данные манипуляции призваны привнести экспрессию и обратить внимание на форму построения поэтического текста благодаря трансформации общепринятой нормы, что дает нам основание рассматривать такие отступления в контексте языковой игры (Арутюнова, 1999). Подчеркнем, что речь идет не о «девальвации языковой нормы» (Кудряшов, Калашникова, 2015а), а об осознанном ее препарировании с целью выявления языковых потенций. Каждый уровень отступлений от норм имеет свои особенности.

Графические редакторы, предлагаемые компьютерной индустрией, имеют множество функциональных возможностей, которыми пользуются сетевые поэты. Нами были выявлены различные графические особенности, которые включают в себя следующее:

1) оформление строки с применением средств обработки графической информации, например:

```
если ты когда-нибудь увидишь это  
в небе...  
>>>>>>>>>>>>>>>  
значит скоро, между желтых листьев, стая  
диких птиц, взбираясь на унылых песнях  
прокричит последнюю улыбку (Евгений Журавли)4;
```

2) применение символов, доступных в любом графическом редакторе, в несвойственном качестве. Самые распространенные символы — [], /, __, +, =, < >, *, @, # и {}. Приведем несколько примеров⁵:

```
Ни/кто и ни/когда не/писал для него столько стихов?..  
Только она, которая = внутри до выжига самовойна..  
(Виттка, «о них. о нас»);
```

¹ Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 21.12.2018).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

...это мое новое кредо, меняю пол на [без]полость — потолок всего лучше...

(Настя Чаплин, «Моя немая Чарли»);

все детали в моем жж. бумажно.

[м-о-н-о-т-о-нн-о] и [в-л-а-ж-н-о].

(Настя Чаплин, «Подожвы»);

Не ___ молчи ___

Я устала гудки телефонные слушать...

(Только Твоя Девочка, «не молчи!»);

Проще

=====*Ничего не делать*=====

=====*ВСТАНЬ СМЕЛО!*=====

За дело!

(Бунтарез, «Проще. Молча. Быть бездельником»);

3) запись стихотворений в прозаическую строчку с сохранением ритма и рифмы, например у Светланы Лаврентьевой:

Он всегда выходил из истории с продолжением, доставал гитару, вставал у дворцовой паперти, и бегущие мимо меняли свое движение, и садились у ног, и платили словами памяти. И такое с городом происходило странное, и в такой глубине нас учили тогда прощению, что всего не вмещали ни рамки твои экранные, ни мои границы в текстовых сообщениях. С крыши Главного штаба в небо бежали лошади, шпили резали вечер на алые ленты узкие.

Мы лежали рядом в каменном море площади.

Качались на волнах его музыки¹.

Орфографические отступления, ввиду отсутствия цензуры и редакторов, зачастую связаны с неграмотностью и являются ошибками. Однако некоторые орфографические отступления могут быть объяснены и иными причинами, в частности, использованием «олбанского языка» или же особой интернет-орфографией. Сравним у автора с ником Гала Цзы Глюк в интернет-стихотворении «анти-себя-тина»:

вот светлакожьи пальцы (сваи) вазлажыл я на клави —
взялся дурак васпевать было славного года ражденье —
клава жэ прытью нималой столь знатная ране застыла —
нет и нибудит — капризна скрипела — нибудит прашенья
пальцам-изменикам...²

Такая орфография помогает создать иллюзию былины, что тоже есть факт языковой игры.

Еще одна орфографическая особенность сетевых поэтических текстов — это написание названий стихотворений со строчной буквы. Связано это не только с отсутствием автозамен в редакторах сайтов сетевой поэзии, но и с желанием

¹ Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 21.12.2018).

² Там же.

экономить время на наборе текста, задумкой передачи потока сознания. Иные мотивированные орфографические трансформации тесно связаны с другими уровнями языка (например, написание «мАлоко», мотивированное малым количеством, представляет интерес с точки зрения «орфографо-семантического наложения»). Однако следует уточнить, что намеренные орфографические отступления наблюдаются у ограниченного круга сетевых поэтов (Гала Цзы Глюк, Азачем Азачемов, Андрей Сочинялкин, Зымний Сайд-Кло Унд и др.).

Лексический уровень специфического использования языковых средств в сетевых поэтических текстах представлен целым рядом стилистических приемов, который, помимо метафоризации и метонимии, включает: каламбур — «он никогда не бросал курить. она никогда не бросала трубки» (“kislород”, Марлен Де Смайл), параномазия — «май намаялся без меня» («самолеты», Марлен Де Смайл), малапропизм (англ. malapropos — сказанное некстати слово) — «Забыв о чёрствой пряничной земле...» («Горшочек, не вари!», Гаэтан) и неоднозначность — «и залем (как соседей на прошлой неделе) обиды» («остаться Д», Лена Луна)¹.

Фразеологические трансформации наиболее активно задействованы сетевыми поэтами: «Не садись не в свои “Нисаны”» («Из чёрного юмора», Дина Немировская)², «и свой лоб расшибать на бис. / об одни и те же, родные до боли грабли» (в стихотворении «у меня все ОК*ей» автор с ником Лилу контаминировала фразеологизмы выйти на бис, наступить на грабли и расшибать лоб), «Мы же — дети-в-руке-по-синице» («на стыке губ и сигареты», Шестиструнная Осень), «я первый лишний» («Ласточки носятся..., Даша Сониная») и др.

Словообразовательный уровень представлен различными типами словотворчества: «Рванодымные ветви» у Glupets, «девочка — “недолюболь”» («девочка-недосчастье», Марлен Де Смайл), «Стенокусанье» у Афро-Мэри, «хвост засахаренной кры» у Дины Немировской, «белоклавишно», «белонитково-исшитая» у Дан Кешона, «Кряхтя, снеготыча, что мир тесноват», «снегурную масть» («Игрушка-Зима», ЕИ), «Нас пилатит, каифит, иудит» («Смерти нет, просто тело земное...», Алексей Шмелев)⁴ и др.

Специфична и грамматика сетевой поэзии. Морфологические отклонения представлены ограниченным числом моделей, например:

— употребление существительных *singularia tantum* в форме множественного числа («Ваши правды, пусть тысяч сто их» у Олега Дарума в стихотворении «Истина», «где у ней, скажите, вот, кровь и мясы?/ Где у ней сияние первых вёсен» у Екатерины Ливанской, «Придумаю Небы, / И Ангелов в Небах, / И Луки!» у Александра Осень и т.д.)⁵;

— изменение рода существительного: «Мой фортепьян отчаянно пожил, / все более напоминает гроб» у Елены Горбач, «Я церковный мыш из подпольно-обжитых мест» у Натальи Захарцевой, «.../43 осколка мыслей медленно кладутся на

¹ Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 21.12.2018).

² Изба-Читальня. URL: <https://www.chitalnya.ru/> (дата обращения: 21.12.2018).

³ Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 21.12.2018).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

асфальт // Каждая осколка помнит... больше, / Чем все те, что перестали заезжать» («Заметно. 44», Руслан Глюк-Фонарь)¹ и др.

Синтаксис и пунктуация также имеют свои особенности. К примеру, в однородный ряд авторы ставят слова, которые характеризуют явление с разных сторон, а потому с точки зрения нормы языка не могут быть однородными: «Я по горло в зиме и чае» («Мимо указателей», Шестиструнная осень), «когда в голове стоит гул. / в комнате стол, / я / и стул» («omnibus», Сид Вэйн), «вторую неделю просыпаю рассветы и сахар мимо / час за часом. ложка за ложкой / вызови неотложку...» («Вну три», Марлен Де Смайл), «Понимаешь, я выросла. Жмут до мозолей туфельки, / Отношения, принципы, трафики, воспитание» («Выросла...», Сахара), «один / в оранжевой тюремной робе / второй — в слезах» («Идентификация», Вечный Кай)². В связи с небольшим объемом (окно экрана) в стихотворениях практически отсутствуют сложные предложения.

Интертекстуальные «вкрапления» нацелены на «усредненного» массового читателя, поэтому находятся в зоне литературного комфорта и рассчитаны на легкую узнаваемость. Так, автор Дара Ветер в стихотворении «Так они лежали с» отсылает нас к советскому мультфильму «Винни Пух и все-все-все»:

Спи, Пятачок.
У них там обоймы пчел,
Целый улей пуль,
Чтобы на нас науськать.
Дом проглотил стекло,
И уже к утру
Колется под ногами
Скрипящим хрустом.
Спи, Пятачок.
У меня есть небесный шар
И целый земной,
Чего мне еще хотеть.
Пчелы жужжат, пчелы ко мне спешат,
Спорим, я тучка, тучка, а не медведь³.

Многочисленные примеры экспериментов над языковыми единицами дают основание полагать, что, помимо традиционных языковых средств создания образности, сетевые авторы активно ищут новые, более подходящие сетевому коммуникативному пространству, более адаптированные под сетевое общение посредством поэтических текстов, более близкие и понятные сетевому читателю. В определенной степени это не может не радовать. Русский язык активно развивается, и «русистика как научное направление продолжает свое существование в современной коммуникации, многоязычном пространстве в целом» (Стрельчук, 2018: 22).

Сетература, как всякая массовая литература, выступает и критиком существующих теорий, и их имитатором. Это подтверждается опросом, проведенным на

¹ Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 21.12.2018).

² Там же.

³ Там же.

сайтах «Изба-Читальня» и «Стихи.ру», показавшим, что сетевые авторы в равной степени считают творчество, размещаемое на названных сайтах, как традиционной поэзией («черновиком» бумажной поэзии, альтернативным носителем поэзии), так и принципиально отличающимся типом/направлением поэзии (с отсутствием редакторов, свободой, более живым автором и читателем, интерактивным «беловиком», возможностью корректировать текст неоднократно уже после опубликования).

По мнению сетевых авторов, эта поэзия имеет как положительные, так и отрицательные моменты. К положительным следует отнести мгновенность печати, большую творческую свободу, широчайшие компьютерные возможности, коллективное творчество и др. Отрицательные черты: отсутствует аура печатного текста (тактильные ощущения, запах бумаги и т.п.), обилие «мусора» и графоманства, клоны одного автора, погоня за рейтингами и т.д. Важная особенность такой поэзии — возможность удалить стихотворение или даже закрыть свою страницу.

Во взаимодействии «бумажной» и сетевой поэзий наблюдается некоторая цикличность: отделившись от традиционной поэзии, создав свой индивидуальный стиль, сетевые поэты все же стараются издать собственные «бумажные» сборники. Прозаик, литературный критик Андрей Тимофеев называет данное направление «новым традиционализмом», для которого характерна «ориентация на магистральную линию русской литературы» (Тимофеев, 2018). В 2003 году издательство «Росмэн» опубликовало книгу «Вдох-выдох. Поэзия русскоязычного Интернета», в которой собраны стихи молодых поэтов, пишущих на русском языке, живущих в разных странах и публикующих свои произведения в интернете.

Существует и встречная тенденция, когда члены союзов писателей, уже известные «бумажные поэты», размещают свои произведения в сети, расширяя аудиторию и осваивая стилевые особенности сетевой поэзии и даже адаптируя стихотворения под сетевой формат. Данная группа авторов всегда размещает сведения о наличии бумажных публикаций. К примеру, Нина Злаказова сообщает, что она «автор книг “Абсолютное лето” (2010), “Благовещенская тетрадь” (2013), “Невечный город” (2016)» и «составитель книги “Родные рукописи”». Алисия Лис также перечисляет свои регалии: «Член Российского союза писателей, Номер членского билета: 7078, номинант премий “Поэт года 2015”, “Наследие 2016”, “Русь моя 2016”, “Поэт года 2016”, “Писатель года 2016”»¹ и др.

Как справедливо заметил член редколлегии журнала «Современная поэзия» Илья Леленков, «многие “сетевые” закончили вполне себе реальный Литинститут, издали по нескольку поэтических книг, критические статьи о которых впоследствии написали те, кто поначалу ругался. “Сетевые” поэты стали “официальными”, “официальные” же освоили сеть и с упоением ведут по два, а то и по три блога в час. Круг замкнулся...» (Леленков, 2013).

Таким образом, два потока русской поэзии — бумажная и сетевая — хотя и медленно, но движутся навстречу друг другу. Поэтому необходимо теоретическое осмысление такого синтеза.

¹ Стихи.ру. URL: <http://www.stihi.ru> (дата обращения: 21.12.2018).

Заключение

Интернетом вызвана небывалая творческая активность людей, связанная с языком, коммуникацией, литературным творчеством. В современных поэтических текстах возникли новые взаимоотношения автора и читателя. Увеличилась метаязыковая рефлексия и внимание к форме, юмористическая направленность. Изменился язык поэтических текстов, равно как и мотивы отбора (и в некотором роде критерии) языковых средств претерпевают изменения. Важнейшей отличительной чертой сетевой поэзии является то, что взаимодействие «автор — текст — читатель» трансформируется в «автор — текст — читатель — текст», то есть поэтический дискурс представлен не как «процесс и результат эстетической речевой деятельности творящего и воспринимающего сознания» (Монглиева, 2004), а как процесс и сопроцесс. Следует подчеркнуть, что возможность написать рецензию (комментарий читателя под произведением) позволяет увидеть то самое «творческое словесное целое», размышляя о котором М.М. Бахтин заметил: «Односторонность и ограниченность точки зрения (позиции наблюдателя) всегда может быть прокорректирована, дополнена и трансформирована (перечислена) с помощью таких же наблюдений с других точек зрения» (Бахтин, 1979).

Таким образом, интернет-поэзия важна и нужна. Представляя собой особую среду, в которой автор и читатель тесно взаимодействуют посредством рецензий, сетевая поэзия переносит акцент с результата творчества (поэтического текста) на сам процесс сочинительства и превращает читателя в соавтора.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бахтин М.М.* Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 270—303.
- Карр Н.Дж.* Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами (The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains). СПб.: Best Business Books, 2012. 256 с.
- Кудряшов И.А., Калашиникова А.А.* Вербально-семантический уровень функционирования языковой личности в интернет-коммуникации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015а. № 1 (17). С. 24—31.
- Леленков И.* Поэтический вечер основателя журнала «Современная поэзия». URL: <http://kultinfo.com/novosti/1341/> (дата обращения: 21.12.2018).
- Лотман Ю.М.* Мозг — текст — культура — искусственный интеллект // Семиотика и информатика. Семнадцатый выпуск. М.: ВИНТИ, 1981. С. 3—17.
- Лотман Ю.М.* О русской литературе. Статьи и исследования (1958—1993). СПб.: Искусство—СПБ, 1997. 845 с.
- Маслова В.А.* Филологический анализ поэтического текста. Минск: Белорус. респ. фонд фундам. исслед., 1999. 206 с.
- Монглиева Н.В.* Семантическое пространство поэтического дискурса: дис. ... филол. наук. Челябинск, 2004. 168 с.
- Разеев Д.Н., Гуссерль Э.* В сетях феноменологии. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004. 368 с.

- Солганик Г.Я.* Современная языковая ситуация и тенденции развития литературного языка // Вестник Московского университета имени М.В. Ломоносова. Серия 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 122—134.
- Стрельчук Е.Н., Шаклеин В.М.* Русистика живет всех живых // Cuadernos de Rusística Española. 2018. № 14. С. 15—25.
- Тимофеев А.* Роль критики в современной литературе // Вопросы литературы. 2018. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2017/3/rol-kritiki-v-sovremennoj-literature.html> (дата обращения: 21.12.2018).
- Bauerlein M.* The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone Under 30). Tarcher, 2008. 264 p.
- Керп С.* Digital in 2018: World's Internet users pass the 4 billion mark. URL: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018> (дата обращения: 21.12.2018).
- N.S. Trubetzkoy's letters and notes / prepared for publication by R. Jakobson. The Hague — Paris, Mouton, 1975. Pp. 17—18.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 06.10.2018

Дата принятия к печати: 25.01.2019

Для цитирования:

Бартош Ю.В. Специфика языка русской сетевой поэзии // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. С. 229—242. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-229-242

Сведения об авторе:

Бартош Юлия Васильевна, аспирант третьего года обучения (специальность 10.02.02 — Русский язык) Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (Витебск, Республика Беларусь). *Контактная информация:* lulka8bar86@mail.ru

Scientific article

Specific language of Russian Internet poetry

Julija V. Bartosh

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovskij Prospect, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The article analyses the linguistic means of modern Internet poetry having millions of readers and actively developing on the Internet. Being a kind of mass literature, the Internet poetry “complicates linguistic reality”, influencing the literary language “by virtue of its mass character” (Solganik, 2010). Therefore, the study of such “alternative” art seems relevant: it can later become the material for a new poetic theory becoming urgent nowadays.

The author took as the material for the study poetic websites (“Stihi.ru”, “Izba-Chitalnya”, etc.) and thematic groups in social networks (“Rifmach”, “Filashki”, “Artichoke”, etc.).

The purpose of the article is to identify the specificity of the language of the Internet poetry, analyze cases of unconventional use of language means in modern Internet poetry. Undoubtedly, not only Internet authors are looking for new forms and methods, but it is the Internet poets who consciously violate all the norms — the norms of versification, of the language, of text structure in order to reveal the potential of the language. The study revealed a lot of experiments with genres and language tools, for example in the graphic design of the text (for instance, graphic symbols in an unconventional function), in specific features of vocabulary, word formation, morphology and syntax.

Keywords: the Russian language, language peculiarities, the Internet poetry, co-creation of the author and the reader, genre, new genre forms

References

- Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [*Language and the world of man*]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1979). Problemy teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [Text problems in linguistics, philology and other humanities. Experience of philosophical analysis]. *Eстетика словесного творчества* [*Aesthetics of verbal creative work*]. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Bauerlein, M. (2008). *The Dumbest Generation: How the digital age stupefies young Americans and Jeopardizes our future (Or, don't trust anyone under 30)*. New York: Tarcher Publ.
- Jakobson, R. (1975). *N.S. Trubetzkoy's letters and notes*. The Hague — Paris, Mouton Publ.
- Carr, N.G. (2012). *Pustyshka. Chto internet delaet s nashimi mozgami* [*The Shallows: What the Internet is doing to our brains*]. Saint Petersburg: Best Business Books Publ. (In Russ.)
- Kemp, S. (2018). *Digital in 2018: World's Internet users pass the 4 billion mark*. Retrieved December 21 2018 from: <https://wearesocial.com/blog/2018/01/global-digital-report-2018>
- Kudryashov, I.A., & Kalashnikova, A.A. (2015). Verbal'no-semanticheskii uroven' funktsionirovaniya yazykovoï lichnosti v internet-kommunikatsii [Verbal and semantic level of language personality functioning in the internet communication]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [*Actual problems of philology and pedagogical linguistics*], 1(17), 24—31. (In Russ.)
- Lelenkov, I. *Poeticheskii vecher osnovatelya zhurnala "Sovremennaya poeziya"* [*Evening party of poetry of the founder of the magazine "Sovremennaya poeziya"*]. Retrieved December 21 2018 from: <http://www.kultinfo.com/novosti/1341>
- Lotman, Yu.M. (1981). Mozg — tekst — kul'tura — iskusstvennyi intellekt [Brain — Text — Culture — Artificial Intellect]. *Semiotika i informatika. Semnadsatyi vypusk* [*Semiotics and Information Technology. The seventeenth issue*]. Moscow: VINITI Publ. (In Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1997). *O russkoi literature. Stat'i i issledovaniya (1958—1993)* [*About Russian literature. Articles and research (1958—1993)*]. Saint Petersburg: Iskusstvo—SPB Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (1999). *Filologicheskii analiz poeticheskogo teksta* [*Philological analysis of a poetic text*]. Minsk: Belarus. resp. fond fundam. issled. Publ. (In Russ.)
- Mongileva, N.V. (2004). *Semanticheskoe prostranstvo poeticheskogo diskursa* [*Semantic space of poetic discourse*] (Candidate dissertation). Chelyabinsk. (In Russ.)
- Razeev, D.N., & Gusserl', E. (2004). *Vselyakh fenomenologii. Osnovnye problemy fenomenologii* [*In the networks of phenomenology. The main problems of phenomenology*]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. (In Russ.)
- Solganik, G.Ya. (2010). Sovremennaya yazykovaya situatsiya i tendentsii razvitiya literaturnogo yazyka [The modern linguistic situation and trends in literary language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni M.V. Lomonosova* [*Bulletin of Lomonosov Moscow State University*], (5), 122—134. (In Russ.)

Strelchuk, E.N., & Shaklein, V.M. (2018). Russian Language Studies is More Alive than All Living Things. *Cuadernos de Rusística Española*, (14), 15—25. (In Russ.)

Timofeev, A. (2018). Rol' kritiki v sovremennoi literature [The role of critics in modern literature]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. Retrieved December 21 2018 from: <http://www.magazines.russ.ru/voplit/2017/3/rol-kritiki-v-sovremennoj-literature.html> (In Russ.)

Article history:

Received: 06.10.2018

Accepted: 25.01.2019

For citation:

Bartosh Ju.V. (2019). Specific language of Russian Internet poetry. *Russian Language Studies*, 17(2), 229—242. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-229-242

Bio Note:

Julija Vasiljevna Bartosh, 3rd year postgraduate student (speciality 10.02.01 — Russian language), Vitebsk State University named after P.M. Masherov (Vitebsk, Republic of Belarus). *Contact Information*: lulka8bar86@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254

УДК 811.161

Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских

Е.С. Пивовар

Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины
Республика Беларусь, 210026, Витебск, ул. Доватора, 7/11

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу ключевых концептов языковых картин мира белорусов и русских, таких как «Родина», «язык», «воля». Наиважнейшим источником реконструкции концептов послужили художественные тексты классиков русской и белорусской литератур. Актуальность работы обусловлена новизной представленного языкового материала и недостаточностью сравнительно-сопоставительного анализа ключевых концептов различных лингвокультур. Особый интерес в этом плане вызывает языковая картина близкородственных народов: выявление универсального и национально-специфического компонентов в структурах ключевых концептов позволило сделать вывод о схожести, но не тождественности ментальности русских и белорусов. Планируется продолжить сравнительно-сопоставительное изучение ключевых концептов (семья, народ, человек и др.) с целью выявления схожих и различных черт не только отдельных концептов, но и национальных концептосфер русских и белорусов. В работе использованы общелингвистические методы (описательный, сравнительно-сопоставительный) и методы лингвокультурологии и когнитивной лингвистики (лингвокультурологическая и семантико-когнитивная методики изучения текста). Статья подготовлена под научным руководством доктора филологических наук, профессора В.А. Масловой.

Ключевые слова: русский язык, белорусский язык, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, концептуализация, концепт, ключевые концепты «Родина», «язык», «воля», концептосфера, национальная языковая картина мира, художественный дискурс

Введение

Современная лингвистика изучает различные проблемы концептуального, ментального содержания в языке. На данный момент доказано, что языки отражают культуру и менталитет народов, представляют национальные картины мира, в которых репрезентируются главные моральные и ценностные ориентиры этносов. Нами исследуется национальная картина мира посредством изучения лингвоментальных образований — концептов. Комплексный подход к данной проблеме предопределен антропоцентрической направленностью современного

© Пивовар Е.С., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

языкознания, которое акцентирует внимание на таких понятиях, как концепт, языковая личность, дискурс, языковое сознание, национальный менталитет, национальная картина мира.

Мы понимаем концепт как «понятие, погруженное в культуру» (Арутюнова, 1999), обладающее эмотивностью, коннотациями, аксиологическое и культурно-специфическое по своей природе образование (Маслова, 2001) и определяем его как лингвоментальное образование, вербализованный культурный смысл, имеющий имя/имена в языке (номинативное поле), а также ценностный, образный и понятийный компоненты.

Ключевой концепт — это общекультурное знаковое понятие, особенно важное для отдельно взятой общности. Некоторые ключевые концепты могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры. Данное терминологическое определение построено на удачной метафоре «ключи от культуры» и поэтому активно используется многими исследователями (Вежбицкая, 2001; Карасик, 2007; Маслова, 2004; Маслова, 2011; Пименова, 2011).

По мнению В.А. Масловой, к ключевым концептам культуры относятся такие абстрактные понятия, как совесть, судьба, воля, грех, закон, свобода, интеллигенция, Родина и т.п. (Маслова, 2001: 137). При определении ключевых концептов в художественной литературе (Пивовар, 2015) мы руководствовались частотностью и важностью тех или иных тем и мотивов произведений. Стоит отметить, что художественный текст — это специфический лингвистический объект (Карасева, 2012), форма фиксации национальной культуры. Слово в художественном тексте включает дополнительный смысл, коннотации, ассоциации, и поэтому именно литература часто является источником языкового материала для реконструкции концептуальных картин мира.

На данный момент концептуальные картины белорусов и русских в сравнительном аспекте мало изучены лингвистами. По причине того, что национально-культурная особенность той или иной языковой картины мира особенно заметна при сопоставлении ее с иными, считаем, что исследования нескольких лингвокультур имеют большое значение для развития современных направлений языкознания. Сопоставление содержания ключевых концептов языковых картинах мира русской и белорусской лингвокультур будет интересным не только лингвистам, но и психологам, этнологам, литературоведам.

Цель

Цель нашего исследования — реконструировать ключевые концепты русской и белорусской лингвокультур в сравнительно-сопоставительном аспекте, выявить универсальные и национально-специфические черты в структуре трех ключевых концептов «Родина», «язык», «воля».

Материалы и методы

Представленное исследование проведено на обширном языковом материале белорусского и русского языков (паремиологический и фразеологический фонд,

художественный дискурс, лексикографические данные). Методы исследования: описательный, компонентного анализа, контекстуального анализа лексических единиц и словарных дефиниций, лингвокультурологическая и семантико-когнитивная методики изучения текста, элементы этимологического анализа и количественных подсчетов.

Результаты

Анализ языковой репрезентации ключевых концептов в художественных текстах позволил сделать выводы об особенностях ментальности русских и белорусов, нормах поведения и ценностных ориентациях. Ключевые концепты «Родина», «язык», «воля» являются наиболее важными для постижения языковой картины мира любой нации. Они в совокупности со связанными с ними реалиями и национальными традициями представляют собой концепты универсальные, но этнически осмысленные. Названные концепты исторически сформированные, постоянные, т.к. входят в набор концептов современного сознания многих народов.

Изученный материал подводит к выводу, что в содержании ключевых концептов национальных языковых картин белорусов и русских можно выделить универсальный (общий) ярко выраженный ценностный компонент трех рассмотренных концептов, взаимосвязь изученных лингвоментальных образований, и национально-специфический компонент — разное понятийное содержание концептов (представление пространства Родины, понимание воли как неподвластной свободы у русских и ограничение ее законом у белорусов, разное понятийное наполнение концепта «родной язык», связанное с историческим путем русского и белорусского языков).

Обсуждение

В данном исследовании за основу взяты следующие лингвокультурологические единицы: концепты «Родина», «родной язык», «воля/свобода». Мы не ограничиваемся рассмотрением одного ключевого концепта (например, «Родина»), т.к. целью исследования является представление концепта как структурирующего начала языковой картины мира на примере нескольких взаимосвязанных ключевых концептов.

Концепт «Родина» стал привлекать внимание лингвистов с 90-х годов XX века, когда стали актуальными проблемы национальной идентичности и их отражения в языке. Анализу данного концепта посвящены работы А. Вежбицкой (Вежбицкая, 1997; Вежбицкая, 2001), В.Н. Телия (Телия, 1997), а также группы этнолингвистов под руководством Е. Бартоминьского в Польше (Бартоминьский, 2005).

В русском языкознании на материале педагогического дискурса данный концепт рассматривался также в работах Ж.Б. Есмурзаевой (Есмурзаева, 2010) и Я.А. Гимаева (Гимаев, 2010). В исследованиях акцентируется внимание на исключительной важности художественных произведений, включенных в школьную программу по литературе, в формировании мировоззрения и национального са-

мосознания новых поколений. По этой причине в нашей работе наряду с различными языковыми средствами репрезентации ключевых концептов используются цитаты из произведений классиков русской и белорусской литератур.

Родина для белорусов и русских — великая ценность (рус. яз. — Родина краше солнца, дороже золота; бел. яз. — У сваім краю, як у раю), а чужбина противопоставляется родным местам и может иметь негативную коннотацию (рус. яз. — Родная сторона — мать, а чужая — мачеха; бел. яз. — Далекая старонка без ветру сушыць). Также отметим сходство образного компонента концепта «Родина» в русской и белорусской языковых картинах мира: Родина представлена как мать, что отображено в паремиологическом фонде обоих языков (рус. яз. — Родина любимая — мать родимая; Береги землю родимую, как мать любимую; бел. яз. — Свая хатка — родная матка, а чужая — мачыха). Данная «семейная» метафора подкрепляется этимологией, ведь в обоих языках лексема «родина» происходит от корня «род-», имеющего значение «кровная связь».

Анализ языка русской и белорусской художественных литератур свидетельствует о том, что в обеих литературах существует разделение пространства на «свое» и «чужое», причем «свое» — это чаще родной дом, а «чужое» — территория за границами дома, родной деревни (города, страны). Оппозицией родине как освоенной территории в пространственном отношении выступает чужбина (бел. яз. — чужына). В большинстве художественных текстов она ассоциируется с холодом, отсутствием уюта, одиночеством (бел. яз. — Не мяняй свой куток на прастору чужую, / У прасторы чужой птушка гнёзды не ўе [перевод на рус. яз. — Не меняй свой уголок на чужое пространство — в просторе чужом птица гнёзд не вьет] (Р. Бородулин))¹.

Белорусские писатели отрицают хаотичную миграцию, для белорусов не характерно бесконечное блуждание; стабильный, постоянный элемент преобладает в складе национальной психики и мышления (бел. яз. — Лепш грызці зямлю ў родным кутку, чым каб цябе ліхім ветрам кідала на чужым свеце [перевод на рус. яз. — Лучше грызть землю в родном уголке, чем чтобы тебя диким ветром носило по чужим краям] (К. Чёрный)²; бел. яз. — Продкі ані мае, ні твае / Сваёй зямлі не мянялі [перевод на рус. яз. — Предки ни твои, ни мои / Своей земли не меняли] (Р. Бородулин))). Как отмечает В.А. Маслова, «белорусы менее склонны к перемещениям, это достаточно оседлая нация, среди них даже сейчас почти нет эмигрантов. А вынужденная миграция тяжело переживается ими» (Маслова, 2011: 56).

Также отметим, что в белорусском языке концепт «пространство» нередко вербализуется лексической единицей «куток» (рус. яз. — уголок) (бел. яз. — Мой родны кут, як ты мне мілы... (Я. Колос))³. В русском художественном и публицистическом дискурсах данная лексема встречается довольно редко.

Мотив восхищения широкими просторами более характерен для русской поэзии, литературы в целом. У белорусов же нет поэтизации безграничных про-

¹ Барадулін Р. Выбраныя творы. Мінск: Кнігазбор, 2008. 596 с.

² Чорны К. Творы. Мінск: Мастацкая літаратура, 2015. 734 с.

³ Колас Я. Новая зямля. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. 448 с.

сторов. Н.А. Бердяев, характеризуя менталитет русского народа, отмечает: “Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безграничность не освобождает, а поработывает ее... Огромные просторы находятся внутри русской души и имеют над ней огромную власть... Русский человек чувствует себя беспомощным овладеть этими просторами и организовать их” (Бердяев, 2004: 96).

Образный компонент концепта «Родина» в обеих лингвокультурах представлен когнитивными признаками «родной дом», «семья», «родная природа». При этом последний компонент по-разному реконструирован в национальных литературах. В русских художественных текстах чаще воспеваются степь, широкое поле, лес, река. Родная природа в белорусской литературе представлена образами пуши, леса, озера, болота, причем последнее вербализовано более чем двумя десятками лексем, многие из которых безэквивалентны в переводе на русский язык (бел. яз. «багнішча» — рус. яз. «огромная топь»; бел. яз. «імшара» — рус. яз. «моховое болото»; бел. яз. «узболатак» — рус. яз. «край болота»).

В белорусских художественных текстах Родина чаще представлена как родной дом, семья, природа, а не государственное образование. Мы полагаем, это связано с продолжительным периодом отсутствия белорусской государственности до начала XX века и сильными семейными традициями. В связи с этим цитируем Н.Б. Мечковскую: «В отличие от “государственного” русского народа, белорусы всегда были и есть более “приватные” люди, обособленные от любого государства» (Мячкоўская, 2008: 73).

С.Г. Воркачев назвал концепты «Родина» и «народ» телеономными (Воркачев, 2013: 4), т.е. отражающими ценности, для защиты которых человек готов пожертвовать собственной жизнью. Белорусские художественные тексты подтверждают это (бел. яз. — *Маліся ж, бабулька, да Бога... / Каб за край быў умёрці гатоў, / Каб не прагнуў айчыны чужых [перевод на рус. яз. — Молись, бабушка, Богу, чтобы за край был умереть готов, чтобы не желал отчизны чужих]* (Ф. Богушевич)¹. Анализ белорусской литературы при определении языковых средств выражения концепта «Родина» показал, что самым распространенным когнитивным признаком в рассмотренных нами контекстах стал понятийный компонент «возвращение на Родину, невозможность счастливой жизни без Родины», «Родина — место последнего пристанища», «пожелание процветания своей Родине».

Таким образом, ценностный компонент ключевого концепта «Родина» в обеих языковых картинах мира входит в ядро лингвоментального образования. Образный компонент имеет схожие черты: Родина — это семья, мать, родной дом, отличным является образный компонент «родная природа», что вызвано различием в климатических и географических условиях проживания двух народов.

Язык выступает средством познания мира, формирует самосознание как личности, так и этноса. Человек, который идентифицирует себя с определенной культурой, усваивает ее стереотипы, нормы поведения. В этом плане важным понятием является родной язык, который в значительной степени формирует этни-

¹ Багушэвіч Ф. Творы: вершы, паэма, апавяданні, артыкулы, лісты. Мінск: Мастацкая літаратура, 1991. 309 с.

ческое самосознание и выступает одной из его сторон как символ этнической общности. Концепт «язык» стал объектом изучения ряда российских лингвистов (Степанов, 1997; Полиниченко, 2005; Тавдгиридзе, 2006). В сравнительном аспекте данный концепт в русской, немецкой и японской лингвокультурах рассматривала Г.М. Милованова (Милованова, 2006).

Ядро концепта «родной язык» в обеих языковых картинах мира формируется следующими когнитивными признаками: красота (рус. яз. — Русский язык в умелых руках и в опытных устах — красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен рус. яз. (К. Чуковский)¹; бел. яз. — Мова! Як сонца маё беларускае, / Ты свецішся словам кожным (Е. Янищиц)²; лаконичность (рус. яз. — Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства (А.Н. Толстой); бел. яз. — Кожны народ мае хаця б адзін геніяльны твор, і гэты твор — мова (А. Рязанов)³; величие и богатство родного языка (рус. яз. — Наш русский язык, более всех новых, может быть способен приблизиться к языкам классическим по своему богатству, силе, свободе расположения, обилию форм (Н. Добролюбов); бел. яз. — Святыня народа, бясмерце яго, — / Ты выткана, дзіўная родная мова (М. Танк)).

Общей чертой концептуализации понятия «родной язык» у белорусов и русских можно считать то, что центральной лексемой, вербализующей данный концепт, является слово (рус. яз — Молчат гробницы, мумии и кости, — / Лишь слову жизнь дана: / Из древней тьмы, на мировом погосте, / Звучат лишь Письмена (И. Бунин)⁴; бел. яз. — Лёсу майго кірунак, / Долі маёй выснова, / Як паратунак, — / Матчына слова, бацькава слова, / Роднае вечнае слова [перевод на рус. яз. — Судьбы моей направление, доли моей итог, как спасение, мамино слово, отчее слово, родное вечное слово] (П. Макаль)⁵.

По свидетельству Г.Н. Миловановой, концепт «родной язык» в концептосфере русского языка наиболее близок к концептам «Бог», «творчество», «человек», «мир». Согласно нашему исследованию, концепт «родная мова» (рус. яз. — «родной язык») имеет более тесные связи с концептами «Родина», «народ», «воля».

Отметим отличие понятийного содержания концептов «родной язык» и «родная мова». Если в языковой картине мира русской лингвокультуры подчеркивается величие, лаконичность и исключительность русского языка, то в структуре концепта «родная мова» основополагающими понятийными компонентами являются «красота родного языка», «важность сохранения языка для будущих поколений белорусов», «язык — условие для существования самостоятельного этноса», «родной язык приходит в упадок, исчезает». Таким образом, в структуре

¹ Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. Критика, воспоминания, публицистика. М.: Терра — Книжный клуб, 2012. 420 с.

² Янішчыц Я. І. Пачынаецца ўсё з любві...: вершы, паэмы. Мінск: Мастацкая літаратура, 2008. 339 с.

³ Разанаў А. Паляванне ў райскай даліне. Мінск: Мастацкая літаратура, 1995. 287 с.

⁴ Бунин И. Стихотворения. М.: Профиздат, 2011. 256 с.

⁵ Макаль П. Выбранае. Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. 180 с.

концепта отразилась история белорусского языка с периодами упадка и возрождения.

Особенностью языковой репрезентации концептов «язык» и «воля» в белорусском художественном дискурсе являются лексемы «мова» и «воля» в одном синонимическом ряду, т.е. народ, который не может говорить на родном языке, не может считаться свободным. В этом видится глубокая связь названных концептов: язык народа — признак его суверенитета, независимости страны (бел. яз. — Край баіцца размовы пра волю, / Край згубіў сваю мову / І матчынай песні напеў (В. Короткевич))¹.

Отметим, что в русской лингвокультурологии концепты «воля» и «свобода» рассматриваются как самостоятельные и образуют смысловую пару. Н.М. Катаева отмечает: «Исследования концептуальной пары «воля» и «свобода» позволяют утверждать, что в русском языковом сознании воля, будучи связанной со свободой, почти всегда ей противопоставляется, в отличие от свободы она является особой единицей ментальности русского человека» (Катаева, 2005: 45). В белорусской языковой картине мира нет таких различий, лексемы «воля» и «свобода» в белорусском языке являются тождественными, поэтому в языковой картине мира белорусов целесообразно выделять один концепт «воля/свобода».

В работах русских исследователей (Катаева, 2005; Солохина, 2003) отмечается, что воля «по-русски» — это личностная и географическая неограниченная свобода (рус. яз. — В поле своя воля; жить по воле, умереть в поле). В это же время в белорусских поговорках и художественных текстах доминирует понятийный компонент «воля ограничивается законом». Следует отметить, что значительная устойчивость правовых норм характеризует многие поколения белорусов — жить «па законах продкаў». В школьной программе по белорусской литературе изучается предисловие к Статуту Великого княжества Литовского 1588 г., где наиболее убедительно представлено понятие воли и закона в белорусской ментальности: «... *карыстацца свабодай можа той, хто стане нявольнікам закону. А для прыстойнага чалавека няма большай асалоды, як жыць у сваёй Айчыне ў поўнай бяспецы, ні з кім не біцца і не сварыцца* [перевод на рус. яз. — ...пользоваться свободой может только тот, кто станет невольником закона. А для пристойного человека нет большей благодати, чем жить в своей Отчизне в полной безопасности]»².

Поречия как свернутые правила поведения и норм общества выражают ценностные ориентиры современников, а также историческую память народа. Так, в белорусской и русской фразеологии сохранились сведения об общественных отношениях в период существования крепостного права (рус. яз. — Неволя — боярский двор: ходя наешься, стоя выплещешься; Барскую просьбу почитай за приказ; бел. яз. — Бізун ды падаткі — панскія парадкі; Вось табе хамут і дуга, а я табе не слуга; І ў сваёй хаце не вольна). Эти исторические обстоятельства еще более усилили ценность свободы в коллективном сознании обоих этносов.

¹ Караткевіч У. Збор твораў: у 8 т. Т. 1. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. 431 с.

² Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: тэксты, даведнік, каментарыі. Мінск: Беларуска-савецкая энцыклапедыя, 1989. 573 с.

По данным анализа русской художественной литературы образный компонент данного концепта представлен фигурами С. Разина и Е. Пугачева, в белорусской литературе таким ключевым образом является личность К. Калиновского. Ценностный компонент определяется как положительный и входит в ядро концептов. На это указывает семантический анализ паремий и художественных контекстов, в которых репрезентируется данное понятие.

Заключение

Изучение ключевых концептов отдельных лингвокультур позволяет проникнуть в ментальность народа, понять особенности, нормы и правила поведения определенной культуры. В ходе исследования был выделен фрагмент концептосфер белорусов и русских — ключевые концепты «Родина», «язык», «воля». В сравнительно-сопоставительном аспекте представлена их структура: ценностный, образный, понятийный компоненты. На примерах из художественного дискурса, паремиологического фонда, лексикографических данных обоих языков установлены следующие общие черты:

- 1) концепты «Родина», «родной язык», «воля/свобода» имеют тесную взаимосвязь в языковых картинах мира русских и белорусов;
- 2) данные ключевые концепты обладают большой аксиологической значимостью и в русской, и в белорусской лингвокультурах;
- 3) общей чертой реконструированных концептов является тесная связь концептов «Родина» и «родной язык» с концептами «мать», «семья», «дом»;
- 4) наличие таких когнитивных признаков концепта «родной язык», как «красота, величие родного языка», «родной язык — культурное наследие народа» в языковых картинах мира русских и белорусов.

Отметим, что сходство языковых картин мира предопределено наличием в ключевых концептах универсального компонента, характерного для человечества в общем (к примеру, раздел территории на «свою» и «чужую» и позитивная оценка «своей»), а также исторической и генетической общностью. Русские и белорусы являются восточнославянскими народами, имеют близкородственные языки и культуры.

Доказано, что понятийный и образный компоненты рассмотренных концептов имеют как схожие, так и различные черты. Отмечено различное пространственное представление концепта «Родина» (у русских — необъятная территория, у белорусов — небольшая территория, «куток»), понимание безграничности личной свободы у русских и белорусов отличается, в то время как свобода Родины, своего народа считается наивысшей ценностью. В языковой картине мира белорусов, наряду с понятийным компонентом «величие родного языка», ядро концепта формируют компоненты «родной язык исчезает», «родной язык — условие существования этноса». Расхождение в структурах ключевых концептов указывает на различные исторические пути народа, что обуславливает, наряду с внутренними причинами, как сходство, так и отличие в национальных картинах мира русских и белорусов.

В настоящей статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ фрагмента концептуальных картин мира русских и белорусов. Дальнейшее исследование ключевых концептов «семья», «народ», «человек» позволит сделать более точные выводы о схожести и различиях данных концептосфер. Эти знания могут быть применены в других гуманитарных науках: этнологии, психологии, литературоведении.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бартминьский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик, 2005. 528 с.
- Бердяев Н.* Судьба России. М.: Русский путь, 2004. 704 с.
- Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русское слово, 1997. 411 с.
- Вежицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 287 с.
- Воркачев С.Г.* Singularia tantum: идеологема «народ» в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2013. 254 с.
- Гимаев Я.А.* Актуализация концепта РОДИНА в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Мос. гос. обл. ун-т, 2010. 26 с.
- Есмурзаева Ж.Б.* Концепт Родина в педагогическом дискурсе на рубеже XX—XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. Омск: Ом. гос. ун-т, 2010. 209 с.
- Карасева Ю.А.* Художественный текст как источник национально-культурной информации и выразитель национальной ментальности (на материале произведений художественной литературы стран Андской культурно-исторической зоны): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 2012. 24 с.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
- Катаева Н.М.* Воля. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 44—60.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
- Маслова В.А.* Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. М.: Флинта, 2004. 256 с.
- Маслова В.А.* Национальный характер сквозь призму языка: монография. Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2011. 76 с.
- Милованова Г.Н.* Родной язык // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 3. Волгоград: Парадигма, 2006. С. 39—50.
- Пименова М.В.* Языковая картина мира: учебное пособие. Кемерово: Кем. гос. ун-т, 2011. 105 с.
- Полиниченко Д.Ю.* Язык. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 343—358.
- Словарь афоризмов русских писателей / сост. А.В. Королькова, А.Г. Ломов, А.Н. Тихонов. М.: Рус. яз. — Медиа, 2004. 636 с.
- Тавдгиридзе Л.А.* Русский язык. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 3. С. 6—39.
- Телия В.Н.* Наименование РОДИНА как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация: материалы круглого стола, посвященного юбилею Е.С. Кубряковой. М.: Наука, 1997. С. 77—79.

Солохина А.С. Отношение к свободе в русской паремиологии // Проблемы современной лингвистики: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2003. С. 37—42.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Мячкоўская Н.Б. Мовы і культура Беларусі: нарысы. Мінск: Права і эканоміка, 2008. 347 с.

Пивовар К.С. Беларуская ментальнасць у моўнай прасторы мастацкага тэксту: манаграфія. Віцебск: Віцеб. дзярж. ун-т, 2015. 155 с.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 02.10.2018

Дата принятия к печати: 21.01.2019

Для цитирования:

Пивовар Е.С. Ключевой концепт как структурирующее начало языковой картины мира у белорусов и русских // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 243—254. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254

Сведения об авторе:

Пивовар Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины (Витебск, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов:* лингвистика текста, лингвокультурология, когнитивная лингвистика. Автор более 50 научных работ, среди которых монография «Белорусская ментальность в языковом пространстве художественного текста». *Контактная информация:* eka15580575@yandex.ru

Scientific article

The key concept as a structuring base of Russian and Belarusian linguistic worldview

Yekaterina S. Pivovar

Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine
7/11 Dovatora St., Vitebsk, 210026, Republic of Belarus

This article presents the comparative analysis of the key concepts in linguistic world views of the Belarusians and Russians. The key concepts *Motherland, language, freedom* are considered. To reconstruct the key concepts the author took classical Russian and Belarusian artistic texts. The work is relevant due to the novelty of the presented language material and the insufficiency of the comparative analysis of the key concepts in various linguistic cultures. The linguistic world views of closely related nations are of particular interest in this regard. The identified universal and nationally specific components in the structures of key concepts led to the conclusion that the mentalities of the Russians and Belarusians are not the same. We are planning to continue a comparative study of key concepts (family, nation, man, etc.) in order to identify similar and different features not only of particular

concepts, but also of the national concept spheres of the Russians and Belarusians. The author used general linguistic methods (descriptive, comparative) and methods of cultural and cognitive linguistics (linguocultural and semantic-cognitive methods of text studies). This article is prepared under the supervision of Doctor of Philology, Professor V.A. Maslova.

Keywords: the Russian language, the Belarusian language, concept, key concepts *Motherland, family, people, language, freedom*, concept sphere, national language world view, cultural linguistics, cognitive linguistics, conceptualization, artistic discourse

References

- Arutyunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ. (In Russ.)
- Bartmin'skii, E. (2005). *Yazykovoi obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic image of the world: essays on ethnolinguistics]. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.)
- Berdyayev, N. (2004). *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Moscow: Russkii put' Publ. (In Russ.)
- Gimaev, Ya.A. (2010). *Aktualizatsiya kontsepta RODINA v shkol'nykh uchebnikakh po literature i v massovom soznanii uchashchikhsya* [Actualization of the concept HOMELAND in school textbooks on literature and in mass consciousness of students] (Author's abstr. diss. Cand. Filol. Nauk). Moscow. (In Russ.)
- Esmurzaeva, Zh.B. (2010). *Koncept Rodina v pedagogicheskom diskurse na rubezhe XX—XXI vv.* [The concept Homeland in pedagogical discourse at the turn of the XX—XXI centuries] (Doctoral dissertation). Omsk. (In Russ.)
- Karaseva, Yu.A. (2012). *Khudozhestvennyi tekst kak istochnik natsional'no-kul'turnoi informatsii i vyrazitel' natsional'noi mental'nosti (na materiale proizvedenii khudozhestvennoi literatury stran Andskoi kul'turno-istoricheskoi zony)* [Artistic text as a source of national and cultural information and expression of the national mentality (based on literature works of the Andean cultural and historical zone)] (Author's abstr. diss. Cand. Filol. Nauk). Moscow. (In Russ.)
- Karasik V. (2007). *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)
- Kataeva, N.M. (2005). *Volya* [Freedom]. *Antologiya konceptov* [Anthology of concepts]. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)
- Korol'kova, A.V., Lomov, A.G., & Tikhonov, A.N. (2004). *Slovar' aforizmov russkikh pisatelei* [Dictionary of aphorisms of Russian writers]. Moscow: Rus. yaz. — Media Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2001). *Lingvokul'turologiya: uchebnoe posobie* [Cultural linguistics: manual]. Moscow: Academia Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2004). *Poet i kultura: konceptosfera Mariny Tsvetaevoi* [Poet and culture: the concept sphere of Marina Tsvetaeva]. Moscow: Flinta Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2011). *Natsional'nyi kharakter skvoz' prizmu yazyka* [National character through the prism of language]. Vitebsk: Viteb. gos. un-t Publ. (In Russ.)
- Milovanova, G.N. (2006). *Rodnoi yazyk* [Native language]. *Antologiya konceptov* [Anthology of concepts]. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)
- Pimenova, M.V. (2011). *Yazykovaya kartina mira: uchebnoe posobie* [Language world view: manual]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ. (In Russ.)
- Polinichenko, D.Yu. (2005). *Yazyk* [Language]. *Antologiya konceptov* [Anthology of concepts]. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)
- Tavdgiridze, L.A. (2006). *Russkii yazyk* [Russian language]. *Antologiya konceptov* [Anthology of concepts]. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)

- Teliya, V.N. (1997). Naimenovanie RODINA kak chast' socialnogo koncepta "Patria" v russkom yazyke [Name HOMELAND as a part of the social concept "Patria" in Russian]. *Yazykovaya kategorizaciya: materialy kruglogo stola, posvyashchennye yubileyu E.S. Kubryakovoi* [Language categorization: materials of the roundtable dedicated to the anniversary of E.S. Kubryakova]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Solokhina, A.S. (2003). Otnoshenie k svobode v russkoi paremiologii [Attitude to freedom in Russian paremiology]. *Problemy sovremennoj lingvistiki* [Problems of modern linguistics]. Volgograd: Kolledzh Publ. (In Russ.)
- Stepanov, Yu.S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoi kultury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow: Yazyki russkoi kultury Publ. (In Russ.)
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkoe slovo Publ. (In Russ.)
- Vezhbitskaya, A. (2001). *Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kultury Publ. (In Russ.)
- Vorkachev, S.G. (2013). *Singularia tantum: ideologema "narod" v russkoi lingvokulture* [Singularia tantum: ideologeme "people" in Russian cultural linguistics]. Volgograd: Paradigma Publ. (In Russ.)
- Myachkouskaya, N.B. (2008). *Movy i kultura Belarusi: narysy* [Languages and cultures of Belarus: essays]. Minsk: Prava i ekanomika Publ. (In Belarus.)
- Pivavar, K.S. (2015). *Belaruskaya mentalnasc u mounai prastory mastackaga tekstu* [Belarusian mentality in the language space of an artistic text]. Vitebsk: Viteb. dzjarzh. un-t Publ. (In Belarus.)

Article history:

Received: 02.10.2018

Accepted: 21.01.2019

For citation:

Pivovar Ye.S. (2019). The key concept as a structuring base of Russian and Belarusian linguistic worldview. *Russian Language Studies*, 17(2), 243—254. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-243-254

Bio Note:

Yekaterina Sergeevna Pivovar, PhD, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Vitebsk State Academy of Veterinary Medicine (Vitebsk, Republic of Belarus). *Research interests:* text linguistics, cultural linguistics, cognitive linguistics. The author of more than 50 scientific papers including the monograph "Belarusian mentality in the linguistic space of an artistic text". *Contact information:* eka15580575@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-255-257

**Рецензия на учебное пособие В.А. Масловой
«Концептуальные основы современной лингвистики»
(Москва: Флинта, 2019. 332 с.)**

Т.В. Поплавская

Минский государственный лингвистический университет
Республика Беларусь, 220034, Минск, ул. Захарова, 21

Новая книга известного автора-лингвиста Валентины Авраамовны Масловой вышла в издательстве «Флинта» два месяца назад. Это курс, состоящий из двадцати двух лекций, объединенных пятью темами. Жанр лекций определяет стилистику рукописи и ее форму: текст, вопросы и задания к каждой теме. Кроме того, литература, предлагаемая автором обучающимся, дается не единым списком, а тематически, что весьма удобно для пользователей.

Необходимо сразу подчеркнуть современный глубокий подход к объекту внимания автора — человеческому языку. Валентина Авраамовна реализует широкий взгляд на объект, при котором язык рассматривается сквозь призму его носителя и социума, членом которого последний является. Отсюда — вопросы философии языка (для автора совершенно естественно, что философия языка есть область лингвистики, а не области философии), лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Автор вводит термин «лингвоконцептология» как симбиоз лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Такой подход более чем уместен в рамках антропоцентрической парадигмы.

Новой темой для изданий подобного рода является получившая интересное развитие в последние годы тема теолингвистики, разработка которой в отечественном языкознании существенно отставала от мировых тенденций. Следует отметить, что весь материал рукописи отличается новизной и глубоким взвешенным подходом к анализируемому объекту. Это обеспечивается исследовательским характером текста: он не содержит прописные истины и школярские формулировки, но является итогом (это видно из текста и известно коллегам — лекторам в данной области знания) многолетней исследовательской и педагогической деятельности В.А. Масловой. Пособие рассчитано на думающих, заинтересованных читателей. Автор адресует его магистрантам, однако следует отметить, что для студентов магистратуры — это скорее продвинутый уровень. И разумеется, по-

© Поплавская Т.В., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

собие будет весьма полезно преподавателям-филологам. Оно соотносится с рабочей программой по «Концептуальным основам лингвистики», реализуемой в Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, со стандартом второй ступени высшего образования по языковедческим дисциплинам. Его можно использовать и с рядом тем «Истории лингвистических учений», которая читается аспирантам-лингвистам. Следует подчеркнуть, что списки литературы, предлагаемые автором, содержат указания на актуальные публикации, выпущенные за последние годы.

Если программы языковедческих дисциплин для первой ступени высшего образования призваны обеспечить надежную базу филологического образования, то программы магистратуры ориентированы на расширение лингвистического кругозора и являются своего рода посылом для дальнейшего образования и самообразования. Пособие или отдельные его темы, особенно четвертую и пятую, вполне можно рекомендовать для самостоятельной работы.

Автор опирается на классические языковедческие теории и последние достижения лингвистической науки, поэтому пособие можно также рассматривать как путеводитель, своего рода дорожную карту для более глубокого и тонкого постижения такого основополагающего для человечества феномена, как язык.

Вопросы для самоконтроля, предложенные автором, призваны формировать научное, в частности филологическое, мировоззрение. Они не только относятся к фактическому материалу, размещенному в лекциях, но и заставляют читателя задуматься о причинах и следствиях того или иного феномена; большая часть вопросов начинается со слова «почему». Задания носят аналитический, исследовательский характер, что совершенно естественно для дисциплины второй ступени высшего образования. Вопросы и задания усложняются от темы к теме, и можно надеяться, что результатом работы с пособием для студентов магистратуры (да и для многих аспирантов) станет переход на новую ступень профессиональной подготовки.

Чрезвычайно широкий охват литературы, который, судя по всему, является принципиальным для автора, предполагает знакомство обучающихся с различными позициями, школами и точками зрения. Среди них автор предлагает и свою, которая совершенно не обязательно совпадает с позициями рецензентов, что вполне естественно. Можно было бы поспорить насчет антропоцентричности как исследовательского принципа, появившегося в XXI веке, или диалогичности, о которой писал еще М.М. Бахтин, и ее соотношения с принципом коммуникативности (в который она по сути входит), датировки дискурсивного подхода к объекту лингвистики, выделения «новых отраслей лингвистики» в XXI веке, реконструкции концептов. Не очень ясно, как «рукомойник» Ахматовой использовался во время Причастия. Однако эти вопросы, которые можно было бы задать автору, с таким же успехом можно задать и многим другим серьезным исследователям, существующим в той же научной парадигме.

В целом, следует отметить, что рецензируемая книга — это серьезное монолитное произведение, ознакомление с которым, на наш взгляд, существенно повысит общеобразовательный гуманитарный уровень студентов магистратуры (чего им подчас катастрофически не хватает) и внесет существенный вклад в профес-

сиональную подготовку магистрантов, особенно планирующих продолжить ее в аспирантуре, и аспирантов, приступивших к исследовательской деятельности в русле лингвистической тематики.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.11.2018

Дата принятия к печати: 10.12.2018

Для цитирования:

Поплавская Т.В. Рецензия на учебное пособие В.А. Масловой «Концептуальные основы современной лингвистики» (Москва: Флинта, 2019. 332 с.) // *Русистика*. 2019. Т. 17. № 2. 255–257. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-255-257

Сведения об авторе:

Поплавская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета (Минск, Республика Беларусь). *Сфера научных интересов*: коммуникативное пространство, коммуникативные стратегии, организационная коммуникация, межкультурная коммуникация. Автор более 170 научных работ. *Контактная информация*: taniapoplavskaja@gmail.com

Review

**Review of the textbook of V.A. Maslova
“Conceptual Basics of Modern Linguistics”
(Moscow: Flinta Publ., 2019. 332 p.)**

Tat'yana V. Poplavskaja

Minsk State Linguistic University
21 Zaharova St., Minsk, 220034, Republic of Belarus

Article history:

Received: 12.11.2018

Accepted: 10.12.2018

For citation:

Poplavskaja T.V. (2019) Review of the textbook of V.A. Maslova “Conceptual Basics of Modern Linguistics” (Moscow: Flinta Publ., 2019. 332 p.). *Russian Language Studies*, 17(2), 255–257. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-255-257

Bio Note:

Tat'yana Viktorovna Poplavskaja, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Speech and Communication Theory at Minsk State Linguistic University. *Research interests*: communication space, communication strategies, organizational communication, intercultural communication. The author of more than 170 scientific researches. *Contact information*: taniapoplavskaja@gmail.com

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал
РУСИСТИКА

36433

(индекс издания)

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36433

(индекс издания)

ПВ	место	литер

Русистика

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

--

(индекс издания)

--

Количество комплектов:

--

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

--

(индекс издания)

ПВ	место	литер

Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
